

JAN SZCZEPAŃSKI

**ELEMENTARNE
POJĘCIA
SOCJOLOGII**

WARSZAWA 1966
PAŃSTWOWE WYDAWNICTWO NAUKOWE

ЯН ЩЕПАНЬСКИЙ

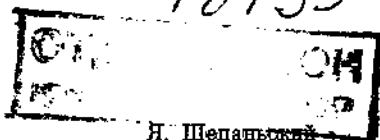
**ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
ПОНЯТИЯ
СОЦИОЛОГИИ**

Общая редакция и послесловие
академика *А. М. Румянцева*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1988

Перевод с польского М. М. Гуренко

18735



Я. Щепаньский

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛОГИИ

Редактор *О. Попов*

Художник *В. Ходоровский*

Художественный редактор *Л. Шкамов*

Технический редактор *Г. Калинцева*

Сдано в производство 18/XII 1968 г.

Подписано к печати 29/V 1969 г.

Бумага № 1 — 84×108¹/₃₂ бум. л. 3³/₄,

12,6 печ. л. Уч.-изд. л. 12,65. Изд. № 9/9512

Цена 94 коп. Зак. 419

Издательство «Прогресс»

Комитета по печати при Совете Министров СССР

Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома

Комитета по печати при Совете Министров СССР

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Редакция литературы по вопросам философии и права

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателя книга «Элементарные понятия социологии» написана Яном Щепаньским — известным общественным деятелем, видным польским ученым, президентом Международной социологической ассоциации, автором и редактором многих работ по социологическим исследованиям. Ян Щепаньский является редактором большой серии социологических материалов, издаваемых с 1958 года Отделением социологических исследований Института философии и социологии Польской Академии наук под общим названием «К изучению рабочего класса и интеллигенции».

Книга «Элементарные понятия социологии» подготовлена на основе цикла лекций, прочитанных студентам-социологам. Автор считает, что его книга вводит в социологию, в ее язык и понятийный аппарат. Но значение книги выходит за рамки поставленной автором задачи.

В книге рассматривается достаточно широкий круг социологических проблем, которые автор излагает исходя из определенного понимания структуры социологии как науки. Ян Щепаньский выделяет в социологии область абстрактных теорий и различные разделы частной социологии, давая их продуманную типологию.

Ян Щепаньский вводит и новые социологические категории, понятия, термины, необходимые как для разработки социологических теорий, так и для описания и анализа эмпирически получаемого материала, дает абстрактно-социологическую интерпрета-

цию терминов, содержание которых нередко отождествляется с тем или иным их значением. Речь идет о таких терминах, как карьера, бюрократия, деградация, дезорганизация, социальная иерархия, идеал, эталон (образец) поведения и другие. Ян Щепаньский не только критически подходит к определениям и терминам, встречающимся в специальной литературе, но и устанавливает критерии для более полной их характеристики.

Книга имеет четкую структуру: она состоит из введения и восьми основных глав. Каждая из глав включает в свой состав определение понятия, характеристику важнейших социологических проблем, критический разбор различных точек зрения по проблематике главы, примечания и, наконец, библиографический указатель. Все главы содержат как новые материалы, так и материалы, недостаточно разработанные в социологической литературе. При этом автор стремится раскрыть самые разнообразные аспекты изучаемой проблемы.

В целом книга Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии» дает довольно ясное представление о категориях, терминах и проблемах социологии, ее основных закономерностях, ее достижениях и пробелах.

Книга предназначена как для специалистов-философов и социологов, так и для широких кругов научной общественности, журналистов, студентов гуманитарных факультетов, общественных работников, интересующихся проблемами социологии.

I. ВВЕДЕНИЕ

Поскольку эта работа должна быть введением в основные понятия социологии, следовало бы начать ее с определения самой социологии как науки. Несмотря на наличие уже обширной социологической литературы на польском языке и на большой объем публикаций по вопросам социологии, мы все еще встречаемся с вопросом: «Что же такое социология?» Ответов на этот вопрос также можно найти очень много¹. Лично я не придаю слишком большого значения точному определению социологии. В XIX веке, когда эта наука только создавалась и обособлялась среди других социальных и философских наук, считалось, что точное определение, очерчивающее ее предмет, область исследований и специфические методы, является основным условием ее существования или обоснованием ее притязаний на самостоятельность. Сейчас на эти вопросы мы уже смотрим иначе, сейчас преобладает скорее тенденция к интеграции общественных

¹ Jan St. Bystroń, Socjologia. Wstęp informacyjny i bibliograficzny, 1931; René Maunier, Wprowadzenie do socjologii, Warszawa, 1932 (это перевод с французского, дополненный Ст. Чарновским); Aleksander Hertz, Socjologia współczesna, Warszawa, 1938 (перевод с французского); Armand Cuvillier, Wprowadzenie do socjologii, Warszawa, 1947 (перевод с французского); Franciszek Mirek, Zarys socjologii, Lublin, 1948; Jan Szczepański, Socjologia. Rozwój problematyki i metod, Warszawa, 1961; Jerzy J. Wiatr, Społeczeństwo. Wstęp do socjologii systematycznej, Warszawa, 1964. Я называю здесь лишь некоторые работы учебного характера. Дефиниции и определения социологии можно найти также во многих работах польских социологов.

наук, к их сближению и объединению, чем к их разделению². Все более преобладающей становится тенденция к комплексному, всестороннему исследованию явлений и процессов общественной жизни, к совокупному исследованию с точки зрения нескольких наук, к комбинированию их познавательных усилий. С другой стороны, сама по себе дефиниция науки ничего не предрешает, поскольку ни одна научная дисциплина не существует в готовой, замкнутой и неизменной форме, позволяющей охватить ее точной дефиницией, но всегда является изменяющейся системой взглядов, теорий, гипотез и утверждений, проблем и вопросов, на которые ученые ищут ответы, нередко опровергая то, что еще недавно признавалось безусловным.

Объяснив таким образом отсутствие точной дефиниции нашей дисциплины, следует, однако, очертить круг проблем, которые она стремится разрабатывать, указать те сферы действительности, к которым эти проблемы относятся. Несмотря на тенденции к интеграции, каждая наука имеет свой предмет исследования и свой характерный метод постановки проблем, которые отличают ее от других наук. Следовательно, чтобы разобраться в системе основных понятий социологии, нужно знать, к какой области действительности они приложимы, какую действительность отражают, что мы хотим описать и объяснить с их помощью.

Предмет и сфера социологических исследований

Вообще говоря, предмет социологических исследований составляют явления и процессы возникновения различных форм совместной жизни людей, структуры разных форм человеческих общностей, происходящие в

² Об этих объединительных тенденциях в общественных науках популярно информируют: Stanisław Ehrlich, *Integracja słówko modne...*, «Przegląd Kulturalny», 1962, № 20; Wilhelm Billig, *Integracja i specjalizacja w nauce*, там же, № 22; Bogdan Suchodolski, *Integracja humanistyczna*, там же, № 23; Włodzimierz Brus, *Nauki społeczne — warunki integracji*, там же, № 24; Jan Szczepański, *O integracji nauk społecznych*, там же, № 27. См. также: Władysław Kozłowski, *Kryzys specjalizacji*, «Polityka», 1960, № 37, 38, 40.

них явления и процессы, возникающие из взаимодействия людей, силы, объединяющие и разрушающие эти общности, изменения и преобразования, происходящие в них.

Необходимо выделить ряд специализированных разделов, занимающихся исследованием определенных сфер общественной жизни, и некоторую область общих теорий. Так, в современной социологии выделяются следующие разделы, называемые иногда конкретной социологией: а) разделы, исследующие социальные институты, к которым относятся социология семьи, социология воспитания, социология политики, социология права, социология познания, идеологии, социология науки и религии, социология искусства, социология армии и войны, социология промышленности и труда; б) разделы, специально исследующие разные типы социальных общностей, такие, например, как исследования малых групп, территориальных общностей, таких, как деревня, город, исследования классов и социальных слоев, профессиональных категорий, каст; в) специализированные исследования социальных процессов, таких, как явления и процессы социальной дезорганизации: преступность, алкоголизм, проституция; явления и процессы массовой коммуникации — пресса, радио, телевидение, кино — и их влияние на формирование так называемой массовой культуры; процессы миграции и социальной мобильности, то есть перемещения лиц в географическом пространстве и переход в другие общности и культуры, а также процессы перехода из одного слоя или класса в другой. Кроме этих, можно назвать еще ряд других специализированных разделов исследований, например исследования социальных условий возникновения болезней и их успешного лечения, исследования этнических и расовых отношений, социальных аспектов демографических процессов и др.³

³ Это деление не общепринято, хотя его отличие от принятых в других работах не очень велико. См., например: Robert K. Merton, Leonard Broom, Leonard S. Cottrell, Jr. ed., *Sociology today*, New York, 1960 (русский перевод: «Социология сегодня. Проблемы и перспективы» М., «Прогресс», 1965); Georges Gurvitch and W. E. Moore eds., *Twentieth Century Sociology*, New York, 1945; Howard Becker and Alvin Boskoff eds., *Modern Sociological Theory*, New York, 1957 (русский перевод: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении», М., 1961); J. S z c z e p a ń s k i, *Socjologia*, op. cit., rozdz. XV.

Все эти разделы конкретной социологии, используя ряд общих понятий, стремятся вскрыть некоторые общие процессы, установить их закономерности, вскрыть и проанализировать действие различных социальных структур. Отсюда возникает необходимость построить над этими разделами, в рамках которых приводятся эмпирические исследования и создаются обобщения обнаруженных закономерностей в виде теорий «среднего значения»⁴, то есть теорий, объясняющих явления, происходящие в этих отдельных областях, более общие теории, объясняющие основные явления и процессы, представляющие важность для всех областей общественной жизни. Построением таких теорий занимается общая социология.

Общая социология традиционно, с начала обособления нашей науки, развивала две теории, имеющие общее значение, а именно теорию социальных структур и теорию социального развития, или, более широко, теорию изменений, то есть как развития, так и распада общностей⁵. В последнее время к этим двум традиционно развиваемым теориям добавились еще два раздела: теория социального поведения индивидов и теория поведения общностей.

Теория социальных структур, называемая иногда теорией социальных групп или теорией общества, стремится обобщить результаты исследований различных типов и форм совместной жизни людей и установить ее общие закономерности. Она изучает составные элементы групп, всякого рода общности, основы их строения, взаимное приспособление составляющих их элементов и сил, обуславливающих их функционирование. Она исследует явления внутреннего единства групп, силы, обуславливающие единство, а также силы и факторы, вызывающие их распад.

Теория изменений обобщает результаты исследований явлений и процессов преобразований, происходящих

⁴ Термин введен Робертом К. Мертном в: «Social Theory and Social Structure» (дополненное издание, 1957).

⁵ Уже первая социологическая система О. Конта состоит из двух частей: «социальной статики» и «социальной динамики». Э. Дюркгейм подразделяет социологические проблемы на «социальную морфологию» и «социальную физиологию». Подобных делений можно привести много.

в различных группах и общностях. Здесь мы находим общие теории развития и социального прогресса, а также теории, объясняющие регресс и исчезновение общностей, в масштабах как микро-, так и макроструктур. Теория структур, как и теория изменений, дает разделам конкретной социологии понятийный аппарат, общие направления исследований, гипотезы и теоретические схемы. Но наряду с ними практика и практическое применение социологии в различных областях общественной жизни заставили социологов развивать еще две общие теории, а именно теорию социального поведения индивидов и теорию поведения общности как целого. В первом случае мы имеем дело с дисциплиной, развившейся на стыке общей психологии, социальной психологии и социологии. Речь идет об установлении общих зависимостей между социальными ситуациями и реакциями на них индивидов, об установлении постоянных образцов действий индивидов в различных социальных ситуациях, важных для прогнозирования их приспособления к этим ситуациям, выполнения задач, порученных им в различных ситуациях, и т. д. Теория поведения общности также развита под натиском требований практики. Речь идет здесь об установлении общих закономерностей поведения толпы, больших масс людей, в периоды внезапных и острых кризисов, общих закономерностей поведения общественных классов, профессиональных категорий и т. д. Эта теория важна для предвидения поведения в области политики, экономики и т. д., то есть является важным орудием для рационального руководства и манипулирования большими коллективами⁶.

Социология и другие общественные науки

Уже это беглое перечисление разделов социологии показывает, что она должна поддерживать тесные контакты и сотрудничать с другими общественными науками. Следовательно, для социолога необходимо знание общей психологии и, что особенно важно, социальной пси-

⁶ Попытку разработать введение в теорию социального поведения предпринял Хоуменс. См.: George C. Homans, *Social Behaviour. Its Elementary Forms*, London, 1961.

хологии. В последние десятилетия социологи, работающие в области исследования социального поведения индивидов и общностей, извлекли некоторую пользу из исследований в области психоанализа⁷ и некоторых разделов психиатрии. Тесные узы связывают социологию с политэкономией, ибо эти области имеют много точек соприкосновения. Наконец, для социолога важно также знание права и правоведения. Правда, социология развилась как наука о спонтанно возникающих социальных процессах и о спонтанно развивающихся силах, и поэтому в среде социологов всегда существовало некоторое пренебрежение к праву, и в свою очередь правоведы, уверовавшие в силу регулирующих нормативных актов, склонны были пренебрегать исследованиями социологов. Однако в настоящее время обе эти области сближаются, и социологи и правоведы пришли к выводу, что полное описание и объяснение происходящих социальных процессов требует объединения обеих точек зрения. Далее, социология должна интересоваться результатами исследований этнологов, этнографов, историков и в особенности историков культуры.

Следовательно, не случайно творцы социологии в XIX веке сами были людьми с широким гуманитарным и общественным образованием, и не из чистой фантазии они широко очерчивали границы социологических исследований. Правда, позже социологи решительно отмежевались от такого «империализма», стараясь точнее определить область своих исследований, но это вовсе не означает, что те области, где различные общественные науки встречаются, соприкасаются и взаимно дополняют друг друга, утратили свое значение. Как раз наоборот, как показывает история наук, и не только общественных, именно в этих точках соприкосновения и пересечения возникают весьма интересные и плодотворные теории.

Что отличает социологию от других общественных наук — так это характерные только для нее поиски законов явлений, возникающих «между людьми», исследование структур, то есть законов взаимного приспособления людей друг к другу в общностях, законов взаим-

⁷ См.: J. S z c z e p a ń s k i, Socjologia i psychoanaliza, «Kultura i Społeczeństwo», 1958, № 2.

ного приспособления составных элементов общности как целого, поиски социальных сил, проявляющихся во всех областях общественной жизни, объективных сил, действующих и в малых и в больших общностях, возникающих спонтанно и помимо всяких целенаправленных и преднамеренных действий индивидов и институтов. Главный предмет, интересующий социолога,— это всегда человеческие общности, целостности, созданные взаимодействием людей, стремящихся к удовлетворению своих потребностей независимо от того, сознательно это взаимодействие или же оно вытекает из соотношения социальных групп и сил, целостности, образованные индивидами, институтами, культурными образцами и традициями.

Философские и методологические предпосылки социологии

Социология, как и всякая наука, опирается на некоторый комплекс основных предпосылок, касающихся исследуемой ею реальности. Это прежде всего предпосылки онтологические, то есть говорящие о том, какова сущность реальности, описываемой социологией⁸. Из этих онтологических предпосылок вытекают определенные общие методологические правила. Например, в прошлом в социологии выступало психологическое течение, которое утверждало, что сущность общественных явлений и процессов составляют психический опыт и переживания людей, взаимодействующих друг с другом. Отсюда вытекало общее методологическое правило: общественные явления необходимо изучать методами психологии, а основной единицей наблюдения, с которой должно начинаться это изучение, является индивидуальная психика⁹. Другой пример: течение бихевиоризма в своей крайней форме сводило все общественные явления и процессы к взаимодействию между стимулами, соответ-

⁸ Проблемы онтологических основ социологии широко обсуждал Флориан Знанецкий, преодолевая натурализм и стремясь установить гуманистические онтологические предпосылки в своем «Wstęp do socjologii», 1922.

⁹ См.: J. Szczepański, Socjologia, op. cit. s. 242—246, а также Tadeusz Szczurkiewicz, Rasa, rodzina, środowisko. Poznań, 1938, s. 237—248.

ственно комплексами стимулов, воздействующих на человеческий организм, и реакциями этого организма. Поведение индивидов и общностей рассматривалось здесь как реакция на стимулы, причем в качестве основных механизмов, определяющих общественную жизнь, рассматривались физиологические механизмы условных рефлексов. Следовательно бихевиористская теория социальной реальности приводила к формулированию методологических правил, указывающих на наиболее приемлемые методы изучения именно так определяемой реальности¹⁰.

Эти философские теории, касающиеся социальной реальности, формулировались не социологами и чаще всего принимались не совсем сознательно, а иногда даже совершенно бессознательно. Вместе с тем важно хорошо себе уяснить, какие онтологические предпосылки мы принимаем, так как из них вытекают общие методологические правила, лежащие в основе различных исследовательских методов. Большинство трудно разрешимых споров в прежней социологии возникло из-за различий между этими философскими позициями¹¹.

Например, французский социолог Дюркгейм, который развивал и применял в своих исследованиях предпосылки так называемого социологизма, то есть точки зрения, что социальная реальность — это своеобразный вид действительности, не сводимый ни к психическим, ни к материальным явлениям, видел сущность социальных явлений в «коллективных представлениях», создаваемых обществом как целым. Социальные факты — это такие факты, как язык, мода, религиозные догматы, обычаи и т. п., которые являются созданием психики не индивида, а целых групп. Из этих положений о природе реальности Дюркгейм делал вывод, что социологический метод основывается на исследовании только таких коллективных продуктов, а поэтому следует игнорировать всякие проявления поведения индивидов, их высказывания, установки и мнения¹².

¹⁰ См.: J. Szczerajski, *Sociologia*, op. cit., s. 257—267.

¹¹ Это ясно показал Ф. Знанецкий в статье «Controversies in Doctrine and Method», *The American Journal of Sociology*, 1945, vol. L, № 6.

¹² Взгляд этот четко сформулирован в: «Les règles de la méthode sociologique», 1895 (I изд.); см. также: R. Maunier, *Wprowadzenie do socjologii*, op. cit., rozdz. III i IV.

Эти примеры ясно показывают, какова роль онтологических предпосылок в социологии и как из них вытекают общие методологические правила. Из последних в свою очередь выводятся предпосылки для конкретной техники сбора и обработки материалов. Очевидно, существуют определенные технические приемы исследований, проведения наблюдений, сбора материалов, которые можно применять независимо от принятых онтологических предпосылок, однако эти предпосылки оказываются решающими при выборе техники исследований, и в этом состоит их научное значение.

Задачи настоящей работы

Настоящая работа не является систематическим справочником по социологии и не представляет результатов исследований и состояния знаний в отдельных областях конкретной или общей социологии. Она служит лишь введением в социологию и содержит наиболее важные понятия, при помощи которых проводятся исследования и конструируются теории в отдельных областях. Работа вводит в основные проблемы социологии, и прежде всего в ее язык, с целью облегчить дальнейшее изучение социологии и чтение специальной литературы. Она предназначена в основном для студентов-социологов первого курса. Возникла она на основе курса «Введение в социологию», который в течение нескольких лет читался в Лодзинском университете. Но она может быть полезна и другим читателям, интересующимся социологией, — студентам, изучающим другие общественные науки (право, педагогику, историю, экономику и др.), учителям, любителям социологии, журналистам, общественным работникам. Поэтому работа написана на возможно более доступном уровне и содержит указания для дальнейшего дополнительного чтения.

В польской литературе до сего времени нет таких дифференцированных справочников, систематически излагающих отдельные разделы социологии и дающих их систематический обзор, какие мы встречаем на других языках. Настоящая работа — как бы введение к такому систематическому справочнику. Поэтому цели ее ограничены.

Однако здесь необходимы некоторые предварительные пояснения. Известно, что язык социологии еще очень далек от окончательной стабилизации. В какой же язык вводит эта работа? Автор по необходимости вынужден был прибегать к уточнениям, а иногда и к избыточности значений, стараясь систематизировать противоречивые значения широко употребляемых терминов, иногда придавая им и новые значения. Я полагаю, однако, что при введении значений, принятых другими авторами, работа эта будет способствовать ускорению процесса становления языка социологии¹³.

Библиографический указатель

ЗАМЕЧАНИЕ. Кроме работ, указанных в примечаниях, дающих более широкое представление или дополняющих сведения о рассматриваемых проблемах (в основном работы на польском языке), библиографические указатели при каждом разделе рекомендуют дополнительную литературу (главным образом литературу общего характера).

Среди большого количества американских и других учебников и общих трудов, информирующих о социологии, укажем: R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell, Jr. ed., *Sociology today*, New York, 1960 (русский перевод: «Социология сегодня. Проблемы и перспективы», М., «Прогресс», 1965); H. Becker, A. Boskoff eds., *Modern Sociological Theory*, New York, 1957 (русский перевод: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении», М., ИЛ, 1961); S. M. Lipset, N. J. Smelser, *Sociology, The Progress of a Decade*, Prentice Halle Inc., 1961.

Из учебников, предназначенных для студентов, важно указать: L. Broom, P. H. Selznick, *Sociology*, 1958.

На французском языке имеется обширный учебник под редакцией Г. Гурвича: «*Traité de sociologie*», Paris, 1958—1960. 2. t.

Обширное и всестороннее введение и вместе с тем обзор методов исследования, применяемых в современной социологии, дает Рене Кениг: René König, red., *Handbuch der Empirischen Sozialforschung*, Stuttgart, 1962. См. также: René König, red., *Soziologie*, Frankfurt (Main), 1958.

В польской литературе обзор методов исследования содержится в сборнике переводных текстов с английского языка под редакцией С. Новака: «*Metody badań socjologicznych*», Warszawa, 1965.

¹³ О многозначности языка социологии написано много. Особую важность вопроса подчеркнул Станислав Оссовский (Stanisław Ossowski, *O osobliwościach nauk społecznych*, Warszawa, 1962).

О развитии социологии как науки информирует работа: Howard Becker i Harry Elmer Barnes, *Rozwój myśli społecznej od wiedzy ludowej do socjologii*, Warszawa, 1964.

Библиография польских социологических работ систематически дается в «Przegląd Socjologiczny» (издательство лодзинского социологического центра).

II. ПРИРОДНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изучение человеческих обществ и происходящих в них явлений и процессов начинается с изучения основных условий, в которых они возникают и которые определяют их «жизнь». Мы различаем природные, экономические и культурные условия, которые в сумме создают возможность возникновения человеческих обществ и оказывают влияние на ход протекающих в них процессов. Обзор этих проблем мы начнем с природных условий.

Важность изучения природных условий общественной жизни вытекает из того, что характеризующие ее явления и процессы наблюдаются не только среди людей, но также среди растений и животных. Изучение общественной жизни растений и животных позволяет установить, что ряд явлений и процессов, наблюдаемых среди людей, мы встречаем также среди животных. Далее, сравнительное изучение этих явлений позволяет сделать вывод о степени воздействия природных процессов на явления, наблюдаемые в человеческих обществах. Это в свою очередь позволяет определить степень влияния экономических условий и культуры на ход общественной жизни людей.

Понятие общественной жизни

Мы будем употреблять понятие «общественная жизнь» для обозначения комплекса явлений, возникающих из взаимодействия индивидов и общностей, находящихся в некотором ограниченном пространстве. Объем этого по-

нятия можно расширить и обозначить при его помощи комплекс явлений взаимного модифицирования жизненных процессов, вытекающих из факта совместного нахождения в некотором пространстве и использования находящихся в нем ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей.

В соответствии с этим определением объем понятия «общественная жизнь» достаточно широк, чтобы охватить как все явления сознательного воздействия и сознательного модифицирования чужих действий и стремлений, так и явления непреднамеренного воздействия на чужие жизненные процессы в результате совместного участия в спонтанно развивающихся объективных процессах и системах отношений. Оно охватывает также явления, наблюдаемые среди растений, произрастающих совместно на более или менее обширных пространствах, а также явления, наблюдаемые в стадах животных. Общественная жизнь, следовательно, характерна не только для мира людей*. Какие же ее проявления мы встречаем у растений и животных?

Растительные сообщества — это совокупность организмов, связанных взаимным воздействием на жизненные процессы друг друга и воздействием на общую для них среду¹.

Это воздействие вытекает из факта пространственной близости, из того факта, что растения, растущие друг возле друга, становятся друг для друга частью среды, что они пользуются одними и теми же ресурсами почвы, влаги, воздуха и света. Отсюда возникают отношения конкуренции между растениями или видами, отношения зависимости, когда появление одних растений или видов является неизбежным условием появления других, или паразитизма, когда одни растения развиваются за счет других, на которых они паразитируют. Таким образом, в растительных сообществах создается сложная система отношений, зависящая от видовых свойств растений (рост, цикл развития и т. д.), отношений к среде и условиям, господствующим в ней. Условия среды, опре-

* Термин «общественная жизнь» в нашей социологической литературе употребляется для обозначения только человеческих сообществ.— *Прим. ред.*

¹ Józef Paczowski, *Dwie socjologie*, «Przegląd Socjologiczny». t. I, z. 2.

деляющие жизненные процессы сообщества растений, можно разделить на три группы: а) условия климатические (состав атмосферы, ветры, осадки, температура, освещение) — они создают характерный микроклимат, оказывающий важное влияние на рост и развитие отдельных сообществ; б) условия геофизические (структура почвы, подпочвы, рельеф, водный баланс и т. д.) и в) биотические условия, к которым относятся результаты взаимодействия организмов друг с другом. Биотические условия охватывают результаты взаимодействия не только растений, но также бактерий, насекомых и животных различных видов. В сообществах растений происходят различные процессы изменений, изучением которых занимается экология².

Резюмируя, отметим следующее: сообщества растений появляются в ходе естественного процесса эволюции, расселения и приспособления растений к среде; они связаны экологическими зависимостями, в них нет связей, вытекающих из сознательного воздействия или намерения; растения в этих сообществах воздействуют друг на друга через свое отношение к источникам энергии в среде: они могут засыхать из-за недостатка воды и света, могут конкурировать, могут помогать друг другу в условиях симбиоза, могут паразитировать на других. В них происходят процессы размножения, регулирования роста, создания равновесия между тенденциями их развития и потенциальными возможностями среды. Изучение сообществ растений привело к возникновению специальной отрасли исследования общественной жизни людей, а именно социальной экологии, основанной на перенесении и применении соответственно модифицированных понятий экологии растений к изучению зависимости человеческих обществ от природной и социальной среды³.

Сообщества животных

Исследования сообществ животных еще более интересны для социологии, так как у животных можно заметить устойчивые связи, основанные на связи побуждений,

² P. Z u z k o w s k i, Botanika, rozdz. 7, Warszawa, 1951.

³ «Zasady ekologii zwierząt», 2 t., Warszawa, 1958 (коллективный труд).

имеющей место также и у людей. Поскольку эти связи между особями, наблюдаемые у животных, не определяются какими-либо экономическими или культурными факторами, то на их примере можно определить сферу влияния физиологических или, более широко, биологических факторов на общественную жизнь. Поэтому общественная жизнь животных издавна возбуждала живой интерес социологов⁴.

В мире животных существуют разного рода объединения. Сообществами мы называем здесь только такие, в которых имеет место взаимодействие в поведении особей. Следовательно, рой насекомых, кружащихся в летнюю ночь вокруг горячей лампы в парке, еще не является таким сообществом, так как это только скопление особей, привлеченных к лампе непреодолимым тропизмом, действующим индивидуально в каждой особи⁵. Далее, при рассмотрении сообществ животных мы принимаем иное определение сообщества, нежели при рассмотрении скоплений растений. В рое, собравшемся вокруг лампы, не существует взаимодействий, и пребывание вместе не является удовлетворением какой-либо потребности. Не потребность в контакте с другими особями, а лишь стремление к свету соединило этот рой. О сообществах животных мы будем говорить только там, где объединение в сообщество — следствие удовлетворения потребностей и где совместная жизнь становится условием «нервного равновесия» вида.

Сообщества животных можно расположить в определенном порядке⁶. Выделим прежде всего *некоординированные объединения*, в которых определенное количе-

⁴ Первое систематическое изучение социологии животных принял Эспинас: A. Espinas, *Społeczeństwa zwierzęce*, Warszawa, 1886.

⁵ Вместо комментариев к этому утверждению приведем здесь шутку из английского сатирического журнала «Панч» — на многолюдном пляже, заполненном толпами загорающих и купающихся людей, на крыше кабинки сидят две чайки, и одна из них говорит: «Какой-то необъяснимый инстинкт собирает их ежегодно здесь в одно и то же время».

⁶ Приведенная ниже классификация почерпнута из книги Поля Шошара: Paul Chauchard, *Sociétés animales, société humaine*, Paris, 1956. Шошар приводит основную литературу, содержащую результаты исследований сообществ животных.

ство сменяющих друг друга особей, пополняющееся вновь прибывающими, прочно связано с определенным местом. Такие объединения встречаются у насекомых: например, тараканы временно создают такие объединения, хотя отдельные особи могут жить также и изолированно; божьи коровки также собираются в определенные времена года в такие объединения.

Простые координированные объединения отличаются от предыдущих тем, что объединенные в них особи выполняют координированные функции, например совместные путешествия гусениц,двигающихся подобно живому ковру в одном направлении, хотя среди них и нет «предводителей», или тучи саранчи либо иных мигрирующих насекомых. В таком сообществе все особи выполняют одни и те же функции.

Сообщества низшего типа характеризуются тем, что совокупность особей выполняет общую задачу. Мы встречаем их у некоторых гусениц, строящих общее гнездо, или у пауков, плетущих общую паутину. *Сообщества высшего типа* создают термиты, осы, пчелы и муравьи. Их конструкции очень сложны. Особи не могут жить изолированно. Это устойчивые сообщества, выполняющие сложные, хорошо скоординированные функции. Степень зависимости особей друг от друга очень высока⁷.

У позвоночных мы встречаем более элементарные объединения преходящего характера и сообщества сплоченные, устойчивые, в которых соперничество между особями сведено к минимуму, которые координированно перемещаются с места на место и способны к разделению труда. У них нет морфологических различий, на которых основывалось бы различие функций, выполняемых в сообществе, как у насекомых, но уже существуют зачатки иерархии и имеются вожаки. Сообщества позвоночных можно подразделить следующим образом: *семейные объединения моногамных позвоночных, живущих самостоятельно*. Здесь встречаются различного рода семьи, существующие временно или постоянно, которые иногда объединяются в свободные группы, например стаи волков. Далее, *сообщества моногамных позвоночных, ве-*

⁷ Эти сообщества были предметом многих исследований. См., например: K. Frisch, *Zycie pszczół*, Warszawa, b. d.; J. A. D. E. P. B. o. w. s. k. i, *Psychologia zwierząt*, Warszawa, 1946, rozdz. 10, 11.

дущих стадный образ жизни, составляют более постоянный вид устойчивого объединения моногамных семейств. Их мы встречаем у птиц, создающих временами сплоченные и замкнутые стаи, не допускающие других особей этого вида на данную территорию. Сообщества полигамных позвоночных встречаются относительно часто у млекопитающих. Например, олени, дикие лошади и другие животные образуют такого рода стада. Наивысший тип такого рода — сообщества обезьян⁸.

Сообщества позвоночных изучены менее, чем сообщества насекомых, так как в естественном состоянии их значительно труднее наблюдать. Во всяком случае, в их общественной жизни необходимо отличать результаты жизни в сообществе от результатов связей между отдельными животными. Например, некоторые животные в сообществе значительно легче приспосабливаются к изменениям среды, их физиологические процессы протекают в сообществе иначе, чем в состоянии изоляции, и т.п. От этих результатов необходимо отличать явления, возникающие вследствие семейных связей, сексуальных отношений, заботы о потомстве, отношений между самцами и самками в семье и т.п.

Изучение социологии животных идет главным образом по пути познания общественной биологии насекомых и общественной психологии позвоночных, хотя это разграничение между биологией и психологией является произвольным, и некоторые исследователи говорят также о психологии насекомых⁹. Во всяком случае в сообществах как насекомых, так и позвоночных имеют место явления дифференциации и разделения функций, иерархии, кастовости, факты общественного регулирования поведения отдельных особей, различного питания в зависимости от принадлежности к касте, разделения труда, «рабства». В сообществах позвоночных встречаются такие явления, как захват определенной территории и ее защита от вторжения других стад, своеобразная организация совместной жизни в зависимости от территории, «устройство» собственной территории и ее «обозначение».

⁸ Эти сообщества также были предметом многих исследований. См.: Ян Дембовский, Психология обезьян, ИЛ, 1963, гл. IX; Н. Ю. Войгонис, Предыстория интеллекта, Изд. АН СССР, 1949.

⁹ Например, Ян Дембовский в цитированной уже работе («Psychologia zwierząt»).

вления общественной иерархии и власти, опеки и воспитания, «супружеской верности» и т. п.¹⁰.

Социология животных или изучение общественной жизни животных — это специальный раздел зоологии. Но выводы ее не безразличны для изучения общественной жизни людей. Прежде всего мы видим, что многие явления, происходящие в совместной жизни людей, наблюдаются также и в совместной жизни животных, так как имеют свои основы в конституции организма, в физиологических процессах, в импульсах и биологических потребностях. Поэтому результаты исследований общественной жизни животных важны и для изучения природных основ общественной жизни людей¹¹. Конечно, природные условия не единственные детерминанты совместной жизни людей, однако изучение их необходимо и важно.

Биологические основы общественной жизни людей

К биологическим основам общественной жизни мы относим особенности человеческого организма, происходящих в нем физиологических процессов, механизм наследования свойств, импульсы, склонности и потребности, возникающие из особенностей организма и физиологических процессов. Человек, чтобы жить, должен удовлетворять потребности, вытекающие из наследственной конституции организма, должен удовлетворять чувство голода, жажды, половые инстинкты и т. д. Поэтому возникает вопрос: какие же особенности организма, какие его жизненные процессы и потребности оказывают влияние на общественную жизнь?

Укажем следующие наследственные особенности человеческого организма, которые оказывают влияние на общественную жизнь: а) прямая походка как анатомическая особенность, позволяющая человеку лучше охватывать взглядом окружающую обстановку, освобождаю-

¹⁰ См., например: Armstrong, La vie amoureuse des oiseaux, Paris, 1952.

¹¹ Имеются в виду такие исследования, как: W. Koehler, The Mentality of Apes; Ян Дембовский, Психология обезьян, гл. III, IV, V.

щая передние конечности даже во время передвижения и позволяющая лучше использовать их для труда, чем это могут сделать четвероногие; б) цепкие руки с подвижными пальцами и противопоставленным большим пальцем, позволяющие выполнять сложные и тонкие функции; в) взгляд, направленный вперед, а не в стороны, позволяющий видеть в трех измерениях и лучше ориентироваться в пространстве; г) большой мозг и сложная нервная система, дающие возможность высокого развития психической жизни и интеллекта; д) сложный механизм голосовых связок, строение гортани и губ, способствующие развитию речи, то есть произнесению определенного количества дифференцированных звуков; е) длительная зависимость детей от родителей, а следовательно, долгий период опеки со стороны взрослых, медленный темп роста и биологического созревания и поэтому долгий период обучения и социализации; ж) пластичность врожденных импульсов и потребностей, отсутствие жестких механизмов инстинктов, таких, какие имеют место у других видов, возможность приспособления потребностей к средствам их удовлетворения — все это способствует развитию сложных образцов поведения и приспособлению к различным условиям среды; з) устойчивость сексуального влечения, влияющая на формы семьи и на ряд других социальных явлений¹².

Указанные выше (и многие другие) особенности организма составляют коренные биологические основы деятельности человека, его производительного труда и его культурного творчества, а их «нормальное» функционирование делает возможным и труд и творчество. Однако наблюдаются некоторые устойчивые различия в особенностях организмов, являющиеся основой деления вида на расы. В течение некоторого периода в социологии выступали различные антропологические школы, принимавшие эти расовые различия за основной фактор, объясняющий явления и процессы общественной жизни. Основной тезис этого направления гласил, что люди не только различны, то есть не только разнятся строением организма, цветом кожи и т. д., но что эта разница в строении тела влечет за собой устойчивые различия в

¹² Этот список взят из работы Роуза: A. M. Rose, *Sociology*, New York, 1956, p. 96.

психологических особенностях, интеллекте и способностях, а они в свою очередь определяют общественную жизнь. Согласно этой теории, биологические особенности являются, следовательно, основным фактором, определяющим и экономические процессы и культурное творчество отдельных рас, их общественную и политическую жизнь. Следовательно, расовая теория провозглашала примат биологических особенностей и факторов в качестве основного детерминанта общественных процессов¹³.

Эта расовая теория была опровергнута эмпирическими исследованиями, показавшими, что расовые особенности непосредственно не влияют на особенности психические, что у людей разных рас, воспитанных в одинаковых культурных условиях, развиваются одинаковые взгляды, стремления, способы мышления и деятельности. Особый удар был нанесен теории о неравенстве рас, утверждавшей, что одни расы являются особенно одаренными, а другие лишены некоторых способностей¹⁴.

Особенности организма передаются потомству путем биологического наследования по законам наследственности. Долгое время шел спор о том, наследуются ли умственные особенности (способности, уровень интеллекта и т. п.) по тем же самым законам, что и особенности физические, могут ли быть изменены унаследованные особенности под влиянием среды, воспитания или же они составляют неизменный показатель возможности деятельности человека¹⁵. Проблема эта имела важные теоретические и практические следствия, поэтому спор между приверженцами детерминирующего влияния наследственности или среды длился очень долго. Вопрос был в значительной степени выяснен исследованиями монозиготных близнецов, воспитанных в разной среде. Оказалось, что у этих близнецов, обладающих идентичными наследственными данными, под влиянием воспитания в разной среде развиваются различные черты, что

¹³ См.: T. Szczerkiewicz, *Rasa, rodzina, środowisko*, op. cit., rozdz. II, III.

¹⁴ St. Ossowski, *Więź społeczna i dziedzictwo krwi*, op. cit.; L. C. Dunn, O. Klineberg, C. Lévi-Strauss, *Rasa i nauka*, Warszawa, 1961.

¹⁵ См.: St. Ossowski, op. cit., rozdz. I. «Dziedziczność i środowisko».

они обладают разными «психологическими профилями»¹⁶. Это не означает, однако, что наследственной (врожденной) одаренности не существует и что одно лишь влияние воспитания может произвольно сформировать воспитуемого. Врожденная одаренность (например, музыкальная, математическая и т. п.) оказывает важное влияние на общественную жизнь. Современные биохимические исследования нервной системы проливают новый свет на зависимость поведения индивидов от физиологических процессов, протекающих в организме. Основанное на этих исследованиях регулирование интеллектуальной активности и эмоциональной жизни химическими средствами будет иметь все более важные последствия в общественной жизни¹⁷.

Географические условия общественной жизни

Другой комплекс факторов, составляющих природные основы общественной жизни,— это географические, или, шире, геофизические, условия.

Человек — зоологический вид. Он живет на поверхности земли, а поэтому рельеф местности, климат, растительный и животный мир, типы почв, наводнения, реки, минеральные богатства и т. п. оказывают важное влияние на его жизнь, на формирование и удовлетворение его потребностей. Чтобы жить, человек должен удовлетворять свои основные биологические потребности: он должен питаться, избегать губительного воздействия среды (холода, влажности, облучения) с помощью одежды и жилья, должен защищаться от нападения врагов, зверей или других людей, должен размножаться и воспитывать потомство и т. д. Средства, служащие для удовлетворения потребностей, он создает из того, что можно найти в своей географической среде, из сырья и предметов, находимых им в непосредственном окружении. Первобытный человек в особенно большой мере зависит от тех запасов средств удовлетворения потребностей, кото-

¹⁶ R. S. Woodworth *Heredity and Environment*, New York, 1941.

¹⁷ См.: J. Huxley, *Brave New World Revisited*, New York, 1958.

рые находятся в ближайшем окружении: его пища, одежда, жилье, его оружие и орудия труда созданы из предметов непосредственного окружения. Совершенно очевидно, что человек, живущий в пустыне, живет, то есть питается, одевается, строит жилище, трудится и организует совместную жизнь иначе, чем человек, живущий в степях, в лесах субтропиков или на далеком севере. Непосредственное окружение влияет, таким образом, на развитие экономики, на то, занимаются ли проживающие здесь люди охотой, скотоводством или земледелием, находят ли сырье, необходимое для развития промышленности, существуют ли естественные пути сообщения и т. п. Климат оказывает влияние на активность человека: слишком жаркий парализует энергию; слишком холодный отвлекает часть энергии на борьбу за поддержание существования; умеренный климат в наибольшей степени способствует активности. Мы знаем также, что такие факторы, как атмосферное давление, влажность воздуха, ветры, инсоляция, являются важными факторами, влияющими на состояние здоровья. Географические условия влияют на размещение населения на поверхности земного шара (достаточно сравнить данные плотности населения с данными, показывающими количество атмосферных осадков), на рождаемость, на состояние здоровья, распространение некоторых болезней, появление паразитов и т. п., что в свою очередь влияет на явления и процессы общественной жизни. Наконец, необходимо указать, что географические условия могут быть также оборонительным фактором, ибо море, горы или недоступные пустыни, окружающие людей, влияют на возникновение государств и существующие в них системы правления. Так, можно утверждать, что демократические системы развились в странах, имеющих защитные естественные границы (Швейцария, Исландия), что в странах, имеющих открытые границы, подверженные набегам, на ранних этапах возникла сильная абсолютистская власть¹⁸.

Все эти вышеприведенные положения, несомненно, справедливы. Дискуссия возникает, однако, в том случае,

¹⁸ Положения географического детерминизма наиболее широко освещает Питирим Сорокин: Pitirim Sorokin, *Contemporary Sociological Theories*, 1928, p. 99—193. См. также: J. S z c z e r a ń s k i, *Sociologia*, op. cit., s. 210—215.

если поставить вопрос, как далеко простирается это определяющее влияние географической среды и можно ли говорить о «географическом детерминизме», то есть об однозначной и однонаправленной зависимости между географической средой и психическими особенностями людей, процессами их социальной совместной жизни и культурного творчества. Географический же детерминизм в своем крайнем выражении исходит из того, что «психика появляющегося на свет человека наделена только способностью верного копирования и верного регистрирования всех раздражителей из физической среды и что устроенный так человек жил всегда в состоянии полной индивидуальной социальной изоляции»¹⁹. Только в этом случае психическая, социальная и культурная жизнь человека полностью определялась бы влиянием среды. Однако это не так. Человек обладает творческими способностями, позволяющими ему преобразовывать среду, которую он застает, в соответствии со своими потребностями и создавать собственную среду, не зависящую от естественных условий; он также находится в контакте с группами и культурами, развившимися в различных условиях, и поэтому путем обмена вводит в свою жизнь элементы культуры, не зависящие от его непосредственного окружения. Развитие науки и техники повышает степень независимости индивидов и групп от непосредственных географических условий. Эта зависимость, ясно выраженная в период первобытного общества, в развитой технической цивилизации значительно модифицируется.

Это, однако, не означает, что геофизические условия лишены всякого значения. Косвенно они постоянно оказывают свое влияние: принуждают человека к преодолению существующих трудностей либо облегчают его труд и хозяйственное развитие. Не безразлично то, располагает ли какой-либо народ хорошими почвами, естественными дорогами, минеральными богатствами, запасами сырья и т. п., живет ли он в климате мягком и благоприятном или же в суровом, требующем больших усилий для создания соответствующих условий существования. Человек может стать независимым от естественной среды,

¹⁹ T. Szczurkiewicz, *Rasa, rodzina, środowisko*, op. cit., s. 97.

но сам этот процесс ослабления зависимости, затрачиваемые на него средства и энергия оказывают влияние на его общественную жизнь. Тем не менее, однако, утверждения географического детерминизма несостоятельны. Географическая среда создает основы или одну из естественных основ общественной жизни, но она не определяет однозначно ее ход.

Демографические основы общественной жизни

Говоря о биологических основах общественной жизни, мы имели в виду биологические процессы, происходящие в организме индивидов и определяющие их психические, а в результате также и социальные процессы. Теперь же обратим внимание на важность процессов, затрагивающих все население в целом, массы индивидов. Такие явления, как рождаемость, естественный прирост, возрастающая плотность населения, процент людей определенного возраста в составе населения (например, процент детей, молодежи или стариков) — все это влияет на экономические и социальные процессы и явления, на производство, уровень жизни, на предложение рабочей силы и структуру занятости, вызывает миграции и т. д.²⁰. «Демографическое давление» считалось одним из факторов, вызывающих войны. Указывается, далее, что плотность населения на какой-либо территории определяет формы использования земли и природных богатств (от первобытной охоты до земледелия и развития промышленности — как это можно проследить на примере некоторых территорий Соединенных Штатов Америки, заселенных вначале индейцами-охотниками, затем оседлыми земледельцами и превратившихся в последующем в районы высокой индустриализации). Плотность населения вызывает конкуренцию, способствует более частым контактам между индивидами, между группами, благоприятствует тем самым быстрому распространению идей, повышает интенсивность изобретательства и является, следовательно, фактором культурного развития. Вместе с

²⁰ См.: P. Sorokin, op. cit., p. 357—432; J. Szczepański, op. cit., s. 205—210, а также: Edward Rośset, Proces starzenia się ludności, Warszawa, 1959.

тем оказывается, что чрезмерный прирост населения является причиной отсталости хозяйственного развития, затрудняет рост жизненного уровня, является причиной возникновения голода, источником социальных волнений и возмущений²¹. Быстрый прирост населения создает проблему для всего земного шара, изучаемую специально созданными международными организациями²².

И снова, как и при рассмотрении географических условий, следует отметить, что демографические процессы — это важные «рамки» общественных явлений и процессов, но что нельзя говорить о самостоятельном «демографическом детерминизме»; это только один из факторов, в совокупности с другими определяющих общественную жизнь²³.

* * *

В итоге мы приходим к заключению, что биологические особенности организма и протекающие в нем процессы, геофизические условия и демографические процессы составляют необходимую основу общественной жизни людей, что они определяют ее общие «рамки», ее возможности и границы, но не определяют ее процессы однозначно и неотвратно. Люди с одинаковыми генетическими задатками и живущие в одинаковой географической среде могут развивать разные формы совместной жизни, создавать группы и общности разной структуры и организации, развивать различную культуру, экономику и политические системы. И, следовательно, в тех рамках, которые установила для человека природа, существуют огромные возможности дифференциации поведения, деятельности, стремлений и творчества. Окончательная форма общественной жизни формируется сложным комплексом сил, в котором природные явления и процессы являются только одним из элементов. На основе условий, созданных природой, проявляют себя другие силы и факторы.

²¹ См.: Josue de Castro, *Geografia głodu*, Warszawa, 1954.

²² См. статью де Кастро о проблеме голода и его политических причинах и последствиях: «*Więś Współczesna*», 1961, № 9, s. 81—89.

²³ Детальную критику крайней демографической теории дает П. Сорокин в цит. соч.

Библиографический указатель

- «Исторический материализм», Под общей ред. чл.-корр. АН СССР
Константинова Ф. В., 2-е изд., М., 1954, глава II.
- Robert Bierstedt, *The Social Order*, New York, 1957, ch. II.
«The Natural Conditions of Human Society», p. 29—100.
- William F. Petersen, *Man, Weather Sun*, Springfield III, 1947.
- Clarence A. Mills, *Climate Makes the Man*, New York, 1942.
- L. C. Dunn, Th. Dobzhansky, *Heredity, Race and Society*, New
York, 1959.
- K. Little, *Race and Society*, Paris, 1952, UNESCO.
- Richards, *Les Insectes sociaux*, Paris, 1955. *
- J. Huxley, *Evolution in Action*, New York, 1953.
- H. Zinsser, *Szczury, wszy i historia*, Warszawa, 1937.
- R. S. Woodworth, *Heredity and Environment*, New York, 1941.
- David Glass, *Introduction to Malthus*, New York, 1953.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Как биологический организм человек есть часть природы. Но эта принадлежность к миру природы не является условием, полностью определяющим его деятельность и его общественную жизнь. Ибо человек наделен свойствами, позволяющими ему стать независимым от ее влияния, не только приспособиться к условиям, которые он застаёт, но и преобразовать их в процессе труда. Этот процесс целенаправленной деятельности человека, в ходе которого он преобразует наличные элементы естественной среды в средства удовлетворения своих потребностей, в необходимые для жизни материальные блага, мы называем *процессом производства*. Производство материальных благ составляет постоянную и необходимую основу общественной жизни. Без него человеческие общества не смогли бы существовать. Поэтому производство материальных благ и связанные с ним явления и процессы в значительно большей мере, чем явления биологические, определяют основные процессы общественной жизни. «Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни,— писал К. Маркс,— он [человек.— Авт.] приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы — руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу»¹. Труд животных, о котором мы говорили в предыдущем

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1951, стр. 184.

разделе, не является целенаправленной деятельностью, ему не предшествует представление о создаваемом предмете. Этот труд выполняется всегда одним и тем же способом всеми особями вида, это — не реализация замысла, ему не сопутствует размышление, совершенствующее дело. Человеческий труд предполагает в качестве постоянного условия достижения своих целей создание и использование орудий производства. Труд изменяет также самого трудящегося человека.

Процесс производства включает поэтому три основных элемента: 1) целенаправленную деятельность человека, или сам труд; 2) предмет, который человек преобразует посредством труда; 3) орудия, которые он использует в процессе труда. Следует подчеркнуть особую важность создания и использования орудий. *Орудиями производства* мы называем предметы или комплексы предметов, при помощи которых материя природы в результате человеческого воздействия превращается в блага, удовлетворяющие потребности. Маркс особо подчеркивал важность механических средств труда, так как их развитие вызвало наиболее глубокие изменения в процессе труда, а в результате и во всех процессах общественной жизни. В зависимости от изменений в использовании орудий труда и от изменения их самих изменяется также структура *рабочей силы*, то есть людей, занятых производством при помощи данных орудий. Орудия производства плюс рабочая сила, то есть люди, применяющие их в процессе труда, составляют *производительные силы* данного общества. Состояние производительных сил решающим образом влияет на многие важные общественные процессы и на уровень экономического развития общества. Производительные силы характеризуют уровень использования возможностей данного общества в производстве благ.

Но процесс производства характеризуется не только уровнем развития производительных сил. Производя, люди воздействуют не только на природу, но также и друг на друга, и эти системы взаимодействий, непосредственных и опосредованных, сознательных и неосознанных, образуют *производственные отношения* между людьми. «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и

для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»². Таким образом, способ производительного труда, по необходимости выполняемого совместно, порождает разделение труда, отношения между работающими людьми, организацию труда, организацию распределения произведенных благ и т. д. Производственные отношения составляют, следовательно, экономическую, объективную основу общественной жизни. При этом необходимо подчеркнуть, что термин «отношение» означает здесь не только произвольную систему сознательных взаимодействий, но также и объективные системы зависимостей между людьми, которые могут даже не знать о существовании друг друга. Например, в системе производственных отношений взаимно связаны и зависимы друг от друга и рабочие колониальных стран, и европейские капиталисты, и торговцы, и потребители, независимо от их воли и сознания. Производственные отношения — это сложная и запутанная сеть связей и зависимостей, в которую включены люди, занятые процессом производства, обмена и распределения благ. Таким образом, возникает сложная структура зависимости между людьми, над которой надстраиваются другие системы отношений и взаимодействий, создаваемые сознательно, возникающие из других, непродуцированных человеческих взаимодействий и стремлений³.

Производственные отношения опираются на определенную основу, которой является отношение людей к орудиям производства, то есть *форма собственности на средства производства*. Форма собственности на средства производства определяет производственные отношения в целом и прежде всего взаимоотношение всех общественных групп, занятых в процессе производства, в частности принципы распределения произведенных благ, а также место, занимаемое в разделении труда, и степень допустимого участия в доходе, приносимом производст-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441.

³ Эти проблемы обстоятельно рассматриваются в следующих трудах: «Исторический материализм», под общ. ред. Ф. В. Константинова, изд. 2-е, М., 1954; «Podstawy marksizmu-leninizmu», Warszawa, 1960.

вом. Владельцы средств производства образуют один важный общественный класс, другой класс образуют те, кто не имеет собственных орудий, но предлагает свою рабочую силу, продавая или отдавая внаем свои мускулы, умение или знания. Таким образом, форма собственности на средства производства обуславливает существенную характерную черту производственных отношений, а именно разделение людей, занятых в процессе производства, на общественные классы⁴.

Производственные отношения составляют объективную экономическую основу всех других отношений, существующих между людьми. Удовлетворение биологических и других разнообразных потребностей, которые развиваются у человека в ходе общественной эволюции, с необходимостью приводит к производству, совместной работе, разделению труда — словом, к появлению определенной системы производственных отношений. Они в свою очередь делают возможным другие формы совместной жизни, образующиеся в результате взаимодействия людей, способствуют возникновению сети внепроизводственных отношений, которые являются системами упорядоченных взаимодействий.

Производительные силы и производственные отношения образуют экономическую основу общественной жизни. Вместе с тем они составляют настоящий «становой хребет» каждой большой общественной формации. На их основе развиваются другие институты и учреждения, регулирующие общественную жизнь и удовлетворяющие другие потребности, создаваемые культурой. Словом, на их основе вырастает «надстройка» культурной деятельности общества, то есть научной, философской, художественной, религиозной и политической деятельности. Если даже не все социологические школы признают, что между экономическими основами производительных сил и производственных отношений существует прямая зависимость, то есть что они определяют однозначным образом всю надстройку, то все, однако же, признают важность экономических основ, которые, обеспечивая удовлетворение элементарных потребностей, делают возможным развитие других областей общественной жизни.

⁴ См.: Julia n Hochfeld, Marksowska teoria klas: Próba systematyzacji, «Studia Socjologiczne», 1961, № 1 и 3, а также его же: «Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa», Warszawa, 1963.

Между природными и экономическими основами общественной жизни существуют определенные общие зависимости. Строение организма и его жизненные процессы, геофизические условия устанавливают определенные рамки для процесса производства и оказывают влияние на формирование базиса общественной жизни. Однако в их границах развитие производственных отношений определяется развитием орудий труда, техники производства, так как вслед за ними развивается сложная система общества как целого. Но и этот экономический базис в свою очередь также формируется созданной над ним культурной надстройкой, которая оказывает влияние на развитие орудий труда, на появление новых потребностей, требует новых усилий в процессе производства.

Теперь перейдем к рассмотрению третьей системы условий, определяющих ход общественной жизни, а именно — к рассмотрению культуры.

Библиографический указатель

- Oskar Lange, *Ekonomia polityczna*, t. I, Warszawa, 1961.
Z. Madej, *O funkcjonowaniu gospodarki socjalistycznej*, Warszawa, 1963.
Andrzej Malewski, *Empiryczny sens teorii materializmu historycznego*, «*Studia Filozoficzne*», 1957, № 2.
Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма. См.: Г. В. Плеханов, Избр. филос. произв., т. III, М., 1957, стр. 124—196.
A. Nicolai, *Comportement économique et structures sociales*, Paris, 1960.
A. Lauterbach, *Man, Motives and Money*, Ithaca, New York, 1954.
W. Leontief, *The Structure of the American Economy*, New York, 1953.
C. Kerri in., *Industrialism and Industrial Man*, Cambridge, Mass., 1960.
T. Parsons and N. Smelser, *Economy and Society*, Glencoe III, 1956.

IV. КУЛЬТУРА

Культура представляет собою третий комплекс факторов и сил, определяющих явления и процессы общественной жизни. Однако прежде, чем перейти к анализу культуры и определению способов ее влияния на общественную жизнь, следует остановиться на самом термине и различных его значениях.

Определения

Трудно представить себе термин более многозначный и более распространенный, чем «культура». Этот термин выступает во многих значениях не только в обиходном языке, но и в разных науках, и в философии, где ему придается весьма различное содержание и разный смысл¹. Прежде всего необходимо различать описательное и оценочное употребление этого слова. А именно, когда о ком-нибудь говорят, что он культурный человек или человек, который ведет себя культурно, то такого рода утверждения являются положительными оценками, так же как назвать кого-либо некультурным человеком — значит оценить его отрицательно. Такое оценочное употребле-

¹ A. L. Kroeber and C. Kluckhohn, *The Concept of Culture. A Critical Review of Definitions*, «Papers of the Peabody Museum», 1950, vol. XLI. См. также: Antonina Kłoskowska, *Rozumienie kultury w antropologii kulturalnej i socjologii*, «Przegląd Socjologiczny», 1962, z. 2; того же автора: «Kultura masowa, Krytyka i obrona», Warszawa, 1964, rozdz. I.

ние термина «культура» и производных от него прилагательных встречается прежде всего в обиходном языке, но иногда и в философии. Однако в науке не пользуются этим оценочным значением, а придают термину «культура» лишь описательный смысл, то есть употребляют его для обозначения определенных классов предметов, явлений и процессов, которые стремятся описать и объяснить.

Слово «культура» произошло от латинского *cultura* (*agri*) и первоначально означало возделывание земли. В этом значении оно используется в биологических и сельскохозяйственных науках, когда говорят о «культурах» бактерий или «культурах» определенных растений, имея в виду определенные способы их выращивания. В другом значении слово «культура» означает улучшение и облагораживание человеческих обычаев и способов поведения. Это употребление перенесено из земледелия, но относится оно не к растениям, а к обычаям. Это значение встречается в прежней философии, а в настоящее время иногда и в обиходном языке.

В третьем значении, которое было развито в философии и достаточно широко принято, под культурой понимается «все то, что не растет само по себе от природы, а появляется благодаря труду человека, то, что создано целенаправленным размышлением и деятельностью людей». Это наиболее широкое понимание данного термина, охватывающее все материальные и нематериальные ценности, созданные человеком. В этом смысле к культуре принадлежит каждый, даже простейший предмет, созданный человеком, простейшее орудие, примитивнейший инвентарь, любая мысль, зародившаяся в уме человека. Это разделение на «природу» и «культуру» легло в основу разделения наук на естественные и гуманитарные².

Но иногда термин «культура» употребляется в гораздо более узком значении. Не все создания человека образуют его культуры, а только «высшие», то есть наука, искусство, литература, религия, политические и социальные идеи, облагороженные обычаи — словом, высшие создания его духа, предполагающие совершенствование

² Это разделение провел и обосновал в своих работах Генрих Риккерт. См.: Heinrich Rickert, *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* (VII изд.), 1926.

разума, стремление к высшим целям, а не просто удовлетворение биологических потребностей. Иногда это значение еще более суживается: если мы употребляем и принимаем название «Дворец культуры и науки», то, значит, соглашаемся, что наука не включается в культуру, а если мы принимаем название «Министерство культуры и искусства», то соглашаемся с исключением искусства из области культуры. Но что же остается в объеме понятия «культура»?

В популярной научной литературе, как и в обиходном языке, часто встречается деление на «материальную культуру» и «духовную культуру». Материальная культура, называемая иногда цивилизацией, это совокупность предметов, удовлетворяющих «материальные» потребности: орудий труда, предметов повседневного обихода, жилищ, одежды, средств коммуникации и транспорта и т. д. Духовная культура — это все созданное стремлением к идеалам красоты, добра, правды, справедливости, это совокупность идей, обычаев, учреждений, институтов и предметов, символов и т. д., в которых эти идеи были воплощены или закреплены³. Против этого разделения можно выдвинуть довод, что каждый материальный предмет, используемый для любой цели, прежде чем он был создан, воплощен в материю и стал произведением, должен был оформиться в воображении, сначала стать «идеей» в мозгу человека, который его создал; что любая идея, даже наиболее абстрактная и возвышенная, прежде чем она станет доступной сознанию других людей, должна быть воплощена в какой-либо материал (письменность, изображение, скульптуру), должна «объективироваться» и «материализоваться». Отсюда следует, что деление на материальную и духовную культуру может применяться только в определенных границах, и хотя им можно иногда пользоваться в классификационных или дидактических целях, однако в принципе мир произведений человека — это всегда мир, в котором мысль или творческое воображение сливаются с материалом, в котором они воплощены, это мир нераздельный, то есть такой, в котором нет непроходимой грани между самыми

³ Это деление можно найти в этнографической литературе. Его популярное изложение дано Богданом Суходольским в Энциклопедии «Świat i Życie», т. III, s. 198—204.

абстрактными идеями и предметами повседневного обихода. Можно показать, каким образом абстрактнейшие научные идеи «проникают» в материальные продукты, как они формируют предметы повседневного обихода, как изменяют наши орудия труда, жилища, машины, одежду и т. д.

Но это выделение мира духовной культуры как обособленного бытия стало основой для конструирования различных идеалистических философских теорий, старающихся определить сущность этого духовного мира, который является могучим фактором, формирующим образ мышления и деятельности людей. Возникает вопрос, на чем основана идентичность произведений духовной культуры, которые существуют на протяжении веков и поколений, изменяя свою материальную основу (например, философские и социальные идеи, излагаемые каждый раз в других книгах и на других языках) или совсем не изменяясь (например, живопись и скульптура). Из крайне идеалистического ответа на этот вопрос следует, что суть духовной культуры составляет совокупность идеальных объективных сущностей, существующих независимо от всяких исторических условий, то есть от изменяющихся во времени экономических и социальных условий, сущностей, которые люди открывают и передают без изменений из поколения в поколение. Далее, суть культуры составляет объективный мир идей, существующий независимо от человека, мир идей, который человек может открыть, но который развивается по имманентным законам своей собственной природы⁴. Это только одна из многочисленных философских теорий культуры, которые нас здесь, однако, детальнее не интересуют.

От этих философских теорий культуры необходимо отличать теории, принятые и созданные в таких социальных науках, как этнология и социология. Социальные науки понимают культуру прежде всего реалистически, то есть как совокупность продуктов человеческой деятельности, причем продукты эти могут быть материаль-

См., например: Bogdan Suchodolski, *Ideaty kultury a prądy społeczne*, Warszawa, 1933, rozdz. I, «Co to jest kultura?». В книге приводятся цитаты из работ польских философов, представляющих разные концепции культуры.

ными, а могут быть и идеями, отвечающими определенным условиям. Не все продукты человеческой деятельности входят в культуру. Многие из них быстро исчезают, не закрепляются, не будучи восприняты более широкими группами⁵. Чтобы какой-либо продукт человеческой деятельности вошел в культуру, он должен сначала объективироваться, то есть должен быть закреплён материально. Например, стихи или музыкальное произведение, созданные автором, не записанные, не закреплённые материально, не переданные другими, недоступны познанию и опыту других лиц, погибают и исчезают. Лишь тогда, когда поэма или песня записаны или переданы устно, когда они закреплёны в письме или в памяти чтецов, певцов, когда они воспроизведены и пережиты группами людей, когда они вошли в их сознание и стали частью их образа мышления, лишь тогда можно говорить, что данное произведение стало элементом культуры, определяющим поведение и стремления людей, силой, формирующей общественную жизнь.

Для наших дальнейших рассуждений о культуре прием следующее определение: культура — это все материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности и признанные способы поведения, объективированные и принятые в любых общностях, передаваемые другим общностям и последующим поколениям⁶. В этом определении мы подчеркиваем, что в культуру включаются и материальные продукты, и системы ценностей (это понятие мы объясним ниже), и образцы поведения, и системы деятельности. Это, следовательно, очень широкая область, достаточно далёкая от рассмотренных выше определений, сужавших объём этого понятия. Далее мы подчеркиваем, что с изложенной здесь точки зрения в культуре важно то, что принято или имеет шансы быть принятым группой, что может быть передано другим индивидам или группам.

⁵ Эту проблему более широко рассматривает Стефан Чарновский: *Stefan Czarnowski, Dzieła, t. I, rozdz. «Kultura»*.

⁶ Это — некоторая модификация определения, данного Чарновским в цит. соч., стр. 20. Другое определение культуры даёт Бронислав Малиновский: *Bronisław Malinowski, Szkice z teorii kultury, Warszawa, 1958, cz. pt. «Naukowa teoria kultury», rozdz. I, IV i V*. См. также: *A. Kłoskowska, Kultura masowa we Francji, «Przegląd Socjologiczny», 1961, z. I*.

Это определение не является единственным или единственно приемлемым для социологов. В социологии и этнологии встречается много других определений. Кребер и Клакхон в работе «Понятие культуры. Критическое обозрение дефиниций»⁷ проанализировали несколько сот определений, сформулированных в литературе в течение последних столетий, а затем сформулировали собственное определение: «Культура основана на схематизированных и эталонных (patterned) способах мышления, восприятия и реагирования, добытых и передаваемых главным образом с помощью символов, представляющих собой характерное достижение человеческих групп, включая и их воплощение в материальных произведениях; существенное ядро культуры составляют традиционные (то есть исторически отобранные и переданные) идеи и прежде всего связанные с этими идеями ценности». В этом определении акцент сделан на идеях и связанных с ними ценностях, которые определяют принятые в данной группе образцы мышления, деятельности и реакции на внешние стимулы, а также на материальных или символических произведениях, которые эти образцы закрепляют и объективируют. Упрощая, мы могли бы сказать: существуют определенные идеи, передаваемые из поколения в поколение, с этими идеями связаны системы ценностей; они в свою очередь определяют поведение и деятельность индивидов и групп, их способы мышления и восприятия. Весь этот комплекс называется культурой.

Это определение приближается к различным определениям, принятым в американской этнологии (культурной антропологии), находящимся под влиянием бихевиоризма и созданных под его воздействием способов мышления. Эти определения иногда обозначают культуру как «заученное поведение», «комплекс образцов поведения, принятых в какой-либо социальной группе»; другие определения обозначают культуру как «социальное наследие в целом, передаваемое из поколения в поколение»; третьи — как «совокупность образцов, определяющих жизнь» (design for living)⁸.

⁷ См. примечание 1 к данной главе.

⁸ Обзор этих определений дает Роберт Бирстед: Robert Bierstedt, *The Social Order*, New York, 1957, p. 103—114.

Принятое нами определение культуры идет не этим путем. Мы считаем, что культура — это совокупность произведений, созданных человеком в процессе труда в ходе добывания средств удовлетворения потребностей, что она совокупное создание общества, что она связана с условиями, в которых люди производят средства удовлетворения потребностей, и вытекает из этих условий⁹. От потребностей биологических путь ведет через экономические факторы к дифференциации потребностей и методов труда, к развитию разума, к созданию потребностей интеллектуальных, философских, религиозных, моральных, а затем и к поискам способов удовлетворения этих потребностей; именно этот путь ведет к возникновению и развитию культуры.

Внутренняя структура культуры

Культура всегда локализована в пространстве и в обществе. Она не существует вне человеческих общностей. Однако необходимо ввести несколько различий. А именно, следует отличать *личную культуру* индивида от культуры *общности*. Личная культура индивида — это совокупность его личных образцов поведения, его методов деятельности, продуктов этой деятельности, его идей и мыслей, часто неизвестных другим людям. Личная культура имеет место в рамках культуры общности, однако каждое общество предоставляет индивиду некоторую возможность оригинальности и отклонения от общепринятых и признанных образцов. Эта возможность может быть большей или меньшей, в зависимости от социальной роли и положения индивида (существует роль творцов, от которых требуется оригинальность в определенных областях), однако пределы допустимых отклонений определены более или менее четко и их нарушение вызывает осуждение¹⁰.

⁹ Определяемая таким образом культура включает также орудия производства и типы функций, связанных с производством. Однако же в силу их важности для поддержания основных жизненных процессов мы выделяем их в качестве основы для других элементов и комплексов культуры.

¹⁰ См.: Aleksander Wallis, *Artyści-plastycy. Zawód i środowisko*, Warszawa, 1964, а также: Mieczysław Wallis, *Prze-*

Культура общности не есть сумма индивидуальных культур ее членов. Это совокупность творений, ценностей и способов поведения, которые приняты и признаны общностью и приобрели значение для ее членов, определяя поведение, считающееся «обязательным», например правила приличия, правила общежития и т. д. Следовательно, не все из индивидуальной культуры членов группы становится общим достоянием целой группы.

Следует также отличать культуру общности от *культурного наследия*, которое передается следующему поколению. Культура общности — это совокупность живых, актуальных, функционирующих произведений и образцов, играющих признанную роль в жизни всех членов общности. А культурное наследие — это лишь та часть систем, которая была передана следующим поколениям и сдала экзамен на устойчивость во времени. Например, сегодняшняя мода не входит в культурное наследие либо входит лишь в качестве музейного экспоната, зато некоторые идеи, представления, произведения искусства или литературы, научные теории, машины или произведения архитектуры обычно становятся основой культурного наследия. Культурное наследие обычно подвергается идеализации, становится комплексом освященных ценностей, символов, вызывающих эмоциональное отношение, а поэтому и фактором интеграции групп, средством их объединения, фактором их постоянства и устойчивости в периоды кризисов¹¹.

Исследуя культуру какой-либо общности, мы должны учитывать упомянутые выше различия и, кроме того, разработать некоторую систему понятий для анализа ее внутренней структуры и для исследования ее функционирования в жизни общности и исследования способов

miany w stanowisku społecznym artysty-plastyka w Polsce, «Zeszyty Naukowe U. Ł.», 1957, z. 7.

¹¹ Эти вопросы более широко рассматривает С. Чарновский в цит. соч., раздел «Прошлое и настоящее в культуре» (S. Czarnowski, op. cit., rozdz. «Dawność a terażniejszość w kulturze»). См. также: Kazimierz Dobrowolski, *Studia nad teorią kultury ludowej*, «Etnografia Polska», 1961, t. IV, s. 15—92. Теорию социального наследования излагает Станислав Оссовский: Stanisław Ossowski, *Więź społeczna i dziedzictwo krwi*, op. cit., rozdz. II «O zagadnieniach dziedzictwa społecznego».

определения процессов общественной жизни. Прежде всего можно выделить некоторые широкие области культуры, соответствующие определенным комплексам индивидуальных и социальных потребностей, которым они удовлетворяют. Это экономика и все связанные с нею формы деятельности; институты, регулирующие совместную жизнь, такие, как право, государство, обычаи, знания и наука, идеология, все виды искусства, религия. Анализ культуры какой-либо общности можно начать с обзора этих больших областей. Однако дальнейший анализ потребует отыскания определенных единиц наблюдения. В каждой культуре или в каждой ее области существуют определенные функциональные единицы, являющиеся основными составными частями культурных систем.

Такие основные составные единицы культуры мы называем *элементами* или *чертами* культуры. Ими могут быть какие-либо предметы материального обихода или идеи, играющие важную роль в одной или нескольких областях совместной жизни, вокруг которых концентрируются другие, функционально с ними связанные предметы или идеи. Например, в некоторых первобытных обществах таким организующим элементом деятельности людей мог быть лук, бумеранг, мотыга или что-либо иное. Появление этого элемента означало вступление в действие некоторых важных факторов: охота с помощью бумеранга проходила иначе, чем с помощью лука и стрел. В первобытных культурах Америки колесо было неизвестно, поэтому развивались совершенно иные системы средств коммуникации и транспорта, чем в тех культурах, в которых были созданы средства передвижения на колесах. Элементом культуры может быть, например, паровая машина, вокруг которой одновременно объединяются многочисленные и сложные предметы, способы труда, образцы поведения, идеи и т. д. Элементом может быть также, к примеру, идея эволюции, идея относительности, которые организуют вокруг себя целые научные и философские системы, целые школы и интеллектуальные направления. В каждой конкретной области культуры мы можем обнаружить ряд таких основных элементов культуры, которые в большем или меньшем объеме, удовлетворяя и пробуждая потребности, влияют на деятельность людей, организуя и объединяя усилия,

приводят к созданию более сложных культурных систем¹².

Более широкую совокупность предметов, учреждений, представлений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом, мы называем культурным комплексом. Если, например, мы примем автомобиль за отдельный элемент культуры, то все предметы, учреждения, институты, функции, образцы поведения, правила, связанные с производством, продажей, эксплуатацией и ремонтом автомобилей, образуют обширный культурный комплекс. Культурные комплексы создают характерный облик обществ, их появление или отсутствие говорит о степени развития. В каждой сфере культурной деятельности общности можно выделить характерные комплексы: в земледелии им может быть, например, выращивание определенного растения; так, выделяют комплекс выращивания риса, кукурузы, пшеницы или картофеля. В охотничьих культурах это может быть вид оружия, при помощи которого охотятся (например, введение лука изменило образ жизни охотников, появление конных лучников революционизировало уклад жизни племен, населяющих прерии), или это может быть животное, на которое охотятся. Известны культуры, созданные вокруг одного комплекса, например ловли лосося, охоты на бизонов; более развитые общества обладают многими культурными комплексами, сосуществующими во всех важных областях их деятельности. Например, в современных технических цивилизациях появляется и сосуществует много различных культурных комплексов, связанных с производством, транспортом, средствами массовой передачи информации, с жилищем и т. д. Но если сосуществование различных комплексов возможно, то взаимоисключающие комплексы сосуществовать не могут, поэтому появление новых элементов культуры, влекущее за собой создание новых комплексов, приводит к конфликтным ситуациям, изменениям, столкновениям культур, о которых мы будем еще говорить в главе о социальных изменениях. Комплексы культуры мы называ-

¹² См., например, описания, представленные в следующих трудах: K. Dobrowolski, *Chłopska kultura tradycyjna*, «Etnografia Polska», 1958, t. I, s. 19—56; Bronisława Korczyńska-Jaworska, *Gospodarka pasterska w Beskidzie Śląskim*, «Prace i Materiały Etnograficzne», 1950/51, t. VIII—IX.

ем также *системами* культуры, поскольку они внутренне спаяны и логически связаны не только взаимной функциональной «подгонкой» элементов, которые их составляют, но также согласованностью человеческих действий и образцов поведения, которые с ними связаны.

Ряд культурных комплексов может включаться в более широкие целостности, называемые культурными *конфигурациями* или же иногда — *образцами*. Однако термин «культурный образец» (*wzór kulturowy*) хотелось бы приберечь для другой цели. Например, «машинная цивилизация» является таким укладом или конфигурацией многих систем культуры, связанных более или менее тесными функциональными зависимостями (то есть такими, когда для действия одной из них необходимы другие) и структурными зависимостями (то есть такими, когда строение одной из них определяется строением других). Развитие определенных машин влечет за собой новые методы труда, те в свою очередь требуют нового законодательства и нового типа образования, нового рода научных исследований; поэтому развивается новый образ мышления и новые системы взглядов не только на узкопрофессиональные дела, но также на цель и смысл человеческой жизни — так с большим упрощением можно себе представить появление и развитие культурных конфигураций¹³.

Влияние культуры на общественную жизнь

Данные выше определения культуры и схема ее внутренней структуры позволяют нам проанализировать ее влияние на социальную жизнь индивидов и общностей. Влияние это осуществляется разными путями: а) через социализацию и формирование отдельной личности; б) через создание и введение ценностей; в) через образцы деятельности и образцы поведения; г) через создание моделей институтов и социальных систем.

Сначала, однако, несколько слов пояснения. Культура — это продукт деятельности человека. Она не является чем-то существующим вне человеческих общностей, не является ни самим в себе бытием, ни неким «объектив-

¹³ См., например: *Ludwik Krzywicki, Idea a życie, «Studia socjologiczne», Warszawa, 1950.*

ным духом», но складывается из объективизированных продуктов деятельности, то есть продуктов закрепленных, доступных опыту всей общности или по крайней мере определенных групп, существующих уже независимо от своих творцов, имеющих под собой признание и санкцию общности. Человек, появляющийся на свет в какой-либо семье, с первой же минуты своего рождения находится под влиянием существующей обстановки, предметов, взглядов, верований, установленных способов воспитания детей и т. д. Для него культура — это уже готовый мир, который его формирует, в который он должен войти, обучаясь многим вещам в течение очень многих лет. Его организм, его влечения, его естественные склонности оказываются сразу же заключенными в тиски предписаний, устоявшихся образцов культуры группы, в которой он родился. Можно бунтовать против них, но сознательный и изменяющий существующий порядок вещей бунт возможен лишь тогда, когда человек взрослеет. В этом смысле говорят о том, что культура влияет, действует и т. д., при этом не гипостазируя и не антропоморфизируя культуру. Она действует через людей, которые ее признают и которые приспособляются к ее образцам, предписаниям, ценностям и моделям.

А) В приведенном выше примере мы затронули также некоторые проблемы социализации ребенка и формирования его личности. Известное изречение Р. Э. Парка: «Человек не рождается человеком, а становится им в процессе воспитания», — в сжатой формулировке выражает существо дела¹⁴. Сразу после рождения ребенок является биологическим организмом, наделенным рядом потенциальных свойств, которые воспитание развивает, моделирует, формирует, и таким образом маленькое животное превращается в человека, или разумное существо, способное к труду и творчеству. Воспитание преобразует и моделирует врожденные биологические черты, но не устраняет их. Напомним, что выше мы говорили о биологических рамках и физиологических основах общественной жизни. Однако одним только воздействием, например химическими средствами, на физиологические процессы мы не научим ребенка ни говорить, ни читать, ни рабо-

¹⁴ См.: R. E. Park i E. W. Burgess, Wprowadzenie do nauki socjologii, Poznań, 1926, s. 79.

тать, ни находить выход из практических ситуаций, сложившихся в его жизни. Это возможно лишь путем воздействия взрослых на ребенка, путем обучения его и путем «введения» в системы ценностей и образцов поведения¹⁵.

Сравним двух десятилетних мальчиков. Один из них родился в Лодзи, в семье рабочего текстильной промышленности, другой — в стойбище эскимосов на северо-западном побережье Аляски. Первый из них знаком с таблицей умножения, знает, на чем основывается работа автомобиля, знает много дат из истории Польши, знает, как можно перейти улицу с большим движением, умеет объяснить восход и заход солнца и т. д. Обо всех этих вещах мальчик с Аляски не слышал. Зато он умеет строить каяк, пользоваться гарпуном, умеет находить дорогу в метель и во время полярной ночи, умеет запрягать собак и т. д., то есть умеет делать много вещей, о которых наш мальчик из Лодзи не слышал. Он тоже может объяснить восход и заход солнца, но его объяснение совершенно иное, как и его система представлений о жизни, семье, религии, праве и т. д. Вот результаты воспитания в разных культурах. Физиологические процессы, определяющие биологические основы их обучения, идентичны, но результаты обучения совершенно иные, потому что оба они принадлежат к различным экономическим системам, их семьи по-разному добывают средства удовлетворения потребностей, общности, к которым они принадлежат, культура их обществ различны. Таким образом, знания обоих мальчиков различны, у них разные критерии ценностей, разные обычаи, разные принципы поведения и реагирования на поведение других людей. Мальчик с Аляски знает, что для того, чтобы оказать кому-то уважение, нужно повернуться к нему спиной; лодзинец знает, что повернуться к кому-то спиной — оскорбление; таких примеров можно было бы привести еще много.

Этот процесс формирования личности ребенка и приспособления его к жизни в общности, основывающийся на его обучении и приобщении к культуре, дающий ему возможность понять эту культуру и сознательно дейст-

¹⁵ См.: А. Клошкowska, Droga do człowieczeństwa, «Wiedza i Życie», 1949, z. II.

зовать в ее рамках, мы называем процессом социализации. Посредством этого процесса культура формирует новых членов общества, учит их, как следует вести себя, что следует делать, чтобы поставить перед собой и достичь главных жизненных целей¹⁶.

Б) В механизме влияния культуры на общественную жизнь особенно важно то, что культура устанавливает системы ценностей и определяющие их критерии. О чем здесь идет речь? Поведение человека определяется прежде всего его биологическими потребностями, а также потребностями, развившимися на их основе. Потребностью мы будем называть всякое требование организма, врожденное или приобретенное, вызываемое ощущением отсутствия чего-либо и побуждающее к действию. На основе потребностей индивида и группы развиваются их интересы, то есть некоторым потребностям придается большее значение. Иногда мы говорим, что кто-то «заинтересован» определенным делом, то есть он хотел бы, чтобы это дело шло согласно его желаниям. Интересы могут быть разного рода: экономические, политические, эстетические, религиозные и др. Но как основные потребности, так и особые интересы могут быть удовлетворены различным образом и с помощью различных предметов. Следовательно, индивиды и группы должны постоянно совершать выбор между способами удовлетворения своих потребностей. Вместе с тем является фактом, что индивиды и группы часто не могут удовлетворить всех потребностей и интересов и должны делать выбор между ними, отдавать одним предпочтение перед другими. В таких ситуациях выбора вступают в действие ценности и критерии, определяющие шкалу ценностей.

Понятие «ценности» выступает в этике, экономике,

¹⁶ Следует выделить четыре понятия, часто смешиваемые: 1) рост — это реализация имманентных задатков организма в результате благоприятных влияний среды и взаимодействия организма и среды; 2) «общее влияние среды» — это совокупность стимулов, воздействующих на организм, как благоприятных, так и неблагоприятных для развития организма, личности или отдельных их черт; 3) социализация — это те влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей; 4) воспитание — это целенаправленное формирование личности, осуществляемое в рамках отношений воспитания согласно принятому в группе идеалу воспитания.

социологии, а также в других науках в разных значениях. Оно употребляется также и в повседневной жизни. Мы будем называть ценностью любой предмет, материальный или идеальный, идею или институт, предмет действительный или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость. Ценностями являются те предметы, которые обеспечивают индивиду внутреннее равновесие и стремление к которым дает ощущение хорошо исполненной обязанности, либо те, которые необходимы группе для поддержания внутренней спаянности, и т. д. В некоторых группах высшими ценностями могут быть предметы религиозного культа, для других это могут быть политические цели. Для некоторых индивидов высшей ценностью могут быть деньги, для других — моральная безупречность, для третьих — научные знания, для четвертых — произведения искусства, еще для некоторых — здоровье, честь и т. д.

Итак, ценности являются важными факторами поведения индивида. Стремление к ним решающим образом влияет на отношения с другими индивидами. Каждый индивид обладает определенной иерархией ценностей, которые он ценит в большей или меньшей степени. Могут существовать признанные ценности, к которым, однако, не стремятся, могут быть ценности, к которым действительно стремятся, но не признаются в этом. В данный момент нас здесь интересует лишь социальный механизм влияния ценностей на общественную жизнь. Они являются регуляторами человеческих стремлений и поступков, позволяют оценивать поступки других, служат основой оценки социальной пригодности членов групп, а поэтому определяют принципы социальной иерархии и очерчивают основы совместного общежития¹⁷.

¹⁷ См., например: J. St. Bystroń, *Dzieje obyczajów w dawnej Polsce*, Warszawa, 1961; Peter Freuchen, *Przygody na Arktyku*, Warszawa; B. Malinowski, *Życie seksualne dzikich*, Warszawa, 1957. См. также: Józef Obrębski, *Dzisiejsi ludzie Polesia*, «Przegląd Socjologiczny», 1936, т. IV, з. 2; Maria Ossowska, *Inteligent polski na tle grup towarzyskich Europy Zachodniej*, «Mysł Współczesna», 1947; то же автора: «Zmierzch ethosu purytańskiego w Stanach Zjednoczonych», «Studia Socjologiczne», 1961, № 1.

Откуда берутся ценности в общественной жизни? Они — коллективный продукт, подчас формирующийся в долгих процессах, основная составная часть культуры каждого индивида и коллектива. В культуре каждой общности приняты определенные системы ценностей и определенная их иерархия. В первобытных обществах иерархия эта более ригористически навязывается членам общества; в более развитых обществах проявляют большую терпимость к различиям в ценностях. Однако еще не так давно имели место факты острой религиозной или политической нетерпимости, и непризнание определенных ценностей индивидами рассматривалось как угроза всей общности и нередко даже каралось смертью. Существуют ценности, уважение которых группа считает важным для собственного существования и которые она безоговорочно навязывает всем членам; существуют также и другие, которые признаются менее важными. Особые иерархии ценностей, признаваемые индивидами, должны размещаться в рамках иерархии, принятой группой, а право предпринимать попытки изменения системы ценностей закреплено за очень малым числом индивидов, занимающих в группе особое положение¹³.

Таким образом, система ценностей развивается в рамках культуры, оказывая серьезное влияние на ход общественной жизни.

В) Система ценностей определяет выбор средств удовлетворения потребностей и интересов, определяет предпочтение в стремлениях. А как индивид ведет себя в определенных ситуациях, как разрешает отдельные проблемы, чтобы не вступить в конфликт с другими, как разрешает конфликты, когда его интересы задеты, — это определяют «образцы» действий, или, шире, «образцы» поведения, установленные в рамках отдельной культуры. Такой простой поступок, как приветствие, может принимать самые разнообразные формы в зависимости от группы, социального положения приветствующих друг друга — словом, от культуры или структуры общества, к которому они принадлежат. В нашем обществе мужчина, приветствуя встречную женщину, снимает шляпу; на

¹³ Например, право изменять их даже в революционных ситуациях имеют только специально уполномоченные на это органы, институты или лица, снабженные специальным мандатом.

островах Фиджи приветствие выражается потиранием носов; влюбленные в нашем обществе приветствуют друг друга поцелуем. Эти три примера дают нам три образца поведения в идентичной ситуации.

Проще говоря, образцы поведения — это определенные схемы, приспособленные к определенным ситуациям. Общественную жизнь можно рассматривать как непрерывный ряд ситуаций, в которых люди встречаются, воздействуют друг на друга, что-то сообщают друг другу, чего-то требуют друг от друга, стараются оказать какое-то влияние на поведение других, получить от них что-то и т. д. Каждая встреча с другими людьми — это новая ситуация. Прежде чем что-то сделать в этой ситуации, мы должны ее определить: есть ли это, например, совещание, или дружеская беседа, или требование чего-то. Определение ситуации необходимо для применения соответствующего образца деятельности и поведения. Образец — это способ поведения, признанный «нормальным» в данной ситуации, или, лучше сказать, диапазон поступков, признанных допустимыми и нормальными в данной ситуации. Образцы поведения, установленные в определенной культуре, создавая возможность взаимопонимания, делают понятным поведение других, позволяют успешно воздействовать на других людей. Они являются фактором, унифицирующим поступки индивидов и поведение коллективов. Некоторые образцы были формализованы и установлены предписаниями, например придворный этикет, положения, регулирующие способ обращения к властям (скажем, подача прошений), войсковые уставы, правила, регулирующие движения на улицах и дорогах, и т. д. Знание образцов позволяет предвидеть поведение людей и является основой ожидания «надлежащих» реакций со стороны наших ближних. Установленные образцы свидетельствуют о регулярности общественной жизни, ее «порядке», и делают возможным взаимное приспособление, ибо заранее известно, каков возможный диапазон поступков отдельных лиц в определенных ситуациях¹⁹.

¹⁹ Термин «образец» («wzór») имеет много значений. См., например: Ruth Benedict, *Patterns of Culture*, New York, 1934. Несколько иную точку зрения представляет F. Znaniecki, *Social Actions*, Познань, 1936, s. 38 и след.

Г) Наконец, культура влияет на ход общественной жизни, устанавливая модели поведения, институтов, предметов, произведений искусства и т. п. Образец выражает определенную установленную и принятую в данной культуре регулярность хода явлений, является установленной схемой, которая позволяет «прочитать» и понять поведение. Модель же — это определенный образ или символическое представление желаемого положения вещей, оцениваемого положительно, служащего оценкой действительного положения вещей. Следовательно, модель — желаемая схема, связанная с ценностями, которые надлежит унаследовать и повторить. Принятые модели становятся стилем в искусстве и архитектуре, воздействуют на организацию институтов, становятся принципом сопоставления в сравнениях и оценках. Модели в этом значении также иногда называются эталонами²⁰.

* * *

Социализация, установление ценностей, образцов и моделей — это важнейшие (но не исчерпывающие и единственные) способы, благодаря которым культура влияет на ход общественной жизни. Культура — надстройка над природными силами и факторами, над экономическими основами, она дает людям и коллективам символы, ценности, определяет содержание мысли, управляет стремлениями, отвечает на потребности, появляющиеся после удовлетворения основных биологических потребностей и после достижения прожиточного минимума²¹.

Под влиянием этих трех комплексов сил и факторов формируется личность человека. А поскольку общественная жизнь — это совокупность явлений и процессов, совершающихся между человеческими личностями, то далее мы займемся проблемами возникновения и формиро-

²⁰ См.: А. К ł o s k o w s k a, *Modele społeczne i kultura masowa*, «Przegląd Socjologiczny», 1959, t. XIII, z. 2; ee же: «Wzory i modele w socjologicznych badaniach rodziny», «Studia Socjologiczne», 1962, № 2; А. Ziemiński, *W sprawie artykułu A. Kłoskowskiej «Wzory i modele w socjologicznych badaniach rodziny»*, «Studia Socjologiczne», 1963, № 4.

²¹ Обзор проблем влияния культуры на поведение индивидов и групп дает К. Клакхон: С. K l u c k h o h n, *Culture and Behaviour*, в: «Handbook of Social Psychology», op. cit., vol. II, p. 921—976.

вания человеческой личности, чтобы лучше описать и
выяснить связи и зависимости, возникающие между
людьми.

Библиографический указатель

- J. Chałasiński, *Kultura amerykańska*, Warszawa, 1962.
O. Косвен, *Очерки истории первобытной культуры*, Изд. 2-е, М.,
1957.
V. G. Childe, *Postęp a archeologia*, Warszawa, 1954.
R. Firth, *Human Types*, New York, 1958.
A. L. Кroeber, *The Nature of Culture*, Chicago, 1952.
B. Malinowski, *A Scientific Theory of Culture*, Chapel Hill,
1944.
R. Linton, *The Study of Man*, New York, 1936.
M. J. Herskovitsh, *Man and His Work*, New York, 1948.
K. Zawistowicz-Adamska, *Spółeczność wiejska*, Warszawa,
1958.
J. G. Frazer, *Złota gałąź*, Warszawa, 1962.
G. P. Murdock, *Social Structure*, New York, 1949.
C. Kluckhohn, *Mirror for Man*, New York, 1949.
R. Linton, *The Tree of Culture*, New York, 1955.
C. Lévi-Strauss, *Smutek tropików*, Warszawa, 1960.
K. Mannheim, *Essays on the Sociology of Culture*, London, 1956.
E. Ciupak, *Kultura religijna wsi*, Warszawa, 1961.
K. Żygulski, *Film w środowisku robotniczym*, Warszawa, 1962.
J. Kądzielski, *O problemie modelu rewolucji kulturalnej*, Łódź —
Warszawa, 1964.

V. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЛИЧНОСТИ

Основания, в силу которых социология должна заниматься проблемами человеческой личности, весьма просты; общественная жизнь — совокупность явлений и процессов, происходящих между людьми, поэтому особенности людей, воздействующих друг на друга, не могут быть безразличны для исследователя этих процессов. Но речь идет не только об особенностях. Они, как известно, могут изменяться. Речь идет об установлении того, существуют ли какие-то основные элементы, составляющие неизменную «природу человека», постоянным образом определяющую поведение людей, познание которой могло бы стать основой предвидения человеческого поведения в различных ситуациях. Многие философы и социологи считали, что существование такой человеческой природы — необходимое условие закономерного возникновения общественных явлений и поэтому познание ее — неременное условие создания социологии. Так рассуждали прежде всего те, кто социологию понимал как науку о поведении индивидов и групп в социальных ситуациях. Социологи же, которые полагали, что задачей социологии является изучение массовых явлений и процессов, происходящих в социальных макроструктурах, изучение природы человека считали излишним. По их мнению, природу человека можно считать постоянной величиной, действующей всегда одинаково, и поэтому при изучении социальных структур и их изменений ее роль для социологии не представляет интереса.

При настоящем положении социологии интерес к личности вновь оживает. Он возникает в связи с исследова-

ниями микроструктур и процессов, происходящих в малых группах. Ибо предполагается, что эти процессы взаимодействий, происходящие в малых группах, имеют большое значение также для процессов, происходящих в макроструктурах. Об этих вопросах позднее мы будем говорить особо, а сейчас возвратимся к проблемам теории человеческой личности.

Различные теории человека

На простой с виду вопрос, что такое человек, отвечали теология, философия, антропология, как физическая, так и культурная и философская, психология и социология. Теологические взгляды, выступающие в различных религиях, связывают существование человека, его особенности, цель и смысл его жизни с божественными силами, которые его сотворили, с их волей, которая определяет ход человеческих дел и придает им смысл. Человек — единственный среди творений — наделяется бессмертной душой, и это обеспечивает ему исключительное место в мире и одновременно определяет цель его жизни — заботу о спасении души и возвращении ее к творцу.

Философских взглядов на сущность и предназначение человека существует очень много. Начало им положили концепции греческих философов, понимавших человека как существо разумное, сопричастное более, чем другие существа, божественному разуму, проникающему весь мир и поэтому обладающему способностью понимания природы мира. Исключительность положения человека в мире особо подчеркнул Протагор в известном изречении: «Человек — мера всех вещей». Другие философские теории пошли либо теологическими путями, либо путями раннего греческого гуманизма, придавая доктрине разумности человека различные интерпретации, либо также, после XIX века, путями натурализма и эволюционизма¹.

Естественные науки, развившиеся главным образом под влиянием эволюционизма и дарвинизма, понимали человека как зоологический вид. «Человек является особым видом, а точнее, зоологическим видом, и все его анатомии-

¹ См.: Bogdan Suchodolski, *Narodziny nowożytnej filozofii człowieka*, Warszawa, 1963.

ческие признаки, так же как и физиологические, химические или психические, возникли путем эволюционного развития из зачатков, имеющих уже у животных... Однако человеку присуще нечто чуждое животным, и ввиду этого данный вопрос встает в принципиально ином свете. Человек — существо общественное, его психологическое развитие протекает под преобладающим воздействием общественных факторов»². Но естественные науки интересуются прежде всего организмом, его свойствами и процессами. Антропология, медицинские науки, физиология, биохимия и другие науки совместными усилиями постепенно открывают физиологические основы механизмов человеческих реакций на социальные ситуации, человеческих действий, стремлений и взглядов. Говоря о природных основах общественной жизни, мы отмечаем важность этих исследований для познания всех аспектов и механизмов человеческой жизни. Они важны также для познания так называемых биогенных элементов личности, о которых будем говорить ниже. Вообще говоря, природные теории человека, неомотря на различные периоды господства натуралистических тенденций и несмотря на попытки сведения и объяснения всей деятельности и культурного творчества процессами, происходящими в организме, недостаточны для полного описания и объяснения общественной жизни, поэтому на современном этапе развития науки они должны быть дополнены психологическими и социологическими исследованиями относительно участия человека в жизни общества и в культуре³.

Понятие человеческой природы

Понятие человеческой природы сформулировано философами и психологами самых ранних времен, которые считали, что каждый человек обладает одинаковой в принципе психической или же психофизической структурой, общей всему виду и отличающей человека от других животных. Некоторые *имплицитно* принятые теории человеческой природы можно, собственно, встретить во всей ми-

² Ян Дембовский, Психология обезьян, стр. 41 и 12.

³ См.: J. Szczepański, Socjologiczny pogląd na człowieka, «Wiedza i Życie», 1947, t. XVI, z. 5.

ровой литературе от ее древнейших начал, от первых записанных или переданных традицией пословиц и житейских максим. Нет недостатка и в очень давних попытках обобщений на тему о человеческой природе. «Характеры» Теофраста (362—287 до н. э.), «Размышления» Марка Аврелия (121—180), такие произведения, как «Размышления, или Сентенции и Максимы о морали» (1655) Ларошфуко, «Трактат о фальшивости человеческих добродетелей» («*Traité de la fausseté des vertus humaines*») (1678) Ж. Эспри или же известные «Характеры или нравы этого века» (1688) Лабрюйера — вот несколько примеров философских и литературных размышлений о человеческой природе. Можно сказать, значительно упрощая, что для данных философов это совокупность постоянных стремлений и мотивов, целей и ценностей, определяющих поведение человека. Но если проанализировать мировую художественную литературу, повести, драмы, комедии, то можно утверждать, что они также принимают своеобразную концепцию постоянной человеческой природы, что произведения эти вечно живы и вызывают отзвук во все эпохи, между прочим, также и потому, что говорят о человеческих стремлениях, мотивах, взглядах, целях и конфликтах, вечно живых в индивидах и общностях. На их основе можно было бы выявить, какие общие положения, определяющие сущность человека, признавали их авторы; но оставим эту задачу историкам литературы.

В результате выражение «человеческая природа» употребляется во многих значениях. Это множество значений Дж. Дьюи сводит к четырем: 1) человеческая природа — то же самое, что определенная врожденная и первичная биопсихическая конституция, общая всему виду; 2) человеческая природа — это совокупность устойчивых психологических сил и свойств, управляемых специфическими законами, из которых вытекают основные неизменные стремления человека; 3) человеческая природа характеризуется восприимчивостью и способностью отбора впечатлений и она лишена каких-либо активных компонентов, врожденных мотиваций и стремлений; 4) человеческая природа не является ни биологической конституцией, ни структурой психики. Она проявляется в создании культурных ценностей, общественных институтов, моральных идеалов и т. п. В этих творениях, свойственных только человеческому виду, следует искать основные черты че-

ловеческой природы⁴. Как видим, эти четыре основные концепции человеческой природы достаточно противоречивы. Чаще всего, однако, встречается определение человеческой природы как комплекса основных способностей и движущих сил, действующих в человеческом организме, обеспечивающих удовлетворение биологических потребностей, активное приспособление к среде и сохранение жизни. Этот комплекс в основном постоянен и неизменяем, хотя в ходе приспособления к различного рода средам может подвергнуться определенным модификациям. Такое определение человеческой природы подразумевает натуралистическая точка зрения, то есть утверждение, что этот комплекс основных свойств человека обусловлен биологически и передается путем биологического наследования.

Такая концепция постоянной человеческой природы повлекла за собой важные теоретические и практическо-политические последствия. Прежде всего остановимся на вытекающих из нее практических выводах. Дж. Дьюи выразил их в следующих вопросах: «1) Являются ли современные политические и экономические институты необходимыми созданиями человеческой природы? Или, в более общей форме, следует ли из истинной конституции человеческой природы, что определенные социальные учреждения имеют шансы на успех, а другие обречены на неудачу? Является ли, например, неизбежной война, поскольку она — факт человеческой природы? Коренится ли стремление к личной выгоде так глубоко в человеческой природе, что любая попытка построить экономику на иной основе, чем конкурентная борьба за частную прибыль, должна неизбежно потерпеть крах? 2) Насколько глубоко поддается изменениям человеческая природа путем сознательных усилий? Или, другими словами, что важнее — природа или среда? Что самое важное в определении человеческого поведения — наследственность или среда? 3) Как велик и насколько твердо установлен диапазон изменений человеческой природы среди индивидов и групп? Являются ли разные расовые и социальные группы безусловно низшими в силу причин, которые не могут быть изменены? Относится ли то же самое к индивидам?»⁵ Ответы на эти вопросы должны определять поли-

⁴ John Dewey, Human Nature, Encyclopaedia of the Social Science.

⁵ Там же.

тпческую, общественную и экономическую деятельность. Если определенные свойства человека действительно неизменны и эти свойства важны для совместной жизни, то воспитательное воздействие и попытки общественных реформ либо обречены на неудачу, либо могут быть успешными лишь в ограниченном объеме. Появившаяся обширная литература на эту тему, подрывающая теорию человеческой природы, но прежде всего общественная и политическая практика поставляют аргументы против этой косной теории. Дискуссия завязалась главным образом вокруг концепции инстинктов и по вопросу о том, обусловлено ли и в каком объеме поведение человека неизменными инстинктами, составляющими существенную часть человеческой природы.

Проблема инстинктов

Эта проблема волновала общественные науки на протяжении многих лет. Примерно в 1860—1925 годах велись дискуссии по вопросу о роли инстинктов в поведении человека. Эти дискуссии были в значительной мере осложнены многозначностью термина «инстинкт», а также трудностью однозначного эмпирического разрешения проблемы. Проблема принимала также более общий вид спора о важности влияния наследственности или среды. Многие психологи формулировали инстинктивистские теории социального поведения человека, нередко сводя всю общественную жизнь к игре инстинктов⁶. С другой стороны, марксистам и многие другие социологические школы остро критиковали всякие теории наследственности, невзирая на то, выступали ли они в виде теории инстинктов или теории неизменной человеческой природы. Ф. Знанецкий подчеркивал методологическую бессодержательность понятия инстинкта: «Рассмотрим для примера методологическую ценность таких двух понятий, как *половой инстинкт* и *социальный инстинкт*, которые входят в определение человеческой природы в ее обыденном понима-

⁶ См.: W. McDougall, *Psychologia grupy*, Warszawa, 1930. О проблеме инстинктов дискутируют Шуман и Скворон: S. Szuman i S. Skowron, *Organizm a życie psychiczne*, Warszawa, 1934, rozdz. V, «Instynkty u człowieka». См. также: S. Ossowski, *Więź społeczna i dziedzictwo krwi*, op. cit., rozdz. I.

нии. Роль их в теории культуры должна заключаться в облегчении реальной классификации культурных функций... К культурным явлениям, вытекающим из «полового инстинкта», отнесено прежде всего большинство данных, касающихся института брака во всех его формах — моногамной, полигамной и полиандричной, групповой, включая сюда самого различного рода умыкания, покуски, приобретения в рабство или такие обычаи, как пробная ночь, *ius primae noctis*, предложение жены гостю и т. д. Класс явлений, которые считаются детерминированным социальным инстинктом, еще обширней. Во всяком случае к нему следует отнести все функции, в которых выражается стремление к социальному взаимодействию, начиная с тех, на которых основывается жизнь дикой орды, и кончая теми, которые выражаются в новейшем государственном устройстве. Что же ценного для науки в понятии, которое связывает в одно целое все эти виды явлений?..»⁷

Критика понятия инстинкта в общественных науках была доведена до конца после точного определения его содержания и объема. Если под инстинктом понимать определенные врожденные и неизменные способы реагирования на определенные внутренние или внешние раздражители, общие всему виду, вызывающие у всего вида одинаковые и неизменные способы поведения, — тогда можно утверждать, что у людей мы не встречаем таких способов поведения. Все экземпляры какого-либо вида птиц постоянно строят свои гнезда идентичным способом и т. д., каждый взрослый экземпляр какого-либо вида животных ведет себя одинаковым образом в определенных ситуациях. Такого рода постоянные и неизменные видовые способы поведения среди людей не наблюдаются. Правда, некоторые психологи подсчитали, что человек имеет около 250 инстинктов; но специальные этнологические исследования (F. Boas, *The Mind of Primitive Man*, 1911), проведенные специально под углом зрения поисков инстинктивных механизмов поведения людей различных культур, показали, что не существует никаких общих и неизменных способов поведения, которые можно было бы приписать инстинктам. Наконец, Л. Бернард (L. L. Bernard, *Instinct. A Study of Social Psychology*, 1924) суммировал

⁷ F. Znaniecki, *Wstęp do socjologii*, op. cit., s. 78—85.

все результаты исследований человеческих инстинктов, подчеркнув, что в социальном поведении невозможно вскрыть инстинктивные механизмы в том виде, в каком они выступают у животных.

Под влиянием этой критики теории инстинктов и человеческой природы подверглись принципиальной модификации. Прежде всего начали искать зависимости между условиями среды и принадлежностью к определенным общественным группам и на этом пути выявлять определенную однородность в человеческом поведении. Положение Маркса, сформулированное в «Тезисах о Фейербахе», о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», указывало совершенно иные пути исследования человека. Некоторые американские социологи, и прежде всего Р. Парк, также выступали с утверждением, что человек не рождается человеком, что организм новорожденного и его врожденные свойства не детерминируют поведение индивида, а только участие в общностях и процесс социализации формируют человеческие свойства⁸. Ссылаются при этом на примеры детей, воспитанных в строгой изоляции от контактов с людьми или же воспитанных животными, показывающие, что такие дети не проявляли человеческих свойств, то есть не обладали теми особенностями, которые приписываются врожденному механизму человеческой природы⁹.

Поиски этой социальной человеческой природы пошли совершенно иными путями. Исследования малых групп и процессов воспитания в этих группах натолкнули на вывод, что источники однородности человеческих свойств и поведения необходимо искать не во врожденной психофизической структуре, а в структуре тех групп, которые оказывают сильнейшее формирующее влияние на человека: в семье, в группах ровесников, соседей и т. п. Кули писал: «Человеческая природа развивается и находит свое выражение в простых непосредственных группах,

⁸ R. E. Park i E. W. Burgess, Wprowadzenie do nauki socjologii, op. cit., s. 79.

⁹ См.: А. Клоковская, Człowiek poza społeczeństwem, «Wiedza i Życie», 1949, z. 2; Kingsley Davies, Final Note on a Case of Extreme Isolation, «American Journal of Sociology», 1947, t. III, № 5.

похожих друг на друга во всех обществах; группах, которые создаются семейными связями, совместными развлечениями и соседством. Опыт показывает, что в принципиальном сходстве этих групп можно найти основу сходных мыслей и чувств в человеческом сознании. В них-то повсюду и вырабатывается человеческая природа. Человек не обладает человеческой природой при рождении; он приобретает ее только благодаря совместной социальной жизни, а в изоляции она обречена на исчезновение»¹⁰. Эти рассуждения направили исследования на путь экспериментальных и иных эмпирических исследований личности человека как фактора общественной жизни.

Социальная личность и ее составные элементы

Ныне мы отдаем себе отчет в сложности проблемы. С одной стороны, прогресс исследований биологических и физиологических механизмов поведения человека, затем экспериментальные психологические исследования и социологически-этнологические исследования социальных и культурных механизмов поступков индивидов и поведения групп, с другой стороны, позволяют вполне оценить сложность проблемы личности. Поэтому мы считаем, что личность человека является интегральной целостностью биогенных, психогенных и социогенных элементов.

Говоря о биологических основах общественной жизни, мы упоминали о том, что анатомические и физиологические свойства организма составляют одну из основных «рамок» поведения человека. Эти биогенные элементы личности (некоторые авторы используют термин «биогенная личность» — например, А. М. Rose, *Sociology*, 1956) складываются из врожденных рефлексов, которые могут становиться условными, врожденных анатомических черт, физиологических процессов, происходящих в организме, прежде всего деятельности желез и т. д. Многие социологи, занимающиеся проблемами личности, полагают, что эти биогенные элементы не интересуют социолога, поскольку они составляют постоянную и однородную основу поведения во всех обществах и культурах, а поэтому

¹⁰ Charles H. Cooley, *Social Organization*, 1 ed., p. 28—30. См. также: Stefan Baley, *Wprowadzenie do psychologii społecznej*, Warszawa, 1959, s. 184 и далее (II изд., 1964).

не влияют на различия в поведении. Так, например, Флориан Знанецкий, конструируя социологическую теорию социальной личности, писал: «...Нормальный и здоровый организм является, очевидно, условием *sine qua* поп культурной жизни человека... Но организм только создает возможность культурной жизни, ничем не определяя ее сущности. Люди с биологически сходными организмами могут как культурные личности крайне отличаться друг от друга в зависимости от цивилизаций, в которых выросли, от способов, какими они были приобщены к этим цивилизациям, и от социальных ролей, которые выполняют»¹¹. Многие современные социологи разделяют это мнение. Однако с точки зрения общей теории поведения индивида и поведения общности биологические, а особенно биопсихические, движущие элементы личности и их психологические механизмы важны, и социолог не может пренебрегать знанием их. Особенно необходимо помнить, что в основе любого поведения индивида лежат определенные более или менее фундаментальные биологические потребности, определенные побуждения или импульсы, вызывающие определенное поведение для их удовлетворения. Эти потребности, побуждения могут быть сопряжены с психогенными импульсами, и поэтому некоторые авторы говорят о биопсихических импульсах. Таким образом, эти биологические основы и факторы личности охватывают нервную систему, систему желез, процессы обмена веществ, побуждения (голод, жажду, половой импульс), половые различия, анатомические особенности, процессы созревания и развития организма. Спорным является вопрос, насколько эти факторы определяют поведение индивида, но важность их не подлежит сомнению и социолог не может их обходить.

Несколько слов необходимо также сказать о психогенных элементах личности, одновременно отсылая читателя к учебникам психологии для ознакомления с подробностями¹². К ним относятся такие элементы, как память, характер, чувства, воля, воображение, наблюдательность, интеллект. «Личность в психологическом значении этого

¹¹ F. Znaniecki, *Ludzie terażniejsi a cywilizacja przyszłości*, 1934, s. 103--104.

¹² Введение в эту литературу дает Станислав Ковальский: *Stanisław Kowalski, Zagadnienie osobowości w świetle psychologii marksistowskiej*, Wrocław, 1956.

слова представляет единство темперамента, дарований, склонностей, характера»¹³. Психологические теории личности столь же дифференцированы, как и теории биологические и социологические. Попытку построения последовательной теории личности предприняли и представители психоанализа. Эта теория, в настоящее время широко распространенная, исходит из того, что личность человека складывается из трех первичных сфер или же систем сил. Это комплекс бессознательных инстинктивных побуждений, названный Фрейдом *id* («оно»), образующий движущие силы личности. Другим элементом является *ego* («я»). Это организованная составная часть личности, охватывающая такие психические функции, как восприятие, обучение, память, мышление. Это центральная часть личности, контролирующая слепые силы *id* и удовлетворяющая их в соответствии с требованиями внешнего мира. Наконец, третья сфера личности — это *superego* («сверх-я»), складывающаяся из комплекса моральных черт и норм поведения, благодаря которым «сверх-я» устанавливает моральные образцы для «я», а также из совести, которая контролирует, действует ли «я» в соответствии с этими образцами. Развитая психоаналитическая теория стремилась гармонически соединить в одной теоретической конструкции биогенные элементы как силы, действующие в *id*, и социогенные элементы, действующие в «сверх-я»¹⁴.

Другая теория личности — теория марксистской психологии, которая опирается на учение Павлова о двух сигнальных системах и на теорию исторического материализма¹⁵. В ней также осуществляется синтез био-психо- и социогенных элементов, но с опорой на материалистическую и историческую концепцию человека.

Кроме этих широко задуманных теорий, в любом учебнике психологии можно найти конструкции личности¹⁶.

¹³ N. Lewitow, *Zagadnienia psychologii osobowości*, «Przegląd Psychologiczny», 1952, № I, s. 148.

¹⁴ Концепцию личности, созданную Фрейдом, рассмотрел Януш Рейковский в сборнике «*Filozofia i socjologia XX wieku*», Warszawa, 1962, s. 61—80; Z. Freud, *Wstęp do psychoanalizy*, Warszawa, 1957. См. также: «*Handbook of Social Psychology*», op. cit., t. I.

¹⁵ Ее широко представил Ковальский: S. Kowalski, *Zagadnienie osobowości w świetle psychologii marksistowskiej*, op. cit.

¹⁶ См., например: Paul Guillaume, *Podręcznik psychologii*, Warszawa, 1958, s. 266—279 и далее.

Знакомство с ними для социолога так же необходимо, как и определенное знание физиологических процессов, особенно для социолога, занимающегося теорией поведения индивидов и групп.

Теория социальной личности родилась из наблюдения различий в поведении, возникающих на основе одинаковых биопсихических импульсов и регулярности поведения в одних и тех же общностях и культурах. Отсюда напрашивался вывод, что идентичность биологических и психических факторов недостаточна для объяснения однородности поведения и действий индивидов и групп. С другой стороны, потребность в общей социологической теории личности вытекала из осознания необходимости найти постоянное соотношение или, иначе говоря, постоянную величину, определяющую процессы, происходящие в социальных макроструктурах. Объясняя эти процессы, в процессе взаимодействия индивида и общности мы всегда находим организованную целостность свойств индивида, которая «преломляет» влияния и стимулы, исходящие от общности, и устойчивым образом определяет реакции индивида. Поскольку биопсихологические теории недостаточны для объяснения того, как возникает эта целостность и как она связана с обществом и его культурой, социологи старались ее проанализировать, описать и объяснить по-своему.

Последовательная и полная социологическая теория социальной личности еще не создана. Ниже мы представим одну из многих попыток, давая ее в схематичном и упрощенном виде¹⁷. В польской литературе имеется теория Знанецкого, изложенная в книге «Современные люди и цивилизация будущего»¹⁸. Однако в нашем изложении мы будем опираться в основном на другие работы.

Социальная личность, или комплекс устойчивых

¹⁷ Мы приводим ее по учебнику: A. M. Rose, *Sociology*, op. cit., p. 86—123.

¹⁸ Florian Znaniecki, *Ludzie terażniejsi a cywilizacja przyszłości*, s. 99—136.

Сборник выдержек из современной литературы, занимающейся исследованиями личности, издал А. Малевский: Andrzej Malewski, *Zagadnienia psychologii społecznej*, Warszawa, 1962. См. также: A. Kłoskowska, *Koncepcje typu osobowości we współczesnej antropologii kulturalnej*, «Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej», 1959, t. V.

свойств индивида, влияющих на его поведение, вырастающих на основе биологических и психических свойств и вытекающих из влияния культуры и структуры общностей, в которых индивид был воспитан и в которых он участвует, охватывает следующие элементы, развитые в процессе социализации. Говоря о влиянии культуры на общественную жизнь, на первое место мы выдвинули процесс социализации, то есть процесс превращения биологического организма новорожденного ребенка в активного участника общественной и культурной жизни. В этом процессе воспитывающие группы (семья, школа, группы ровесников) передают человеку ряд ценностей и систем ценностей. Среди них находится также *культурный идеал личности*. Другим социогенным слагаемым личности являются *социальные роли*, выполняемые в различных коллективах; далее, выделим здесь *субъективное «я»*, то есть созданное под влиянием воздействия других представление о собственной особе, а также *отраженное «я»*, то есть комплекс представлений о себе, созданных из представлений других людей о нас самих. Интегрированный комплекс этих элементов создает социальную личность индивида. Рассмотрим теперь ее более подробно.

В каждой культуре созданы определенные представления о том, каким должен быть идеал человека. Древняя Греция знала такой идеал всесторонне развитого человека, с гармоничным развитием физических, умственных и моральных черт. В некоторых культурах таким идеалом являлся комплекс черт, создающих совершенного воина (некоторые индейские племена, Пруссия, Спарта). В китайской культуре существовал идеал скромного, пренебрежительно говорящего о себе человека, тогда как Соединенные Штаты Америки создали идеал человека, полного предприимчивости, пионера и бизнесмена, склонного к бахвальству.

Идеал личности может изменяться в зависимости от общественных классов, возрастных и даже профессиональных категорий. Однако в некоторых обществах определенные черты личности, например обычай гостеприимства, могут быть присущи всем общественным классам и социальным слоям. Культурный идеал личности необходимо отличать от так называемой базисной личности (*basic personality*), теорию которой развивая

А. Кардинер и др.¹⁹. Под базисной личностью любого общества понимается не идеал личности, а тип репрезентативной личности, то есть комплекс черт, относительно чаще проявляющихся у членов данного общества независимо от того, считаются ли они в этом обществе особо желательными. Причем под репрезентативной личностью можно понимать: 1) личность, проявляющуюся статистически наиболее часто; 2) комплекс общих типичных черт, присущих большому количеству индивидов, несмотря на различия во внешнем поведении; 3) личность, которая более всего выражает существенные ценности данной культуры, даже если проявляется среди значительного меньшинства данного общества, то есть тот тип личности, которая легче всего интегрируется в основные институты данного типа общества, например личность английского джентльмена. Базисная личность иногда понималась как «национальный характер», то есть комплекс черт и склонностей, определяющих характерные для данной нации и часто встречающиеся среди ее членов способы реагирования на ситуации²⁰. Теория базисной личности и национального характера не достигла еще полного развития и не подтверждена детальными эмпирическими исследованиями.

Подчеркнем еще раз различие между базисной личностью и культурным идеалом личности. Первая формируется прежде всего в детстве, второй — после периода созревания в контакте со всей культурой и социальными институтами. Этот идеал не обязательно должен быть идентичен идеалу этическому. В некоторых группах идеал личности идентифицирован с этическим или религиозным идеалом, например в монашеских орденах, но в других группах основной чертой идеала человека может быть успешность его действий независимо от того, какими средствами достигаются цели. Следовательно, культурный идеал личности является как бы комплексом предписаний, каким должен быть член данной группы, чтобы снискать признание и положительную оценку. В общей форме он внушается индивидам в ходе воспита-

¹⁹ A. Kardiner, *The Psychological Frontiers of Society*, New York, 1945.

²⁰ Примером исследования национального характера может быть труд Рут Бенедикт (*Ruth Benedict, The Chrysanthemum and the Sword*, Boston, 1946) о японском национальном характере.

ния, в ходе контроля за поведением индивида со стороны окружения, путем оценки, одобрения, вынесения порицаний и т. д. Это в общих чертах набросанная модель, которую индивиды реализуют различным, индивидуализированным способом, в зависимости от того, какое положение в обществе они занимают и какие в нем выполняют функции, подлежащие оценке со стороны окружения, иначе говоря, в зависимости от того, какую социальную роль они выполняют.

Основная концепция социальной роли проста. Каждый человек в различных кругах, группах и коллективах занимает какое-то положение, с которым связаны образцы поведения, и круг или группа ожидает от своих членов, что, занимая данное положение, они будут действовать (вести себя) в соответствии с этим образцом, определяющим поведение, признанное идеальным. Однако при более четком формулировании этой концепции социальной роли возникает ряд трудностей. Роль — это относительно постоянная и внутренне связанная система поступков (действий), являющихся реакциями на поведение других лиц, протекающими в соответствии с более или менее четко установленным образцом, которых группа ожидает от своих членов²¹. С любым социальным положением связаны определенные права и обязанности. Права основываются на ожидании индивидом того, что другие будут вести себя по отношению к нему так, как это принято в группе; обязанности состоят в том, что другие ожидают от индивида поведения, соответствующего его положению. Говоря в более общей форме, выполнение социальной роли заключается в проявлении определенных личных черт. Например, социальная роль лидера (*przywódca*) требует не только соответствующих дел, но эти дела должны также доказывать, что лидер — человек решительный, верный себе, последовательный и т. п. Существуют, таким образом, роли ребенка, ученика, общественного деятеля, служащего, учителя политического лидера, офицера и т. п., то есть позиции в группах, с которыми связан определенный объем институционализированных функций, выполняемых по поручению и

²¹ Тесни социальных ролей широко излагает Сарбин: R. Sabin, *Handbook of Social Psychology*, op. cit., t. I, См. также: Jean Stoetzel, *La psychologie sociale*, Paris, 1963.

ст имени группы или круга как целого, или же функций, подлежащих контролю (понятие контроля мы объясним ниже), и, подобно актеру на сцене, каждый индивид «играет» роль ребенка, ученика, учителя и т. д. Индивид, не оправдывающий ожиданий группы, сталкивается с различного рода санкциями — от свободного воздействия мнений, отрицательного отношения до репрессий, цель которых — пресечь нежелательные действия; в то же время индивид, оправдывающий ожидания, может рассчитывать на награды — от молчаливого признания до формальных поощрений.

Процесс реализации роли зависит от довольно сложной системы факторов: 1) от био- и психогенных элементов индивида. Анатомическое строение, способности, интеллект и т. п. могут делать возможным, облегчать или затруднять выполнение определяемых ролей; 2) от личностного образца (*wzrost osobowego*), определяющего комплекс идеальных черт, какие индивид, выполняющий данную роль, должен проявлять, а также комплекс идеальных способов поведения; 3) от определения роли, принятого в социальной группе или круге, которые «следят» за ее выполнением; 4) от структуры группы (или круга), ее внутренней сплоченности и системы наград или санкций, которыми она располагает по отношению к своим членам; 5) от степени идентификации индивида с группой²².

Влияние биологических и психологических черт на выполнение роли было предметом многих эмпирических исследований, и — говоря кратко — не подлежит сомнению, что они отражаются на выполнении ролей, так же как и на выполнении роли актером на сцене. Одна роль, например Гамлета, может иметь множество индивидуальных «интерпретаций» в зависимости от био- и психогенных черт личности актера. Так же обстоит дело и со всеми социальными ролями. Личностный образец, определяющий идеальные черты и идеальные способы поведения, может быть почерпнут из четких предписаний устава или другой совокупности предписаний (монашеский устав) или же только свободных и не всегда последовательных поучений, с помощью которых мать поучает ребенка, что ему делать, чтобы быть вежливым. Личностный

²² См.: R S a r b i n, op. cit., p. 248.

образец определяет такие черты, как, например, достоинство, честь, моральные и гражданские принципы, инициативность, трудолюбие и т. п., зависящие от положения, которое индивид, реализующий данную роль, занимает в группе. Определение социальной роли — это способ приспособления личностного образца к роли. Например, в соответствии с правилами, установленными администрацией, роль студента заключается в аккуратном посещении занятий, систематическом учении и т. д. По отношению к студенческому кругу студент должен быть прежде всего хорошим коллегой, готовым к совместным развлечениям, товариществу и т. д. Это пример двух различных определений одной и той же социальной роли. В принятии индивидом соответствующего личностного образца и соответствующего его определения решающее значение имеет прежде всего структура группы, которая этот образец и определение навязывает, а также идентификация личности с группой²³. Группы со строгой формальной организацией, большой степенью контроля над членами предъявляют к ним весьма высокие требования. Например, армия, монашеские ордена, некоторые политические партии, предъявляющие своим членам очень большие требования, имеющие строгую внутреннюю дисциплину и располагающие совокупностью суровых санкций, навязывают роли безусловным образом. Однако аналогичного результата можно достичь и путем добровольной идентификации индивида с группой, если индивид признает, что цели, реализуемые группой, — наивысшие цели, к которым может стремиться человек, если он считает их своими личными целями, если он признает, что подчинение требованиям группы придает смысл его личной жизни и является путем к достижению личного счастья. Тогда такая группа становится для индивида «референтной группой», ее образцы и требования, ее идеалы становятся идеалами индивида, и роли, навязываемые группой, выполняются преданно, с глубоким убеждением²⁴.

²³ Примеры, иллюстрирующие идентификацию с группой и социальной ролью, приводит, в частности, Ян Халасиньский (J. Chałasiński в: *Młodym pokoleniu chłopów*, t. I, cz. II, par. 2 «Chłopi i panowie», cz. IV, par. 3 i 4, t. IV, cz. I, par. 4 «Pastuch i uczeń»).

²⁴ Проблемы теории «референтной группы» («reference group») обсуждает Мертон: R. K. Merton, *Social Theory and Social Structure*.

Некоторые роли, особенно институционализованные, имеющие большую важность для всей группы, очерчены весьма четко; другие, менее важные, не задевающие интересов группы как целого, определены менее четко. Некоторые роли требуют от индивидов, чтобы основные черты культурного идеала личности проявлялись во всех ситуациях (например, в некоторых орденах монахов обязан быть всегда покорным).

Опытом установлено, что роль, выполняемая по убеждению в течение длительного периода, великолепно формирует также психогенные черты, так что некоторые социальные ситуации, наследуемые поколениями, формируют определенные психические типы (например, так называемая барская психика, крепостная душа — как эти типы называются в обыденной жизни).

Культурный идеал личности и социальные роли — это некие внешние «схемы», которые общество накладывает на био- и психогенные элементы личности²⁵. В процессе социализации, то есть введения новорожденного в общественную жизнь путем целенаправленного воспитания и комплексного воздействия общественной и культурной среды на ребенка, у индивида вырабатывается сознание своего «частного», личного «я». Каждый из нас чувствует, что сумма этих социальных ролей, выполняемых в семье, в профессиональной жизни, в кругу товарищей, соседей и т. д., концентрируется вокруг чего-то, что становится нашей внутренней сущностью, нашим подлинным «я». Каждый из нас часто рассуждает сам с собой, обращается к себе как к кому-то, кто не является той самой личностью, которая в данный момент выполняет какие-то функции «наперекор себе». И другие люди также обращаются к нам таким образом, который предполагает существование такого подлинного «я». Это субъективное представление о нашей внутренней подлинной сущности мы называем *субъективным «я»*. Оно составляет существенный элемент личности человека. Это «я» — социального происхождения и развивается под влиянием родителей, родственников, знакомых, соседей и ровесни-

ге, op. cit., p. 225—386. См. также: J. S o w a, Teoria grup odniesienia, «Studia Socjologiczne», 1962, № 4.

²⁵ См., например: S. B a l e y, Wprowadzenie do psychologii społecznej, op. cit., s. 172—202.

ков, особенно в том возрасте, когда ребенок начинает забавляться и играть роли «солдата», «купца», «героя из сказки» и т. п. Одновременно он уясняет себе, что на самом деле он является кем-то иным, что эти «роли» не составляют его подлинной личности. Таким образом, всякое играние ролей способствует в то же время развитию чувства обладания субъективным «я». Каково содержание этих представлений о себе, во многом зависит от влияния родителей, которые либо обожают ребенка и вырабатывают в нем чувство собственной значительности и превосходства над другими, либо вырабатывают в нем чувство собственной неполноценности. Процесс этот сложен, и мы не намерены его здесь подробно анализировать. Субъективное «я», или комплекс представлений о том, каков человек «на самом деле», часто может быть комплексом выдумок, фантазий, воображения, компенсирующих неудачи в выполнении различных социальных ролей и т. п. Субъективное «я» определяет поведение в тех ситуациях, когда индивид сталкивается с конфликтом нескольких ролей, оказывается перед фактом противоречивости требований нескольких групп, к которым он принадлежит, и тогда приспособлением к такой ситуации обычно руководит субъективное «я». Субъективное «я», созданное под влиянием воздействий социального окружения, становится независимым от этого влияния, когда оно упрочивается в убеждениях индивида, в особенности когда оно преобразуется в комплекс болезненных представлений.

Но существует еще один составной элемент социальной личности человека, посредством которого общество формирует индивидов, а именно *отраженное «я»* (*jaźń odzwierciedloną*)²⁶. Это комплекс представлений, какие каждый из нас имеет о себе на основании того, что, по его мнению, думают о нем другие люди. Как мы представляем себе наше лицо и внешний вид на основании отражения, видимого в зеркале, так и черты нашей личности, характера, наши способности, нашу манеру поведения и выполнения социальных ролей мы представляем на основе того, что мы «видим» и «отбираем» в оценках и реакциях других людей на нашу личность. Об-

²⁶ Этот термин ввел Кули: С. Н. Cooley, *Human Nature and the Social Order*, 1 ed., p. 152 и далее.

щественный контроль за нашим выполнением различных ролей осуществляется посредством отраженного «я». Отраженное «я» складывается из трех элементов: 1) представления о том, как видят нас другие люди; 2) представления о том, как они оценивают наш внешний вид, широко понимаемый, охватывающий наше поведение и деятельность; 3) реакции на эти представляемые оценки в виде раздумья, удовлетворения, стыда и т. д.

Отраженное «я» не совпадает с субъективным «я». Субъективное «я» — это обычно комплекс положительных представлений о себе, часто противопоставляемый невыгодным оценкам окружения. Однако оценки окружения являются решающими для поведения, для карьеры и т. д.; отсюда вытекает важность отраженного «я», которое становится мощным фактором конформизма.

Интеграция элементов личности

Биогенные, психогенные и социогенные элементы личности, которые представлены выше отдельно, как бы в препарированном виде, взаимно приспособлены друг к другу, сопряжены и составляют интегральное единство структуры и функционирования. В акт действия вовлекаются все три «уровня» личности — био-, психо- и социогенный, действующие сопряженно.

Однако эта внутренняя интеграция личности не означает, что между отдельными ее элементами невозможны противоречия или конфликты. Они не сцепляются друг с другом так совершенно, как шестеренки в механизме часов. Следовательно, интеграция личности означает прежде всего отсутствие конфликтов между составными элементами.

Нормальной личностью мы обычно называем: а) среднюю в статистическом смысле личность; б) личность, приспособившуюся и действующую в рамках установленных социальных критериев; в) целостную (интегрированную) личность, то есть такую, все остальные элементы которой функционируют в координации с другими. Очевидно, мы говорим здесь о нормальной личности не с медицинской точки зрения, но медицинское определение также может иметь место и среди приведенных выше.

В каких условиях личность подвержена дезинтеграции? Это может произойти вследствие противоречий между био-, психо- и социогенными элементами, например когда культурный идеал личности требует подавления сильных биологических побуждений и т. п. Это может произойти вследствие заболевания нервной системы, системы желез или же нарушения других основных функций организма. Нас здесь, однако, интересуют прежде всего социальные причины дезорганизации личности. К ним относятся: а) участие в нескольких социальных группах, навязывающих индивиду противоречивые системы ценностей и противоречивые образцы поведения; б) участие в дезорганизованных группах, в которых нет четко очерченных социальных ролей, нет системы общественного контроля и нет установленных критериев оценок; в) противоречие между био- и психогенными элементами и требованиями социальных ролей (например, когда несмелый и робкий человек вынужден взять на себя роль, требующую большой ответственности, инициативы и смелых решений; тогда невозможность приспособиться к роли кончается дезорганизацией всей личности); г) наконец, необходимо назвать распад психических элементов личности, который также может произойти на социальной или биологической почве.

* * *

Трудно указать, когда и в какой степени данная личность является вполне нормальной и целостной (интегрированной). Не входя в вопросы психиатрии (элементарное знакомство с которыми для социолога весьма полезно), мы должны подчеркнуть, что взаимодействия между нормальными личностями — это основной процесс, в ходе которого между индивидами возникает социальная связь.

Библиографический указатель

- H. H. Gerth and C. W. Mills, *Charakter and Social Structure*, New York, 1953.
N. Gross, W. S. Mason and A. W. McEachern, *Explorations in Role Analysis*, New York, 1958.

- R. Linton, *The Cultural Background of Personality*, New York, 1945.
- C. Kluckhohn, H. A. Murray and D. M. Schneider, eds., *Personality in Nature, Society and Culture*, New York, 1953.
- G. H. Mead, *Mind, Self and Society*, Chicago, 1934.
- R. Bendix, *The Image of Man in the Social Sciences*, w: Lipset and Smelser, *Sociology*, 1961, p. 30—37.
- S. Baley, *Osobowość*, Lwów, 1939.
- G. S. Hall and G. Lindzey, *Theories of Personality*, New York, 1957.
- J. L. McCary ed., *Psychology of Personality*, New York, 1956.
- A. Inkeles, *Personality and Social Structure*, w: *Sociology today*, p. 249—276.
- J. J. Honigmann, *Culture and Personality*, New York, 1954.
- T. W. Adorno in., *The Authoritarian Personality*, New York, 1950.
- Whiting J. W. and I. L. Child, *Child Training and Personality*, Yale University Press, 1953.
- A. Malewski, *O zastosowaniach teorii zachowania*, Warszawa, 1964.

VI. СОЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ

В ходе предшествующего изложения мы затрагивали проблемы природных, экономических и культурных основ общественной жизни. Мы изложили также процесс формирования личности человека в этих рамках. Теперь мы перейдем к дальнейшему анализу и поставим вопросы о том, что происходит между людьми, между личностями, как возникают между ними связи, зависимости, как появляются объединения, которые сплачивают людей в устойчивые общности. Участие в общественной жизни дает нам практические знания об отношениях между людьми, о зависимостях, существующих между ними. Совокупность этих отношений и зависимостей социологи называют *социальной связью*. В этом разделе мы постараемся показать, из каких элементов складывается эта связь, выступающая в более или менее развитом виде во всех общностях. Мы представим здесь описание связи в «препарированном» виде, рассматривая поочередно отдельные ее элементы, которые в реальной жизни всегда выступают в связанной системе. После рассмотрения всех элементов мы в конце раздела постараемся дополнить и развить определение социальной связи.

Пространственный контакт

Всякие отношения между людьми должны начинаться с каких-либо соприкосновений в пространстве, со взаимного наблюдения и с установления факта обладания

одним из индивидов какими-то чертами и особенностями, которые могут заинтересовать другого. Пространственный контакт может быть непосредственным, когда два индивида действительно видят друг друга и встречаются непосредственно, но может быть и опосредованным, когда, например, предприниматель, ищущий рабочих, просто на основе различной информации устанавливает существование определенного числа людей, которые обладают такими качествами, что их можно нанять. Во всяком случае контакт опосредованный или непосредственный в пространстве и времени, который ведет к взаимному наблюдению имеющихся у индивидов черт, является первым условием и первым элементом в процессе возникновения социальной связи. Очевидно, не всякий пространственный контакт должен с необходимостью приводить к дальнейшим этапам в развитии социальной связи. Ежедневно на улицах, в поездах или трамваях мы встречаем сотни людей, с которыми нас ничто не будет связывать в будущем. Но лишь контакт какого бы то ни было рода, делающий возможным наблюдение и уяснение себе черт другого индивида, делает возможным и дальнейшие этапы контакта.

Психический контакт

Наблюдения определенных черт может побудить заинтересоваться ими. Заинтересованность эта рождается на основе уже существующих потребностей наблюдающего. Не предвещая в данный момент, каковы эти потребности, утверждаем, что после наблюдения определенных черт индивида и после уяснения себе, что эти его черты могли каким-либо образом удовлетворить определенные потребности (биологические, экономические, культурные) наблюдающего индивида, рождается заинтересованность наблюдаемым индивидом. Заинтересованность может быть взаимной, но не обязательно, она может быть и односторонней. Чертами, которые будят заинтересованность, могут быть внешний вид, знания, обладание предметами и т. п. Заинтересованность — первый элемент психического контакта. Взаимная заинтересованность основывается на уяснении себе заинтересованности со стороны другого индивида, на

уяснении себе причин заинтересованности, на признании этой заинтересованности, допустимой и осмысленной, на выражении определенной готовности к взаимной заинтересованности, то есть на уяснении себе того, что этот другой индивид может быть полезным для удовлетворения потребностей. Схематически это выглядит так: А наблюдает Б, интересуясь им в связи с определенными его чертами, отвечающими существующим потребностям А. В свою очередь Б осознает заинтересованность, которую он возбудил в А, и взаимно интересуется его чертами с точки зрения своих собственных потребностей. Так, следовательно, взаимная заинтересованность создает элементарный психический контакт.

Психический контакт не создает еще никакой связи. Он становится условием и необходимым элементом возникновения дальнейшей, устойчивой связи. Он лишь этап на пути возникновения устойчивых отношений между людьми. Некоторые типы отношений между людьми просто невозможны без предшествующего психического контакта.

Психический контакт может быть односторонним, когда, например, какой-нибудь предприниматель нанимает рабочих, причем рабочие эти никогда его не видели и ничего о нем не знают. В этом случае психический контакт возникает из односторонней заинтересованности предпринимателя в рабочей силе. Рабочие встречаются только с представителями предпринимателя и через них некоторым образом опосредованно соприкасаются с предпринимателем. Например, рабочие в колониях встречались с такими представителями и через них входили в систему устойчивых отношений. Но, например, отношения дружбы требуют появления предварительной взаимной заинтересованности и психического контакта, основанного на непосредственном наблюдении и взаимной непосредственной заинтересованности.

Добавим, что эта проблема касается существенного вопроса, широко обсуждавшегося в истории социологии, а именно роли психических, субъективных факторов в процессах общественной жизни. Здесь соприкасаются две тенденции: одна — психологическая, утверждающая, что социология должна изучать только те процессы, которые возникают на основе непосредственного, сознательного взаимодействия, и другая — социологическая, утверж-

дающая, что социология должна исключить всякий субъективизм и заниматься только объективными процессами, то есть процессами, протекающими независимо от сознательных стремлений и позиций индивидов¹. Наша точка зрения в этом вопросе состоит в том, что оба рода процессов важны для общественной жизни и ни один из них нельзя обойти.

Социальный контакт

Психический контакт может превратиться в контакт социальный, если А и В встречаются и начинают взаимодействовать друг с другом, чтобы достигнуть обмена ценностями независимо от того, являются ли этими ценностями только вежливые слова или какие-нибудь предметы, какая-нибудь ситуация, которой оба приписывают какое-либо значение. Простейшим примером всего описанного до сих пор процесса будет, например, покупка газеты: пространственный контакт с продавцом, установление, что имеется интересующая меня газета, установление готовности продать, то есть обнаружение его заинтересованности мною как покупателем, и, наконец, на этой основе социальный контакт: покупка газеты. Следовательно, социальный контакт — это определенная система, в которую входят по меньшей мере два лица, какая-нибудь ценность, которая становится основой контакта, какие-то взаимодействия, касающиеся этой ценности. Контакт — это еще не отношение в том значении, какое мы будем придавать этому термину ниже. В ходе контакта взаимодействие касается скорее той ценности, на почве которой происходит контакт, чем личностей вступающих в контакт индивидов. В одном только случае, когда мы имеем дело с так называемыми личностными контактами, заинтересованность другим индивидом ограничивается его личностью, его чертами и его положением. Подчеркнем, однако, что контакты возникают не только на ранних стадиях образования социальной связи между индивидами, но также между индивидами, уже связанными даже очень сложной системой отношений.

¹ См.: J. S z c z e r a ń s k i, Socjologia, op. cit., s. 242 и далее, s. 295 и далее.

Контакты могут быть преходящими или устойчивыми в зависимости от их частоты и продолжительности. Они могут быть частными и публичными в зависимости от того, родилась ли заинтересованность, которая к ним приводит, из индивидуальных потребностей лица или же из потребностей коллектива и контакт произошел в ходе реализации институционализированных интересов. Поэтому, например, контакт между читателем газеты и продавцом является частным, тогда как контакт между представителем поставщика газа и потребителем газа — публичным. Далее контакты могут быть личностными и вещественными. Личностные контакты порождаются — как сказано выше — заинтересованностью чертами или положением особы партнера, вещественные — заинтересованностью предметом, которым он располагает. Наконец, социальные контакты могут быть непосредственными и опосредованными. Непосредственные — это встреча лицом к лицу, опосредованные — через различные средства коммуникации: письма, прессу, радио, телевидение и т. п. Очевидно, можно также дать различные комбинации этих классификаций социальных контактов и выделить контакты непосредственные вещественные устойчивые — например, ежедневное приобретение газеты у одного и того же продавца; опосредованные вещественные устойчивые — например, регулярное получение корреспонденции от торгового контрагента из другой страны и т. п.²

Контакты, и прежде всего социальные личностные контакты, являются важным фактором общественной жизни. Отсутствие непосредственных устойчивых личностных контактов составляет суть явления социальной изоляции или одиночества. По мнению многих социологов и психиатров, одиночество, ограничение социальных контактов только вещественными — основа многих отрицательных явлений, обнаруживающихся в современных массовых обществах, и прежде всего причина серьезных нарушений внутренней интеграции личности человека³.

² Классификацию и описание значимости социальных контактов дал Ф. Знанский: F. Znaniecki, *Socjologia wychowania*, 1928, t. I.

³ Исчезновение личностных контактов и его последствия в процессах возникновения так называемого массового общества и де-

Взаимодействия

Взаимодействия развиваются на основе социальных контактов. Социальный контакт уже предполагает определенный объем действий, но действия эти относятся к предмету или другой ценности, которая является предметом или основой контакта. Взаимодействия — это систематическое, постоянное осуществление действий, имеющих целью вызвать соответствующую реакцию со стороны партнера, это воздействие и на самого партнера, причем вызванная реакция вызывает в свою очередь реакцию воздействующего. Схематически: А воздействует на Б, чтобы вызвать его определенную реакцию, после чего эта реакция в свою очередь вызывает очередное действие А. Следовательно, взаимодействие — это система действий по меньшей мере двух лиц, или двух общностей, или же индивида и общности. Без взаимодействий нет общественной жизни. Необходимо отличать их от социального действия, которое является действием одного индивида с целью вызвать изменения в установках, стремлениях, функциях другого индивида. Не все социальные действия должны приводить к интеракции, или взаимодействию. Собственно говоря, сначала мы должны определить сами социальные действия, то есть действие одной личности на другую, прежде чем говорить о взаимодействии, но для хода изложения лучше представить сначала проблемы взаимодействий.

Взаимодействия не следует смешивать ни с непосредственными контактами, ни с осведомленностью о личности партнера. Взаимодействия могут существовать между людьми, вовлеченными в сложные социальные, экономические и политические системы, которые не знают и даже не думают друг о друге. Но такого рода взаимодействия необходимо отличать от непосредственных воздействий, простейшим примером которых будет, например, игра в карты, при которой обе действующие стороны имеют перед собой партнера, непосредственно знают его черты, определяют это соответствующим образом и подбирают способы действия, соответствующие этому определе-

персонализации индивида в этом обществе синтетически представил А. Роуз: A. M. Rose, *Theory and Method in the Social Sciences*, Minneapolis, 1954 (разд. 2).

нию, непосредственно наблюдая реакции. Следовательно, можно говорить о взаимодействиях непосредственных и опосредованных. Но это различие не исчерпывает дела. Кроме того, можно говорить о взаимодействиях, возникающих из субъективных намерений А действовать именно на Б, и о взаимодействиях, возникающих из совместного участия в сложных системах, например экономических или политических, где А не имеет никаких намерений относительно Б, но они связываются сетью объективных зависимостей, так что каждое действие А вызывает реакцию Б и т. д., без субъективного осознания происходящего между ними взаимодействия. Фабрикант, изменяющий оплату, воздействует на всех рабочих, также и на тех, об индивидуальном существовании которых он даже не знает. Это взаимодействие вытекает из принадлежности к более широкой социальной системе.

Социальные действия

Здесь мы должны остановиться более подробно на характеристике самих социальных действий. Следуя общей теории, сформулированной Ф. Знанецким⁴, мы рассматриваем социальные действия или поступки как определенные системы, состоящие из нескольких элементов. Прежде всего социальными действиями мы будем называть только те действия, которые имеют целью вызвать изменения поведения, установок или стремлений индивидов или общностей. Это определение позволяет отделить социальные действия в точном значении этого слова от действий, например религиозных, в которых предмет действия — некая трансцендентная сила, а цель действия — изменение поведения этой силы (бога). Очевидно, граница между социальными, экономическими или политическими действиями не может быть проведена окончательно, поскольку эти действия всегда имеют в себе «социальные» элементы, то есть также стремятся изменить поведение других индивидов.

⁴ Изложенной в «Social Actions», Poznań, 1936. См. также: F. Studnicki, Wzór zachowania się, wzór postępowania i norma, «Zeszyty Naukowe U. J.», 1961, № 44.

Каждое социальное действие — это система, в которой можно выделить следующие составные элементы: а) действующее лицо; б) предмет действия или лицо, на которое действуют; в) средства или орудия действия; г) метод действия или способ использования средств действия; д) реакция лица, на которое действуют, или результат действия.

В теории социальных действий особый интерес представляют проблема средств или орудий действия и проблема методов действия. На первый взгляд казалось бы, что существует огромное разнообразие средств и методов действия. Между тем систематизация этих областей показала, что все возможные и применяемые во всех обществах методы и средства действия можно свести к очень немногим образцам, сохраняющимся с удивительным однообразием при всех обстоятельствах и изменениях общественных формаций.

Прежде всего следует отличать понятие «поведение» от понятия «действие». Поведение — это реакция организма на внутренние или внешние раздражители; поведение может быть инстинктивным, неосознанным, но может быть и преднамеренным, осознанным, осмысленным. Действиями мы называем только некоторые виды поведения, а именно те, которые являются преднамеренными, осмысленными комплексами поступков, предпринятых для достижения определенной цели, и те, которые связаны с выбором средств, обеспечивающих, по убеждению действующего, достижение цели. Социальные действия, как уже сказано выше, — это определенная система поступков, средств и методов, при помощи которых лицо или группа намеревается изменить поведение, установки или мнения других лиц или групп.

Генезис действий следует искать в контактах. Не бывает взаимодействий без предварительных контактов, без определенной платформы, на которой может зародиться стремление вызвать определенную реакцию индивида или группы, изменить его поведение. Каковы общие условия, чтобы между А и Б развились взаимодействия, то есть чтобы А совершил поступок или поступки, имеющие целью вызвать желаемую реакцию Б?

Из того, что мы до сих пор говорили о контактах, вытекает, что два вступающих в контакт индивида интересуются теми чертами друг друга, которые могут быть

использованы ими для удовлетворения своих потребностей, будь то интересующие их вещи или ценности, находящиеся в их распоряжении, которые также могут быть использованы одним из них либо взаимно. Если, следовательно, А устанавливает, что Б обладает определенными чертами (знаниями, навыками, положением и т. д.) или располагает определенными предметами (вещами, символами, идеями и т. д.) и эти черты или предметы могут удовлетворить его потребности, стремления и т. п., то существует комплекс условий для того, чтобы А мог решиться на выполнение определенной функции, в результате которой Б позволит использовать свои черты или вещи для удовлетворения потребностей А. Это, однако, только объективное условие. Действительное совершение поступка требует, кроме того, существования у А определенной *установки*, или твердой склонности к выполнению определенных действий. Но наличия потребностей и интересов недостаточно, чтобы индивид или группа осуществляли действия, направленные на их удовлетворение. Необходима определенная движущая сила, определенная устойчивая готовность к их осуществлению. Индивид может иногда действовать под влиянием внезапных импульсов, мимолетных настроений и т. д., но такого рода действия редко становятся действиями систематическими, повторяющимися и устойчивыми, последовательно направленными на достижение важной цели. Такие действия возникают на почве установок. Поэтому социальная психология и социология уделяют исследованию установок много внимания и немало усилий посвящено поискам правильных методов исследования и измерения установок.

Социальные действия направлены, следовательно, к такому изменению чужих установок и поведения, чтобы они вели к удовлетворению определенных потребностей, стремлений или интересов. Поэтому в них средства действия и методы действия — самое важное, поскольку от их правильного выбора зависит успешность действия. На первый взгляд социальные действия представляют собой неограниченный хаос, в котором существуют бесчисленные возможности разнородных действий. Это, однако, не так, и более близкий анализ показывает, что все социальные действия протекают по определенным, постоянно повторяющимся образцам или по определенным схе-

мам, постоянно повторяемым и наследуемым. А поэтому, вообще говоря, все действия, направленные на изменение поведения людей, можно уложить в категории следующих видов: негативное принуждение и позитивное убеждение. Негативное принуждение чаще всего проявляется в виде запретов и приказов, сущность которых — репрессии по отношению к нежелательному поведению. Позитивное убеждение основано на действии при помощи стимулов, вызывающих желательное поведение без обращения к репрессиям в какой бы то ни было форме (угрозы, наказания). Ф. Знанецкий делит все виды социальных действий на две категории: приспособления и оппозиции. К первой относятся все те действия, которые вызывают желательное поведение индивидов или групп без угрозы каким-либо ценностям или возможностям партнера, ко второй — все те, которые связаны с угрозами и репрессиями. Общие типы поведения, подпадающие под обе категории, немногочисленны: ибо как можно изменить чужое поведение без угроз и репрессий? Просьбой или приглашением, привлечением, руководством в совместном труде, руководством в воспитании, добровольным подчинением в ходе выполнения действия, сознательным подчинением для достижения цели, а также подражанием. Это были бы общие типы действий, проявляющиеся во всех обществах, в которых чужое поведение подвергается желательному изменению без угроз субъекту действия. К видам оппозиции, или изменений чужих установок и поведения при помощи угроз, Знанецкий причисляет: противопоставление себя другим, репрессии и бунт как естественные реакции на всякое принуждение, агрессию, выступающую в различных видах, враждебность, проявляющуюся в разных формах — от нежелания достичь взаимопонимания до сопротивления. Средним видом между приспособлением и оппозицией является эгоистический компромисс.

Такую классификацию (а также детальный анализ) возможных видов действия провел Ф. Знанецкий⁵. Это же единственный способ классификации видов действия; можно применять и иные способы описания и анализа действий.

Но социальные действия составляют особую пробле-

⁵ F. Znaniecki, *Social Actions*, Poznań, 1936.

му, в которую мы здесь не будем вникать глубже. Правда, мы не разделяем взгляда Макса Вебера, что социальные действия являются основным элементом социальной действительности и что все сложные социальные образования, такие, как институты, группы и другие общности, являются, собственно, констелляциями и кристаллизациями действий, и не разделяем также взгляда Ф. Знанецкого, что социальные действия являются основным типом замкнутых социальных систем, из которых построены все другие социальные системы, но мы признаем, что изучение социальных действий — важная задача социолога, поскольку в них проявляется функционирование индивидов и групп, функционирование социальной связи.

Итак, взаимодействия — это взаимно сопряженные системы действий, между которыми возникает причинная зависимость: поступок А, изменяющий поведение или установки Б, вызывает поступок Б, который в свою очередь изменяет установки и поведение А. Взаимодействия могут быть устойчивыми, например политическая борьба между двумя партиями, продолжающаяся годами, или преходящими, например дискуссия, проведенная по любой проблеме в течение одного вечера, или случайный разговор.

Таким образом, термин «взаимодействия» охватывает весьма широкий круг явлений. Отсюда некоторые социологи сделали вывод, что взаимодействия — основной социальный вопрос, что все явления и процессы, происходящие в любом обществе, в любой период времени, можно свести к явлениям взаимодействия, а поэтому их анализ позволит описать и выяснить все процессы, происходящие в обществе. Поэтому некоторые социологи, а в особенности находящиеся под влиянием бихевиористских взглядов, например Джордж А. Ландберг, считают, что «взаимодействия индивидов и групп — это центральный предмет исследований общественных наук»⁶. Причем эти социологи проявляли тенденцию заниматься лишь непосредственными воздействиями, вызванными непосредственным осознанием наличия предмета воздействия. Они полагали, что интеракция — это основной элемент связи, объединяющей группу, что действительность групповой

⁶ G. A. Lundberg, C. C. Schrag, O. N. Larsen, *Sociology*, New York, 1954, p. 13.

жизни, которую можно изучать эмпирически, является комплексом и сложной системой взаимодействий. Понятию воздействия они придавали несколько более широкое значение, считая, что отношения между членами группы основываются на установленных схемах (образцах — pattern) воздействий. Отсюда также развилась тенденция эмпирического исследования взаимодействий как пути к изучению систем отношений между членами и вместе с тем к исследованию внутренних структур групп. Примером является метод, разработанный Р. Бэйлсом, систематизировавшим все возможные формы взаимодействий в двенадцати категориях и искавшим способы установления общей характеристики группы на основе преобладающих в ней типов взаимодействий⁷. Эти методы применяются прежде всего к изучению малых групп, но, как мы увидим позже, изучение малых групп одновременно признается наилучшим путем исследования макроструктур.

Мы не разделяем того взгляда, что вся «действительность» жизни группы или иной общности сводится лишь к взаимодействиям между членами малых групп, что эти взаимодействия слагаются исключительно из действий, являющихся реакциями на поведение партнера, находящегося непосредственно перед нами. Мы придаем понятию взаимодействия более широкое значение, охватывая им также взаимодействия, вытекающие из системы зависимостей, существующих между индивидами независимо от их сознания, что позволяет нам исследовать структуры и процессы, происходящие под действием над-индивидуальных сил.

Социальные отношения

Взаимодействия приводят к образованию устойчивых социальных отношений. Следует начать с определения того, что мы будем понимать под этим столь многозначным термином. Под влиянием употребления этого слова в других науках и под влиянием обиходного языка этот термин в социологии также употребляется в разных значе-

⁷ R. F. Bales, Interaction process analysis. A method for the study of small groups, Cambridge Mass., 1950.

ниях. Например, говорят, что А находится в определенном отношении к Б, если он занимает какое-либо положение в обществе, которое означает его зависимость от Б. Иногда говорят, что А имеет определенное отношение к Б, и при этом подразумевают установки А относительно Б, например А недоброжелательно относится к Б. Термин «отношение» использовался также как равнозначный термину «пропорция», например: неравное соотношение сил. В выражении «производственные отношения» этот термин означает сложную, объективную и не зависящую от индивида систему зависимостей, в которую он вовлечен в процессе производства, основанного на разделении труда. Мы могли бы привести еще много других примеров, в которых термин «отношение» имеет еще и другие значения. Полагают, однако, что важнейшими являются два основных значения: 1) термином «отношение» обозначается определенное состояние А и Б, состояние взаимной зависимости, возникшее без участия их сознательного стремления и субъективных намерений; 2) этим термином обозначается сознательное и субъективно определенное действие А относительно Б, вытекающее из осознанной субъективно определенной зависимости. Примером первого и являются собственно «производственные отношения», примером второго — «отношения дружбы». Существует методологическая тенденция считать, что социология обязана заниматься прежде всего объективными отношениями, и существует противоположная тенденция, что собственная задача социологии — изучение тех отношений, которые формируются посредством субъективных определений партнера, и ситуации, в которой данное отношение возникает.

В настоящем изложении мы исходим из того, что социальная связь складывается из отношений как одного, так и другого типа, что можно сконструировать достаточно широкое определение, охватывающее тот и другой тип. Возвращаясь к определению, сформулированному Ф. Знанецким⁸, мы будем называть социальным отношением определенную устойчивую систему, охватывающую двух партнеров (будь то индивиды или общи-

⁸ F. Znaniecki, Socjologia wychowania, t. II, 1930. См. также: Zbigniew Zaborski, Stosunki społeczne w klasie szkolnej, Warszawa, 1964.

сти), связующее звено, то есть какой-либо предмет, интерес, установку, общую ценность, становящуюся «платформой» отношения, а также определенную систему обязанностей и долженствований или нормированных функций, которые партнеры должны обязательно выполнять по отношению друг к другу. Иначе говоря, социальное отношение есть система нормированных взаимодействий между двумя партнерами на основе определенной платформы.

Подчеркнем сразу, что термину «отношение» мы придаем здесь значительно более узкое, чем в повседневном употреблении, значение. Мы сохраняем его для обозначения устойчивых систем, ограниченных определенными нормами, хотя бы и весьма неформальными, в которых уже существуют устойчивые обязанности. Возможно, было бы лучше ввести здесь новый термин, например «социальные реляции», чтобы избежать недоразумений, однако по разным причинам мы сохраняем термин «отношение». Знанецкий ограничивает свое определение только обозначением отношений, возникающих на почве субъективного намерения выполнять обязанности, вытекающие из связующего звена отношения. Полагаем, что можно сохранить данную выше формулировку также и для обозначения отношений, возникающих при переходе к более широкой системе, когда отношение возникает без субъективного намерения, а партнеры выполняют функции по отношению друг к другу, даже не зная о существовании друг друга. Иначе говоря, социальные отношения могут существовать также между людьми, соприкасающимися лишь опосредованно, а взаимные обязанности могут выполняться не через субъективное ощущение долга, не через намерение поддерживать отношение, а через институционализованные учреждения более широких общностей.

Так определяемые отношения охватывают очень широкий круг социальных систем. Дружба между двумя мальчиками, отношения воспитания между учителем и учеником, договор о труде между рабочим и работодателем, сотрудничество между двумя учреждениями, союз двух государств и т. п. Отношения являются тем устойчивым элементом, который сплачивает людей в общности. Не взаимодействия, не отдельные социальные действия являются существенным компонентом групп и других со-

циальных общностей, но именно устойчивые и нормализованные отношения. Ни одна устойчивая и организованная социальная группа не может существовать без отношений в определенном выше смысле, то есть без определения взаимных обязанностей членов относительно друг друга. Только выполнение нормализованных действий, определенных нормами, а не выполнение произвольных действий или взаимодействий гарантирует появление внутренней организации групп. Следовательно, изучение социальных действий и взаимодействий — лишь необходимый элемент, подготовляющий к исследованию устойчивых социальных отношений.

Социальные зависимости

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению проблемы отношений, необходимо остановиться на выяснении проблемы социальных зависимостей. Не вдаваясь в общее определение зависимости, которое можно найти в учебниках общей методологии, подчеркнем, что термин «социальная зависимость» может означать либо зависимости, возникающие между людьми, живущими в одном обществе, либо зависимости, вытекающие из сознательных воздействий друг на друга как на членов общества. Это два разных вопроса. В первом случае выражение «А зависит от Б» означает, что А в своих начинаниях должен считаться с существованием Б, с его кругом прав и обязанностей, что существование Б создает определенные рамки для начинаний А. Зависимость возникает здесь из общей принадлежности к организованной системе. Во втором случае выражение «А зависит от Б» означает, что Б может непосредственно навязать А определенный способ поведения. Иначе говоря: в первом случае мы имеем дело со структурно-функциональной зависимостью, вытекающей из того, что А и Б действуют в рамках одной структуры; в другом случае — с зависимостью интенциональной, вытекающей из непосредственных намерений Б в отношении А и — существенное условие — из возможности реализации этих намерений, каковой Б располагает. Это существенное условие дает возможность более широкого определения социальной зависимости, как это сделал Чеслав Знамеровский: «Б зависит от А, когда А имеет возможность выполнить

какое-то действие, которое создает положение вещей, затрагивающее Б, причем какое-то положение вещей, касающееся одного Б, состояние ли это тела или души этого Б, или состояние его дел (*stan jego tworzywa*)»⁹. Иначе говоря, Б зависит от А в отношении определенных предметов или ценностей, которые важны для Б, но находятся во власти А.

Это определение обладает многими преимуществами. Оно охватывает как структурно-функциональные, так и интенциональные зависимости, не уточняя, однако, соприкасаются ли А и Б непосредственно, осознают ли свою зависимость, определяют ли друг друга взаимно и устанавливают ли взаимодействие друг с другом на основе этого субъективного определения. Следовательно, оно охватывает зависимости, обусловленные принадлежностью к экономическим, политическим, религиозным и другим системам, а также интенциональные зависимости, вытекающие из моральных, установленных обычаями норм, регулирующих социальные отношения¹⁰.

Понятие зависимости играет в социологии важную роль в том отношении, что анализ зависимости — это основа установления законов. Ибо возникает вопрос, позволяют ли социальные зависимости, будучи зависимостями, возникающими из возможности формирования чужого поведения, исследовать себя так же, как зависимости между предметами, явлениями и процессами, происходящими в природе, а следовательно, можно ли установить постоянные законы зависимости, позволяющие делать прогнозы. Мы упоминаем здесь об этом только для того, чтобы подчеркнуть значение, какое понятие зависимости имеет в социологическом анализе, не намереваясь обсуждать глубже эту проблему.

Подчеркнем, что мы говорим здесь о «социальных зависимостях» и о «социальных отношениях», а не о зависимостях и отношениях вообще, что поэтому добавление прилагательного «социальный» вводит существенную качественную характеристику.

⁹ Анализ понятия зависимости и различных типов социальных зависимостей дал Чеслав Знамеровский: *Czesław Znamie-gowski*, в: «*Prolegomenach do nauki o państwie*», Poznań, 1930 (1 изд.), s. 106 и далее; в: «*Osenach i normach*», 1957, s. 366 и далее.

¹⁰ См. цитированную выше работу Ч. Знамеровского.

Возвратимся теперь к рассмотрению социальных отношений и поставим вопрос: нельзя ли поставить знак равенства между этими понятиями? Нам кажется, что нет. Зависимость — это определенный элемент социального отношения, но он его не исчерпывает. Социальное отношение — это сложная система, при которой между партнерами возникает определенная зависимость, вытекающая из характера связующего звена и из характера обязанностей, но отношение — это и нечто большее, чем система зависимостей. На разговорном языке мы бы сказали, что зависимость — это одно из отношений, связывающих людей. Это лишь сокращенный способ выражения. Когда мы говорим, например, что А и Б связаны отношением служебной зависимости, то имеем в виду, что А является руководителем Б, что они партнеры отношения, в котором А — руководитель, а Б — исполнитель, что связующее звено между ними — институционализированная деятельность определенного рода, что в рамках своих взаимных обязанностей по отношению друг к другу они реализуют какие-то задачи и что в этом разделении труда А выполняет руководящие функции. Служебная зависимость — только один из элементов этой системы, так как их отношение охватывает нечто значительно большее, чем только служебную зависимость.

Мы вводим здесь только понятие социальных отношений, не стараясь проводить ни классификации, ни систематизации. Теория отношений — важная область общей социологии. Ведь они — основная составная часть социальной связи, сплачивающей группы и другие социальные общности.

Социальные институты

Мы сказали, что социальные отношения — основной элемент социальной связи, поддерживающей устойчивость и внутреннюю сплоченность групп. Отношение продолжается так долго, как долго его партнеры выполняют свои обязанности, выполняют функции, вытекающие из характера связующего звена. Следовательно, для группы как целого не безразлично, все ли обязанности, вытекающие из отношений между ее членами, выполняются, как они выполняются и какова их прочность. Что-

бы обеспечить устойчивость социальных отношений, от которых, как мы видели, зависит бытие общностей, они создают своеобразную систему учреждений, контролирующую поведение их членов. В этой системе «социального контроля» особо важную роль выполняют *институты*.

Этот термин как в социологии, так и в обиходном языке или в других социальных науках выступает в нескольких значениях. Совокупность этих значений можно свести к четырем основным: 1) термин «институт» может относиться к определенной группе лиц, призванных к выполнению дел, важных для совместной жизни. В этом значении институтом мы называем определенную группу людей, выполняющих общественные функции; 2) этот термин может обозначать определенные организационные формы комплекса функций, выполняемых некоторыми членами группы от имени всей группы; 3) иногда этим термином обозначается совокупность материальных учреждений и средств деятельности, позволяющих некоторым уполномоченным индивидам выполнять общественные безличные функции, имеющие целью удовлетворение потребностей или регулирование поведения членов групп; 4) иногда институтами называются некоторые социальные роли, особенно важные для группы. Например, когда мы говорим, что суд — социальный институт, то под этим мы можем понимать группу людей, работающих в суде, или же в другом значении — организационные формы функций, выполняемых судом; в третьем значении важнейшим для суда как института будут учреждения и средства, которыми он располагает, чтобы выполнять функции, порученные ему группой, и, наконец, в четвертом значении институтом мы назовем социальную роль судьи или прокурора. Следовательно, мы можем говорить о различных способах определения социальных институтов: материальных, формальных и функциональных¹¹. Во всех этих подходах мы можем, однако, выделить определенные общие элементы, которые и образуют основной компонент социального института. Они являются системами учреждений, в которых определенные

¹¹ Обзор различных подходов к определению института в доступной форме дает А. Миллер: A. Miller, *Zagadnienie instytucji we współczesnej literaturze amerykańskiej*, «Przegląd Socjologiczny», 1949, t. X, s. 697—704.

люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения определенных общественных и безличных функций ради удовлетворения существующих индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп. Во всех группах, в которых появляются хотя бы зачатки организации, вырабатываются определенные *способы действия от имени группы* как целого; например, кто-то представляет группу вовне, определяет соответствующий образ поведения для членов группы, принимает решения от имени целого и т. п. Эти способы действий *определены как безличные*, то есть они должны выполняться независимо от личных черт и интересов человека, который их выполняет, всегда одним и тем же образом. Индивид, выполняющий эти функции, имеет *поддержку* всей группы или ее решающей части. Способы выполнения этих функций определены *группой как целым*, и индивиды должны выполнять их в соответствии с этим определением. Таковы существенные элементы любого социального института.

Какие функции или задачи выполняет социальный институт в общественной жизни? 1) Создает возможность членам удовлетворять различного рода потребности. 2) Регулирует действия членов в рамках социальных отношений, то есть обеспечивает выполнение желательных действий и осуществляет репрессии по отношению к нежелательным действиям. 3) Обеспечивает устойчивость общественной жизни, поддерживая и продолжая безличные общественные функции. 4) Осуществляет интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивает внутреннюю сплоченность общности.

В современном обществе каждый человек пользуется услугами и трудом бесчисленного множества различных институтов. Он рождается в семье, воспитывается в семье, в дошкольных учреждениях и школах разного рода, работает на различных предприятиях, пользуется услугами городского транспорта, железных дорог, черпает информацию из газет, радио, телевидения; кино, театр, клубы организуют для него развлечения, различные магазины снабжают его, безопасность ему обеспечивают милиция и суд; домашнее хозяйство, получение воды, газа, электроэнергии ему обеспечивает система учреждений народных советов, он пользуется общественной службой здравоохранения и т. д. и т. п. Короче говоря, каждый человек в

своим стремлении удовлетворить жизненные потребности вступает в контакты и социальные отношения, создавая средства удовлетворения потребностей, выполняя работу для получения этих средств, воздействуя на других людей или реагируя на их действия, на каждом шагу включается в сеть различных институтов, регулирующих его деятельность и поведение.

Каждый институт обладает следующими составными элементами, выступающими в более или менее оформленном виде в зависимости от типа института. Он имеет свою цель (шире — функцию), то есть круг вопросов, которые охватывает своей деятельностью. Далее, он определяет круг функций, предусмотренных для решения этих вопросов. Иногда можно говорить об определенных социальных ролях в рамках данного института. Для достижения цели институт располагает средствами и учреждениями. Это могут быть средства материальные, символические или идеальные. Например, церковь как религиозный институт располагает материальными учреждениями (церковные здания и их оборудование), символами (крест, облатка) и идеальными предметами, в которые верующие верят и которые через эту веру влияют на их поведение. Наконец, институты располагают определенными санкциями как в отношении лиц, выполняющих институционализированные функции, так и в отношении лиц, которые являются объектом этих действий.

От чего зависит успешность функционирования социальных институтов? Можно указать следующие условия: а) от четкого определения цели и круга выполняемых действий или же объема функций. Если функция института определена не четко, он не может без конфликтов включиться в глобальную систему институтов данного общества и наталкивается на различные противодействия; б) от рационального разделения труда и рациональной его организации; в) от степени деперсонализации действий и объективизации функций. Другими словами, если данный институт превращается в учреждение, зависимое от интересов людей, призванных выполнять институционализированные функции, тогда он утрачивает свой общественный характер, утрачивает престиж и доверие всей группы; г) от признания и престижа, какими он обладает в глазах всей группы или преобладающей ее ча-

сти; д) и, наконец, от бесконфликтного включения в глобальную систему институтов.

Здесь мы подошли к проблеме внутреннего интегрирования всех институтов, которые какая-либо общность создает в своих рамках. Мы уже говорили, что система институтов в каждой общности сложна, что развивающаяся потребность вызывает к жизни все новые институты, что в результате этого в каждой общности существует рядом друг с другом много разных институтов. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению проблем внутренней интеграции этой глобальной системы институтов, следует дать хотя бы краткую их классификацию.

Все институты следует разделить прежде всего на неформальные и формальные. Например, ватага мальчишек, играющих во дворе или в парке, выбирает своего вожака и его помощников и устанавливает, каковы будут их функции в ходе игры. Здесь мы имеем дело с институтом, который в зачатке обладает почти всеми указанными выше аспектами. Однако ни функции этого института, ни его средства и методы действия не нашли выражения в формальных правилах, имеющих за собой гарантию устойчивой организации более широкой группы. Следовательно, здесь мы имеем дело с институтом неформальным. Если же народ выбирает президента, то объем его функций, средств и методов действия детально регулируется предписаниями законов. Предводительство в ватаге мальчишек — это неформальный институт, президентство — формальный институт.

Это формальное деление, рядом с которым мы должны привести также деление на основе содержательных задач, выполняемых институтами. Это деление соответствует основным функциям, осуществляемым общностями. Выделим институты: 1) *экономические*, к которым причислим все те институты, которые занимаются производством и распределением благ и услуг, регулированием денежного обращения, организацией и разделением труда и т. п. Они складываются на материальном базисе общества; 2) *политические*, или институты, связанные с установлением, исполнением и поддержанием власти. Политикой в узком значении этого слова мы называем комплекс средств, функций, основывающихся главным образом на манипулировании элементами силы для установления, исполнения и поддержания власти. Политиче-

скими являются такие институты, как правительство, парламент, полиция, политические партии и т. п.; 3) *воспитательные и культурные*, или все те институты, которые созданы для укрепления, создания и развития культуры, для социализации молодого поколения, для передачи ему культурных ценностей общества как целого. К ним относятся: семья как воспитательный институт, школы, научные институты, художественные учреждения и т. п.; 4) институты *социальные* или *общественные* в узком значении этого слова. Общественными в широком значении этого слова являются все виды институтов. Под социальными мы подразумеваем все те, которые организуются добровольным объединением, — местные общества, клубы и товарищеские учреждения, наконец, институты, контролирующие поведение членов групп, институты, некогда названные Спенсером «церемониальными», то есть установленные способы взаимного поведения членов общности с неравным положением и т. п.¹². Эти институты регулируют повседневные межчеловеческие контакты, облегчают взаимопонимание, обеспечивают гладкий ход повседневной жизни. Обычно мы не отдаем себе отчета в том, что способы приветствия, выражения пожеланий и поздравлений, празднование именин, организация брачных торжеств, проведение собраний, способы обращения к вышестоящим лицам и другие подобные явления общественной жизни регулируются сложной системой социальных институтов, обычно неформализованных, но тем не менее мощных и очень успешно действующих; 5) *религиозные*, организующие отношение человека к трансцендентным силам, то есть к силам сверхчужественным, действующим вне эмпирического контроля человека, отношение человека к священным предметам и силам. Не входя в теологические проблемы, отметим, что для верующих людей этот трансцендентный мир существует, влияя на их поведение и социальные отношения. В связи с этим религиозные институты в некоторых обществах оказывают сильное влияние на ход взаимодействий и межчеловеческих отношений, создавая систему доминирующих ценностей и становясь доминирующими институтами.

¹² Н. S p e n c e r, *Zasady socjologii*, t. II.

Это классификация не единственная и не исчерпывающая; особенно в современных обществах мы могли бы найти институты, не охваченные ею, но она включает так называемые «главные институты», регулирующие основные общественные функции, выступающие во всех типах цивилизации¹³.

Взаимная связь и интеграция институтов базируется на нескольких основах: а) на основе структуры личности человека, однородности его потребностей. Чтобы удовлетворять все потребности, человек должен участвовать в разных типах институтов; б) на основе содержательного разделения труда и предметной связи выполняемых функций; в) на основе доминирования институтов одного типа; так, например, в обществе феодальной Европы господство церкви определяло интеграцию всех остальных видов институтов. В других обществах мы встречаем господство политических или экономических институтов. В первобытных обществах доминирующим институтом могла быть семья.

Взаимно связанная система институтов образует сплоченную систему, обеспечивающую удовлетворение потребностей членов общности, регулиующую их поведение и обеспечивающую развитие общности как целого. Консистенция, бесконфликтность и непрерывность этой системы оказываются решающими для устойчивости и силы общности как целого. Особенно важной является проблема «эластичности» институтов в процессах изменений и общественного развития, когда грозит опасность, что система институтов становится фактором, тормозящим развитие, — о чем мы будем говорить в другом месте.

Социальный контроль

Рассматривая институты, мы говорили, что они являются составным элементом системы социального контроля. Что такое контроль и каково его отношение к социальной связи? Начнем с «наивных» вопросов. Как получается, что знакомые при встречах обмениваются поклонами и улыбками? Почему на Новый год мы посы-

¹³ См., например: В. Malinowski, *Szkice z teorii kultury*, op. cit.

лаем пожелания знакомым? Зачем люди посылают своих детей в школу? Почему в городах не ходят по улицам босиком? И т. п. Словом, почему люди выполняют свои повседневные функции одинаково, изо дня в день, а многие из них и из поколения в поколение? Краткое размышление позволит нам уяснить, что эта «монотонность» общественной жизни — существенное условие ее непрерывности и гладкого хода. Ведь она позволяет правильно предвидеть реакция людей на наше поведение, и таким образом взаимодействия людей гармонизируются, взаимно приспособляются друг к другу, и каждый член группы знает, чего может ожидать. Проезжая по дороге, я знаю, что автомобили, едущие с противоположной стороны, не будут наезжать на меня, а если мне кто-либо загородит путь, я буду требовать его наказания. Точно так же, входя в магазин, в учреждение, в школу, я знаю, как должен вести себя, и знаю также, каких реакций на мое поведение можно ожидать. Схематически: каждый член группы отдает себе отчет в том, как он должен себя вести в отдельных ситуациях, чтобы быть понятным, знает, чего от него ожидают другие члены, и знает, каких реакций на свое поведение он может ожидать. Следовательно, «организованный» ход общественной жизни основывается на том, что взаимно предусматриваемое и ожидаемое поведение членов общности действительно имеет место. Если, однако, такое поведение не имеет места, если реакции на действие выходят за пределы реакций, признанных в данной группе за допустимые, тогда они сталкиваются с санкциями.

Каждая социальная группа вырабатывает, следовательно, ряд мер, способов внушения и убеждения, предписаний и запретов, систем принуждения и давления вплоть до применения физического насилия, систему способов выражения признания, отличия, наград, благодаря которой поведение подгрупп и индивидов приводится в соответствие с принятыми образцами деятельности, осуществляется с соблюдением критериев ценностей — словом, при помощи которой формируется конформизм членов. Эту систему мы называем системой *социального контроля*.

Не всякое поведение в одинаковой степени поддается надзору со стороны общества. Сфера частной жизни, которой в любой социальной группе располагает каждый

человек, может быть уже или шире в зависимости от внутренней сплоченности группы, от характера ее институтов и от положения, какое индивид в данной группе занимает. Например, индивид, занимающий очень важное для группы положение, имеет более узкую сферу частной жизни, то есть круг неконтролируемых действий, поскольку его действия важны для группы как целого. Кроме того, существуют действия, которые касаются группы как целого, и они контролируются сильнее, чем действия, касающиеся только индивида. Скажем, группа меньше интересуется тем, как кто-либо укладывает вещи у себя на столе, в крайнем случае знакомые или коллеги с пренебрежением отметят, что у того-то царит хаос, или с уважением отзовутся о царящем у него дома порядке. Сильнее контролируется личная гигиена, и грязный человек встречает осуждение. Еще сильнее группа интересуется тем, кто как одевается и, как мы уже упоминали ранее, ни один студент не отважится прийти на занятия босиком, хотя это и не является ни преступлением, ни грехом, ни нарушением моральных основ. Семейная жизнь, развод, оставление семьи и т. п. уже четко регулируются предписаниями закона, религии и морали. Воровство встречается репрессиями, а убийство — высшей мерой наказания. Короче говоря, чем больше поведение касается группы как целого, чем больше угрожает ее совместной жизни или чем больше какие-либо действия потребны и необходимы для ее хода, тем сильнее контроль со стороны целого.

Действие этой системы контроля зиждется на нескольких основах: а) на всеобщем в данной группе признании ее культуры и ее критериев ценности. Как известно, поведение вызывается биопсихическими импульсами, которые составляют его основу. Но эти импульсы могут быть удовлетворены различными способами, и выбор средств их удовлетворения зависит от системы ценностей, воспринятых через культуру. Поэтому признание общих ценностей вызывает сходство или идентичность поведения членов данной группы; б) на привитии путем воспитания образцов поведения, действий и реагирования на действия допустимым образом, то есть признанным за допустимый в группе. Семья, школа, соседи, государство, церковь, влияние более широкой социальной среды учит молодежь, вступающую в общество, основам приличного

поведения, основам морали, обычаям. Это знание становится второй «рамкой» (сверх биопсихических импульсов и системы культурных ценностей), определяющей конформистское поведение; в) на внутренних механизмах индивидуальных особенностей человека, обуславливающих то, что каждый стремится к признанию и к чувству безопасности. Признание необходимо для сохранения внутреннего равновесия личности. Человек, систематически лишённый признания в течение длительного времени, теряет равновесие, и его личность подвергается дезинтеграции. Подобным же образом постоянное ощущение угрозы и чувство опасности также оказывают дезинтегрирующее воздействие на личность. Конформистское поведение даёт и признание и безопасность; г) на системе неформальных и формальных институтов, которые создают как бы систему барьеров, внутри которых индивид может действовать и которые дают возможность активно вмешиваться в поведение индивидов¹⁴.

На эти основы опирается система социального контроля. Каковы элементы этой системы? Ими являются привычки, обычаи и системы санкций.

Привычка — это установленный способ поведения в определенных ситуациях, который не встречает негативных реакций группы. Каждый индивид может иметь свои привычки, например рано вставать, заниматься гимнастикой, ходить в кафе, носить особого покроя головной убор или одежду и т. п., свою привычку разговаривать или здороваться. Могут существовать привычки, принятые всей группой или подгруппой. Привычки возникают на основе навыков, устанавливаются традициями, становятся уважаемыми или терпимыми. Некоторые привычки могут быть пережитками давних обрядов или празднеств, прежних профессиональных функций и т. д. Нарушение привычки не вызывает обычно негативных санкций, хотя поведение, соответствующее привычкам, принятым в группе, встречает признание.

Обычай — это установленный способ поведения, с которым группа связывает определенные моральные оцен-

¹⁴ Паккард в книге «Обнаженное общество» (Van se Packer d, The Naked Society, 1963) рисует прямо невероятную картину того, как глубоко в жизнь индивидов в Соединенных Штатах могут проникать различные механизмы социального контроля.

ки и нарушение которого вызывает негативные санкции. Обычай предполагает определенное принуждение в признании ценностей и принуждение в определении ситуации. Обычай требует уступать место и помогать беспомощному человеку, уважать достойных людей, вести себя по отношению к лицам, занимающим высокое положение в группе, согласно этикету и т. п. Обычай, следовательно, связан с системой ценностей, признанных группой, затем с установленными определениями ситуаций, в которых эти ценности могут находиться, и с образцами поведения по отношению к ним. Эти ценности имеют для группы определенную важность, и потому неуважение обычаев подрывает внутреннюю сплоченность группы. Таким образом, принуждение со стороны группы побуждает отдельных членов соблюдать в определенных ситуациях образцы поведения по отношению к этим ценностям.

Санкции. Слово это уже неоднократно появлялось в ходе изложения. Мы могли бы определить санкции вообще как реакции группы на поведение индивида в социально значимых ситуациях. При этом необходимо подчеркнуть, что социально значимым является очень широкий круг поступков каждого члена группы, даже многие из тех дел, которые относятся к сфере его частной жизни. Поэтому круг санкций также широк. Это продукт общности, необходимый для руководства поведением своих членов, для стимулирования желательного поведения и пресечения нежелательного, для обеспечения внутренней сплоченности и непрерывности общественной жизни.

Санкции могут быть негативными (наказания) и позитивными (поощрения). Обычно в обиходном языке под словом «санкции» подразумевается только система наказаний. Мы здесь, однако, расширяем объем этого слова также и на позитивные реакции со стороны группы на поведение ее членов. Далее разделим санкции на *формальные*, то есть реакции формальных институтов на определенное поведение, и *неформальные*, то есть реакции, имеющие своим источником общественное мнение, круг товарищей и соседей, неформальные институты. Наконец, с точки зрения «содержания» давления, оказываемого санкциями, выделим: *правовые* санкции, или систему наказания и отличий за определенные действия, пред-

усмотренные предписаниями закона; *этические* санкции, или систему отпичий, порицаний, замечаний, вытекающих из признанных моральных принципов¹⁵; *сатирические* санкции, или систему насмешек, издевок, пренебрежения, которым подвергаются люди, ведущие себя иначе, чем это принято; *религиозные* санкции, или награды и наказания, предусмотренные системой догматов и верований любой религии за соблюдение или нарушение ее предписаний и запретов¹⁶. Эти четыре рода санкций взаимно дополняют друг друга. Они определяют, какое поведение индивида можно считать особенно полезным для жизни группы, а какое — особенно вредным. Действуя совместно, они имеют наибольшие шансы обеспечить высокую степень конформизма поступков. Если между этими системами санкций возникают противоречия, если, например, правовые санкции не соответствуют моральным чувствам и обычаям данной общности, тогда степень их эффективности снижается.

Какие специальные виды санкций встречаются обычно в цивилизованных обществах? Дадим их обзор согласно следующей классификации. *Неформальные негативные* санкции — это выражение удивления, огорчения, неудовольствия, насмешки, отказ подать руку, означающий моральное порицание, отказ поддерживать товарищеские отношения, недоброжелательные сплетни и т. п. Санкции эти действуют потому, что за ними следуют более важные социальные последствия в виде лишения определенных выгод, исключения из определенных защитных социальных отношений и т. п. *Формальные негативные* санкции — это целый арсенал наказаний, предусмотренных предписаниями закона, а именно всякого рода предостережения, замечания, штрафы, арест, заключение, лишение гражданских прав, конфискация имущества, смертная казнь, отлучение от церкви, наложение покаяния и т. п. Эти наказания действуют посредством устраше-

¹⁵ Maria Ossowska, *Socjologia moralności, Zarys zagadnień*, Warszawa, 1963; Zygmunt Ziemiński, *Norma moralna a normy prawne*, Poznań, 1963; A. Podgórecki, *Zjawiska prawne w opinii publicznej*, Warszawa, 1964; Kazimierz Opalek, Jerzy Wróblewski, *Współczesna teoria i socjologia prawa w Stanach Zjednoczonych*, Warszawa, 1963.

¹⁶ Анализ этих видов санкций дает Р. Монье: R. Maupier, *Wprowadzenie do socjologii*, op. cit.

ния, угрозы, но вместе с тем и как потенциальное предостережение, предупреждающее о том, что грозит за совершение асоциальных или антисоциальных поступков. Они являются выражением самообороны группы от агрессии, от нарушения ее интересов независимо от того, интересы ли это всего целого или же только интересы господствующего класса. *Неформальные позитивные санкции*, или реакции социальной среды на позитивное поведение, соответствующее образцам и системам ценностей и выгодное для группы, основываются на признании и поощрениях. Это могут быть молчаливое признание, выражение уважения, признание авторитета данного индивида в определенных вопросах, похвалы знакомых, похвалы и лестные упоминания в прессе, доброжелательные сплетни и создание позитивной «легенды», слава, почет и т. п. *Формальные позитивные санкции* — это публичное одобрение со стороны властей, вручение почетной грамоты, денежная награда, продвижение, награждение медалями и орденами, допуск к почетным функциям, допуск к высоким должностям и вручение высоких наград, чеканка медали в честь данного лица, сооружение памятников и т. п.

Эта система санкций основывается, следовательно, на постоянном комбинировании правовых, этических, сатирических и религиозных санкций, причем некоторые из неформальных санкций могут быть особенно эффективными, как, например, сатирические санкции, поскольку люди вообще гораздо больше боятся осмеяния и презрения, болезненно затрагивающих их личные стремления и субъективное «я», нежели наказания. Об этом свидетельствует малая эффективность наказаний при репрессиях в отношении нежелательного поведения, если одновременно действия, преследуемые законом, встречают моральные признания среды (например, правовые репрессии оккупантов во время войны).

Как вытекает из природы санкций, они применяются по отношению к нонконформистским поступкам и поведению, которые стали явными, то есть о которых знают другие члены групп. Кроме того, каждое общество развивает также определенную систему *надзора* (*czujności*), которая складывается из формальных и неформальных способов обнаружения нежелательных поступков и поведения. Эта система складывается не только из организо-

ванных институтов полиции, сыскных бюро, детективных агентств и т. п., но также из повседневной заинтересованности, повседневного наблюдения за поступками со стороны окружающей индивида общественной среды. Эта неформальная система надзора, приобретающая различные формы в зависимости от типа культуры, обычаев, политического устройства, религии и т. п., особенно эффективна, когда речь идет о регулировании повседневного поведения при повседневных контактах, разрешении вопросов, выполнении профессиональных обязанностей и т. д. Она выражает надзор *общественного мнения*, или явно выраженных установок и взглядов индивидов и группы в отношении данного лица и его способов поведения. Следовательно, сущностью этой неформальной системы надзора является постоянная оценка поведения членов группы другими членами, оценка взаимная и сопряженная, с которой индивид должен считаться в своем поведении.

Эта система контроля, основанная на системе институтов, обеспечивает то, что социальные контакты, взаимодействия и социальные отношения протекают в рамках, установленных общностью. Как знает каждый из собственного опыта, эти рамки не слишком жестки и, как роль в театре, всегда допускают индивидуальную «интерпретацию» исполняемой роли. Некоторые роли и связанные с ними функции, некоторые обязанности, вытекающие из природы социальных отношений, определены очень ригористично, другие — менее, в зависимости от значения, которое они имеют для группы как целого. Каждый коллектив по природе вещей предоставляет индивидам определенную сферу частной жизни и определенную степень свободы в выполнении нонконформистских действий. Некоторые социальные роли основываются на том, что они побуждают своих исполнителей к постоянному творчеству и поискам нового. Однако и над этими ролями изобретателей, ученых, артистов и т. п. группы осуществляют определенного рода контроль, не допуская, чтобы эта свобода превратилась в открытый бунт, угрожающий основным ценностям и сплоченности группы. Об этом мы будем говорить подробнее, рассматривая проблему социального развития и социальных изменений.

Социальная организация

В этой главе мы остановились на том, как возникает и как поддерживается социальная связь, сплачивающая общности. Говоря метафорически, связь эта — как бы система веревок и нитей, оплетающих членов общности, управляющих их действиями, держащих их на поводе или побуждающих к выполнению других действий. Эти нити достаточно глубоко «закреплены» и действуют с различной «силой». Кто же за них тянет и не запутывается ли иногда в их хаотическом переплетении? Говоря далее языком этой метафоры, скажем, что за них тянут другие члены группы, группа как целое, причем мы не совершаем здесь антропоморфизации группы, то есть не вообразаем ее себе ни наподобие мыслящего человека или сверхчеловека, ни наподобие особого организма, наделенного групповым сознанием. О природе групп мы будем говорить в следующей главе. Здесь мы отметим только, что эта система веревок и нитей, управляющих поведением членов групп, составлена организованным образом и, если выполнены некоторые условия, она действует исправно, без путаницы.

Но довольно метафор. Они нам послужили для введения понятия *социальной организации*, и на нем мы сейчас остановимся дольше. Термин «организация» имеет несколько значений.

В первом он означает целевую группу, объединение людей, стремящихся к реализации определенных целей организованным образом. Это значение, широко принятое в современной социологии. Некоторые социологи склонны считать массовое возникновение и развитие больших объединений, обладающих сложной и рационализованной внутренней организацией, существенной чертой современных индустриальных обществ. Создано даже название «организованное общество» (*organizational society*) для обозначения этого типа общества, в котором большие организации придают характерный оттенок общественной жизни, охватывая своим регулирующим влиянием все большую сферу жизни каждого гражданина¹⁷. Эти большие организации формируют своеобразный тип личности

¹⁷ См.: H. M. R u i t e n b e c k, ed., *The Dilemma of Organizational Society*, New York, 1963.

«организованного человека»¹⁸. Под большими организациями в США подразумеваются большие организации предпринимателей, институты федерального правительства, профессиональные союзы, религиозные организации и т. п. (Big Business, Big Government, Big Labor, Big Religion). Но под организациями подразумеваются также всякие объединения, например молодежные организации, культурные организации и т. п.

В другом значении под организацией мы понимаем способы руководства и управления людьми и различными средствами действия, способы координации функций, гармонизации усилий и направления их результатов на достижение определенной цели совокупностью людей, выполняющих частные задачи. В этом значении говорится об организации труда, организации транспорта и т. п. И в этом значении говорится сейчас очень много об организации, и даже возникла специальная отрасль науки, названная теорией организации. Она возникла из практических интересов, направленных на обеспечение максимальной эффективности совместно действующих систем. Ее теоретические аспекты вытекают из различных областей знания: кибернетики, теории игр, теории информации, теории мотивации, теории групп, теории решений. Часто она принимает математизированный вид. Теория бюрократии, о которой будем говорить подробнее при рассмотрении целевых групп, является частью такой широко понятой теории организации¹⁹. Такая теория организации начинает выходить за пределы социологии, хотя некоторые ее элементы, как, например, изучение роли индивидов в организации, конфликтов между мотивами индивидов и мотивами организации, возникновения групп в рамках организованных систем и т. п., всегда будут относиться к социологии.

Наконец, в третьем значении говорят о социальной организации общности, имея в виду систему способов (образцов) деятельности индивидов, подгрупп и институтов, средств социального контроля, социальных ролей и систем ценностей, которые обеспечивают совместную

¹⁸ См.: William H. Whyte, Jr., *The Organization Man*, London, 1957.

¹⁹ См.: Mason Haire, ed., *Modern Organization Theory*, New York, 1959.

жизнь членов общности, гармонизируют их стремления и действия, устанавливают допустимые способы удовлетворения потребностей, разрешают проблемы и конфликты, возникающие в ходе совместной жизни, — словом, обеспечивают порядок социальной жизни. Каждый человек стремится к удовлетворению своих эгоистических потребностей, и, несмотря на это, вся общественная жизнь складывается в общем так, что все люди находят возможность удовлетворить свои потребности, что, стремясь к своим личным целям, они вынуждены сотрудничать с другими, должны считаться с законами и обычаями, выполнять функции, необходимые другим, и таким образом в рамках функционирования общности как целого можно удовлетворять свои потребности. Именно это функционирование целых общностей упорядоченным образом мы называем их организацией.

Но необходимо подчеркнуть, что вопрос об определении социальной организации дискуссионный. Она может выступать также и в других значениях. Например, некоторые склонны отождествлять социальную организацию с общественным *устройством*²⁰. Другие отождествляют организацию со *структурой*, считая, что в обоих случаях речь идет о функциональной системе, упорядочивающей все составные элементы общности, делающей возможным ее существование и развитие. Можно также встретить точку зрения, не делающую различия между организацией во втором, разобранном выше значении и социальной организацией²¹.

Я лично склонен полагать, что полезно отличать организацию как систему методов координирования функций и средств (наше второе значение) от социальной организации, которая может быть и очень часто бывает результатом спонтанных процессов, никем не направляемых. Термин «устройство» мы предлагаем сохранить для представителей политических наук — для обозначения принципов организации и деятельности институтов, осуществляющих власть, и для представителей экономических наук — для обозначения системы собственности

²⁰ См.: Stanisław Kulczyński, Język, którym mówi społeczeństwo, «Kultura», 1964, № 6.

²¹ См., например: A. Matejko, Socjologia zakładu pracy, Warszawa, 1961.

и функционирования средств производства. Под социальным же устройством подразумевается чаще всего стратификационная система общества, то есть расположение классов и слоев по принципу выше- и нижестоящих. Считаем также полезным отличать организацию от структуры, если под структурой будем подразумевать упорядочение составных элементов какого-либо целого в соответствии с определенным принципом, делающее возможным функционирование целого. Структура — это строение какого-то целого, организация — это его функционирование.

Социологи различают *формальную* и *неформальную* организацию. Первая складывается из всех тех социальных ролей, которые четко институционализированы, формальных институтов, формальной системы санкций — словом, той формализованной системы предписаний и учреждений, которые установлены правовым путем. Под неформальной организацией мы понимаем ту систему социальных ролей, неформальных институтов и неформальных санкций, образцов действия, переданных обычаями и традициями, которые возникают спонтанно в процессах повседневного взаимодействия²².

Социальная организация, как формальная, так и неформальная, обеспечивает группе социальный *порядок* или же определенное состояние равновесия в ходе процессов общественной жизни. Очевидно, это равновесие всегда изменчиво и неустойчиво, однако существуют четкие границы его устойчивости, которые должны быть сохранены, чтобы общественная жизнь могла идти таким образом, чтобы обеспечить удовлетворение индивидуальных и общественных потребностей. Если этот оптимум неустойчивости окажется превзойденным, появится комплекс явлений социальной дезорганизации, о которой мы будем говорить в другом месте. Социальный порядок основывается, следовательно, на реализации определенного объема ожиданий каждого члена группы, что его по-

²² Понятие социальной организации более подробно рассмотрено в следующих работах: J. A. C. Brown, *Psychologia społeczna przemysłu*, Warszawa, 1961; Aleksander Matejko, *Sociologia zakładu pracy*, Warszawa, 1961; A. Sarapata i K. Doktor, *Elementy socjologii przemysłu*, Warszawa, 1962; Salomea Kowalewska, *Psychospołeczne warunki pracy w przedsiębiorstwie przemysłowym*, 1962.

требности и интересы будут удовлетворены в рамках, определенных системой институтов, системой санкций и системой ценностей, принятых в данной группе. Если эти ожидания не исполняются, если процессы функционирования институтов, системы контроля приходят в расстройство, социальный порядок нарушается, и группа вступает в полосу радикальных перемен, как правило связанных с ее распадом.

Социальная связь

Мы закончили, таким образом, разбор комплекса факторов, сил и явлений, образующих социальную связь. В начале этой главы мы определили связь как совокупность отношений и зависимостей, возникающих между членами любой общности. На основе рассуждений, представленных в данной главе, мы можем развить и дополнить это определение.

Общественная жизнь возникает на биологических основах, когда люди, стремясь к удовлетворению своих потребностей, начинают производство материальных благ и услуг, вступают в контакты, взаимодействия и устойчивые отношения. В этой главе мы показали, каким образом эти устойчивые отношения поддерживаются, регулируются, каким образом охватываются системой институтов и контроля, подчиняются системе культурных ценностей и создают исправно функционирующую систему общественных организаций. Наш анализ был чисто формальным. Мы не вникали в различную сущность этих систем отношений, в сущность системы институтов и контроля, которая изменяется в зависимости от исторических эпох и общественно-экономических формаций. Элементы описанных здесь явлений и систем существуют во всех исторических обществах, очевидно, в различной форме. Они могут быть более или менее развитыми и дифференцированными, но определенные их элементы необходимы для существования любой социальной группы. Ибо любая группа, если она хочет существовать, должна обладать чем-то, что укрепляет ее изнутри, что обуславливает лояльность ее членов, обеспечивает удовлетворение потребностей в ее рамках, позволяет ей упрочиваться и развиваться. Словом, любая группа и любая общность должна обладать своей внутренней связью.

На этой основе мы можем определить социальную связь как организованную систему отношений, институтов и средств социального контроля, сплачивающую индивидов, подгруппы и другие составные элементы в функциональное целое, способное к сохранению и развитию. Могут, следовательно, существовать социальные связи разного рода. В группе играющих мальчиков одна связь, в целевой группе, например в политической партии, — другая, в сельской общине — третья. Чтобы лучше понять, на чем основывается ее функционирование, необходимо рассмотреть виды, составные элементы и структуру различных общностей²³.

Библиографический указатель

- E. T. Hiller, *Social Relations and Structures*, New York, 1947.
R. T. La Pierre, *A Theory of Social Control*, New York, 1954.
F. Znaniecki, *Social Organization and Institutions*, в: G. Gurvitch and W. E. Moore eds., *Twentieth Century Sociology*, p. 172—217.
T. Parsons, *The Social System*, Glencoe Ill, 1951.
T. Parsons and E. A. Shils, *Toward a General Theory of Action*, Cambridge Mass., 1951.
J. G. March and H. A. Simon, *Organizations*, New York, 1958.
T. Parsons, R. F. Bales and E. A. Shils, *Working Papers on the Theory of Action*, Glencoe Ill, 1953.
S. A. Greer, *Social Organization*, New York, 1955.
Charles P. Loomis, *Social Systems*, New York, 1960.
Maria Ossowska, *Podstawy nauki o moralności*, Warszawa, 1963 (wyd. III); Maria Ossowska, *Moralność mieszczańska*, Ossolineum, 1956; Maria Ossowska, *Zagadnienie powszechnie uznawanych norm moralnych*, «*Studia Filozoficzne*», 1957.
Czesław Znamierowski, *Normy grupy wolnej*, «*Myśli Współczesne*», 1947.
M. Borucka-Arciowa, *Z zagadnień społecznego działania prawa*, Kraków, 1962.

²³ Понятие «социальной связи» популяризовал в польской социологии Л. Кшивицкий в ряде работ, опубликованных в конце XIX века. См.: L. Krzywicki, *Pierwociny więzi społecznej*, Warszawa, 1957, а особенно предисловие Яна Лутиньского. Этот термин употребляет также С. Оссовский. См.: S. Ossowski, *Więź społeczna i dziedzictwo krwi*, op. cit.

VII. СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Определения

Социальная связь соединяет индивидов в определенные устойчивые объединения, которые могут выступать в разных формах и разных видах. Остановимся на том, какие формы таких устойчивых объединений мы можем наблюдать в повседневной жизни и в каких из них мы сами принимаем участие. Ведь каждый из нас принадлежит к семье, соседству как группе, локальной общности; детьми мы принадлежали к игровым группам, а сейчас мы постоянно имеем свой круг коллег и круг приятелей. Мы принадлежали к школьному классу и к целому школьному коллективу. Мы можем принадлежать или принадлежали к студенческим кружкам, к целевым организациям, например спортивным, идеологическим, политическим, культурным, религиозным. Мы можем быть членами Польского Красного креста, Лиги Оборона Страны, Общества Всеобщего Знания или другой массовой организации этого типа. Работая на заводе, мы принадлежим к коллективу предприятия или к более узкому — цеха, профессиональному союзу, клубу. Проживая в каком-либо районе, мы принадлежим к домовому или районному комитету, жилищному, потребительскому кооперативам. Проходя по улицам, мы иногда участвуем в сборищах, иногда в демонстрациях, стоим в очередях перед кассами и в магазинах. Бывая в кино, в театре, слушая радио или смотря телепередачи, мы становимся частью публики, посещающей кино, театры, проводящей время у радиоприемника или телевизора. Мы принимаем участие в кратко-

временных собраниях и массовках. Как читатели «Dziennika Łódzkiego» мы составляем часть читающей его публики. Выполняя работу преподавателя, мы принадлежим к этой профессиональной категории, являемся членами определенных социальных слоев и классов. Мы также являемся жителями города и принадлежим к территориальной общности, очерченной его границами, мы являемся гражданами государства и принадлежим к нации. Когда нас призывают на военную службу, мы входим в различные армейские части. Как следует из этого хаотического перечисления, каждый человек за время своей жизни участвует в самых различных формах общественной жизни, а это перечисление заведомо далеко от полноты, поскольку оно не упоминает о различных формах, существующих в первобытных обществах, например клане, племени, или о формах, существующих в других, докапиталистических, общественных формациях. Задачей социологии является проведение классификации этих форм совместной жизни, описание их составных элементов, их строения и процессов, в них происходящих.

Введем сначала несколько различий. Будем называть социальным *множеством* (zbiorem) совокупность людей, обладающих каким-то общим признаком, выделенным внешним наблюдателем, независимо от того, осознают ли эти люди, что они обладают данным признаком¹. Например, мы можем выделить множество блондинок, множество высоких людей, множество людей с черной кожей и т. п. Это будут множества, выделенные на основе соматических признаков; физическая антропология занимается исследованием именно таких множеств, различающихся соматическими признаками. Множество образуют также все люди, занимающиеся одной и той же профессией. Такие множества людей, занимающихся идентичной профессией, мы будем называть *профессиональными категориями*. Множество людей, относящихся к одной и той же возрастной группе, например имеющих 10—14 лет, мы будем называть *возрастной катего-*

¹ Термин «множество» мы употребляем в том значении, какое ему придал Ч. Знамеровский в работах: Cz. Znamierowski, Prolegomena do nauki o państwie, op. cit.; «Wiadomości elementarne o państwie», Poznań, 1946; «Osceny i normy», op. cit. Предложенное же Знамеровским определение общности не пришло, и здесь приводится другое определение.

рией. Люди одного пола составляют множество, которое можно назвать *категорией пола*. Каждое множество, выделенное на основе обладания определенным признаком, составляет социальную категорию. Социальные категории не объединены никакой внутренней связью. Люди, принадлежащие к одной категории, например профессиональной, возрастной, пола, имущественной, по доходу и т. п., всегда обладают каким-то или какими-то общими признаками. На этой основе социальные категории могут создавать внутреннюю связь, могут подвергаться институционализации, то есть создавать собственные общие институты. Когда социальная категория создает какого-либо рода внутреннюю связь, мы говорим, что она превратилась в социальную общность.

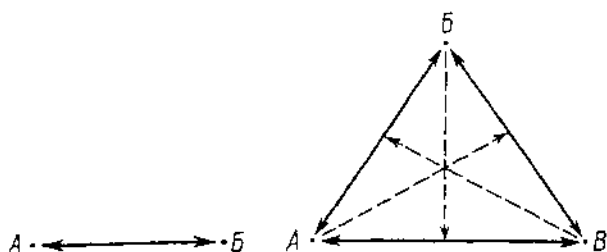
Мы вводим понятие «социальная общность» как термин с широким объемом, охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь. В ходе нашего изложения этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни. Это будет, следовательно, наш наиболее общий термин. Пока мы не вводим определения термина «общество». Сделаем это позже.

Большинство упомянутых выше форм совместной жизни, в которых мы участвуем, составляют, таким образом, общности. Уже с первого взгляда видно, что они весьма разнообразны, что этот термин охватывает весьма различные формы совместной жизни, отличающиеся существенными признаками. Необходимо, следовательно, ввести дальнейшие различия.

Среди общностей выделим прежде всего *социальные группы*. Этот термин употребляют весьма произвольно и применяют к достаточно различным формам совместной жизни, а поэтому мы должны определить его точнее². Мы будем называть группой определенное число лиц (не

² Определение группы приводят: S. Ossowski, *O osobliwościach nauk społecznych*, op. cit., rozdz. I; C. z. Znamierowski, *Elementarne wiadomości o państwie*, op. cit., s. 12—21; «Grupa społeczna i jej struktura», «Przegląd Socjologiczny», 1963, t. XVII, z. 1; F. Znaniecki, *Socjologia wychowania*, op. cit., t. I; «Wstęp do socjologii», s. 383—403, а также: «Social group as produkt of participating individuals», «The American Journal of Sociology», 1939, vol. XLIV № 6, p. 799—811. G. C. Homans, *The Human Group*.

меньше трех), связанных системой отношений, регулируемых институтами, обладающих определенными общими ценностями и отделенных от других общностей определенным принципом обособления. Почему же не меньше трех лиц? Можно встретить социологов, считающих, что уже пара составляет социальную группу. Я полагаю, однако, что пара, то есть два лица, образуют особый вид, в котором возникают отношения, не имеющие характерных признаков отношений, возникающих в больших общностях и прежде всего в группах. Я полагаю, что группа начинается только там, где в рамках одной социальной организации индивид А находится в отношении не только к Б, но и к В, и в отношении к тому, что происходит между Б и В. Различие между общностями из двух и трех лиц можно представить графически следующим образом:



Далее, мы считаем, что для появления группы существенна внутренняя организация, то есть институты, формы контроля, образцы деятельности. Поэтому мы не называем группами свободные образования, основанные только на контактах, не имеющие собственной организации. Могут существовать неформализованные группы, не имеющие ни формальных институтов, ни установленной формальной организации, но действующие на основе неформальной организации. И мы знаем, что такая организация может быть необычайно эффективной в деле руководства поведением своих членов и может придать группе большую устойчивость. Итак, образования, не имеющие внутренней организации, мы не будем называть группами.

Мы полагаем, далее, что группа должна иметь собственные ценности, то есть какой-то центр объединения, символы, лозунги, идеи, материальные предметы и т. д. Они необходимы для развития в группе чувства общности и принадлежности к группе.

Среди этих ценностей или на их основе развивается специфическое чувство общности, выражаемое словом «мы». Это сознание «мы» является выражением психической связи, объединяющей членов, основой общности действий и солидарности группы.

Наконец, группа должна обладать собственным принципом обособления, то есть тем, что отличает ее от других общностей и что ее члены определяют как то, что отличает их от других групп, и на основе чего другие люди, не принадлежащие к группе, определяются как «они», как «чужие». Это может быть идеология, обладание определенными предметами, проживание на определенной территории, выполнение определенных ритуальных действий и т. п.

Нетрудно заметить, что этим четырем условиям удовлетворяют очень многие общности, и поэтому мы будем вынуждены также провести тщательный анализ и классификацию групп. Ибо имеются группы высоко формализованные, обладающие высоко развитой формальной организацией, группы с весьма большим числом членов и существующие очень долго; имеются также группы малые, неформализованные, существующие относительно недолго.

От групп мы отличаем социальные круги. *Круг* — это совокупность лиц (состав может быть меняющимся), постоянно встречающихся и поддерживающих постоянные личные контакты, не обладающих ни четким принципом обособления, ни выкристаллизованной внутренней организацией. Вследствие этого происходящие в кругах явления и процессы значительно отличаются от процессов и явлений, происходящих в группах. Круг оказывает меньшее влияние на поведение своих членов, не контролирует их поведение столь эффективно, как группа. Существенным отличием является отсутствие устойчивых отношений, а потому и отсутствие устойчивых обязанностей членов по отношению друг к другу. В круге существует определенная солидарность и взаимная ответственность членов друг за друга, определенное давление на поведе-

ние, но отсутствует четкая система контроля. Круг может преобразоваться в группу, и это происходит довольно часто.

Как в социологии, так и в обыденной жизни очень часто употребляется термин «сообщество» (*spoleczność*) или «община» (*spólnota*, англ. *community*, нем. *Gemeinschaft*). Этот термин обычно означает территориальную общность, в рамках которой члены могут удовлетворять основные потребности, например село, которое в известном смысле образует замкнутую общность, небольшое местечко, какая-то часть пригорода и т. п. Не все территориальные общности составляют сообщество. Например, большой город, будучи также территориальной общностью, не является сообществом. Сообщество, следовательно, невелико, поэтому в нем создается чувство общности и соседская связь, вызванная близостью проживания и сходством повседневных дел, постоянными личными контактами, сходным стилем жизни, множеством общих местных дел, общей системой ценностей. Сообщество, следовательно, — это специфического рода группа.

Наконец, в нашем перечислении имеются такие многочисленные формы объединений, как толпа, публика, собравшаяся аудитория. В каждой из них существует определенная свободная внутренняя связь, хотя и далекая от вполне развитой связи, какую мы описали в предыдущей главе. Они являются очень важными формами совместной жизни, определяют весьма важные виды совместного поведения, и их необходимо будет рассмотреть особо.

Часто мы встречаемся также с термином «социальная среда». Этот термин, заимствованный из биологии, сыграл важную роль в споре о влиянии наследственности на общественную жизнь. Он употребляется в двух основных значениях: а) в первом значении под средой мы понимаем определенное отношение организма с его генетически обусловленными свойствами к воздействиям, исходящим от предметов, находящихся вне этого организма; б) в другом значении средой называется система предметов и процессов, окружающих живой организм и находящихся с ним во взаимодействии³. Определяя социальную среду, мы будем придерживаться этого второго

³ См.: J. Szczępański, O pojęciu środowiska, «Przegląd Socjologiczny», 1946, t. VIII.

определения и будем обозначать этим термином совокупность индивидов, кругов, групп и других общностей, с которыми личность сталкивается на протяжении своей жизни и которые оказывают влияние на ее поведение⁴. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в понятии среды всегда содержится определенный элемент относительности — какая-то система предметов становится средой по отношению к организму или же группе, для которой она является средой, и поэтому нет двух идентичных сред, поскольку идентичные окружающие системы могут быть разными средами для двух различных организмов.

Однако иногда в социологии термин «среда» употребляется иначе, а именно ряд кругов и групп, находящихся между собой в постоянном контакте и вырабатывающих вследствие этого определенные общие черты, установки или взгляды, также называют средой. Это, однако, неточное употребление термина, и его следует избегать. Когда говорят, например, о врачебной среде, о профессорской среде, о среде адвокатов и т. п., имеют в виду определенные круги и группы, принадлежащие к одной и той же профессиональной категории, находящиеся в более или менее свободных контактах и вырабатывающие определенные общие черты⁵. В социологическом анализе такую среду необходимо, очевидно, разложить на составные элементы и описать их отдельно, учитывая возникающие между ними связи, а термин «среда» применен здесь для краткости.

Общая характеристика общности

После этих вступительных замечаний и после введения основных терминов перейдем к более подробной характеристике отдельных типов общности.

⁴ Об определении социальной среды писали: T. Szczurkiewicz, *Rasa, rodzina, środowisko*, op. cit.; Helena Radlińska, *Stosunek wychowawcy do środowiska społecznego*, Warszawa, 1935; Stanisław Rychliński, *Badanie środowiska społecznego*, Warszawa, 1932. См. статью «Environment» в: «Encyclopaedia of the Social Science».

⁵ В этом значении говорит о среде А. Валлис в ранее упоминавшейся работе (A. Wallis, *Artyści-plastycy. Zawód i środowisko*).

Пара или двойка. Это форма совместной жизни с наименьшим числом составляющих это объединение, включающее двух лиц разного или одного пола. Эта форма совместной жизни многими исследователями выдавалась за основную во многих отношениях, так как они считали, что отношения и контакты между двумя лицами являются наиболее элементарным компонентом общественной жизни, поскольку они наиболее часты, наиболее непосредственны. Очевидно, что всю общественную жизнь нельзя разложить только на отношения и взаимодействия между двумя индивидами, да и анализ того, что происходит между ними, не может стать ключом к объяснению всех явлений, происходящих в обществе; тем не менее исследования взаимодействий и связи, какая может возникать между двумя лицами, важны для изучения многих процессов⁶.

Пары можно разделить на несколько типов: 1) Пары, связанные сексуальными или гетеросексуальными отношениями: добрачными, брачными и внебрачными, либо гомосексуальными. 2) Пары, связанные родственными отношениями: отец—сын, отец—дочь, мать—сын, мать—дочь, брат—сестра, брат—брат, сестра—сестра, или иная пара, связанная любыми близкими отношениями (взрослый—ребенок). 3) Пары друзей. 4) Пары, связанные отношением руководства. 5) Пары, связанные отношением помощи: помогающий и тот, кому помогают. 6) Пары, связанные отношением воспитания. 7) Пары, возникающие на основе преходящих обстоятельств, например проводник и турист и т. п.

Пары как устойчивые связи возникают, следовательно, либо на почве личных контактов, либо на почве вещественных контактов. Однако черты личности играют в них всегда решающую роль, так как контакты всегда являются непосредственными, взаимодействия определяются непосредственными реакциями на личные особенности, в любой паре с течением времени возникает в большем или меньшем объеме чувство интимности. Это чувство может стать основой сети отношений (друзья наших друзей — также наши друзья), связывающих

⁶ Ранее в социологии систематический анализ пары проводили: L. v. Wiese and H. Becker, *Systematic Sociology*, New York, 1932, p. 506—520.

более широкие круги, состоящие из нескольких лиц, или образующих основу неформальных групп в формализованных группах. Некоторые отношения, связывающие пары, например супружеские, опираются на церковные санкции или формальные санкции более широких групп, подлежащие институционализации. Как мы увидим далее, при рассмотрении семьи, несмотря на эти институциональные санкции, интимная связь между супругами становится, однако, решающей внутренней силой, укрепляющей супружество. В парах проявляется, таким образом, наиболее глубоко выраженная идентификация двух личностей, и на этом основывается их значение для укрепления более широких форм общности.

Социальный круг. Как мы уже говорили выше, социальными кругами мы называем свободные союзы, основанные на контактах с очень слабой институциональной связью, лишенные устойчивых отношений между членами. Несмотря на это, они важный элемент общественной жизни. Круги могут быть *контактными*, когда определенное количество лиц постоянно встречается, например, в поезде или автобусе, вместе добираясь на работу, и на почве этого чисто пространственного контакта завязываются знакомства, происходит обмен взглядами, сведениями и комментариями о спортивных, культурных и политических событиях. Далее, они могут быть *кругами коллег*, например круг коллег, работающих на одном предприятии, обучающихся на одном курсе или в одном учебном заведении, принадлежащих к одному спортивному клубу и т. п. Здесь контакты могут быть более частными, более личными, приводящими к более частным и близким взаимодействиям. Такие круги могут возникать в рамках групп, между членами одной группы, когда в рамках формализованных групп создаются свободные круги, связанные интересами или возможностью удовлетворения каких-либо потребностей или стремлений. Структура кругов коллег уже более компактна, круг уже осуществляет в определенном объеме контроль над взглядами и поведением участников, требует известного конформизма. Это результат близких личных контактов и интереса к личным свойствам, какие редко возникают в контактных кругах. Принадлежность к кругу, так же как и выход из него, — де-

ло неформализованное. Круг может дать почувствовать кому-либо, что он является нежелательным, но круг не имеет устойчивой организации, и состав его участников текуч. Еще более компактны *дружеские* круги, объединяющие пары друзей. Правда, между этими парами друзей возникают устойчивые социальные отношения, но круг как целое связан только систематическими контактами, не имеет устойчивой связи, состав его изменчив, у него нет ни четко выраженного принципа обособления, ни установленной системы собственных ценностей. Такой круг может легко превратиться в группу друзей и выработать элементы, необходимые для возникновения группы, однако эти две различные стадии развития необходимо четко разграничивать.

Круги коллег и друзей, а в некоторой степени и контактные круги имеют определенный центр объединения и определенную доминирующую индивидуальность, которая в этом кругу является самой выдающейся личностью, формирующей установки и взгляды. Основная функция кругов заключается всегда в обмене взглядами, сведениями, комментариями и аргументами. Можно сказать метафорически, что круги — это общности дискутирующих людей. Круги не действуют, не принимают решений, не располагают исполнительным аппаратом. Их значение в обществе основывается на том, что они *формируют мнение* или же создают и доставляют индивидам материал для выработки взглядов на обсуждаемые в круге вопросы. Поэтому круги всегда играли важную роль в интеллектуальной, художественной, а отчасти также и в политической жизни. Каждый круг всегда имеет в центре выдающуюся личность, выполняющую роль лидера, который каким-либо более или менее четко выраженным образом подводит итоги дискуссии, формулирует высказанные мысли, дает материал для установления устного мнения. Американские социологи называют их *opinion leaders*⁷.

⁷ P. F. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet, *The Process of Opinion and Attitude Formation*, в: «The Language of Social Research», 1955, p. 231—242; Andrzej Siciński, *Kontakty osobiste a proces masowego komunikowania*, «Studia Socjologiczne», 1962, № 2, s. 71—100.

Круги легко и часто превращаются в неформальные группы, первичные группы, о которых мы будем говорить ниже. Это происходит часто тогда, когда круги ставят перед собой определенную цель: организацию игр и развлечений. Игровой круг по необходимости должен быстро создавать определенные институты и формы организации, превращающие его в группу.

Группа

Начнем с рассмотрения формализованных групп, полностью развившихся и сформировавшихся, чтобы лучше показать их составные части, структуру и функции, а затем перейдем к характеристике групп различных типов.

Приходится начать с трюизма, что основным составным элементом группы являются ее члены. Это положение утратит свой комический характер, когда мы уясним себе, что группа построена также и из многих других элементов, не являющихся ни людьми, ни членами. Индивид входит в группу не всей своей личностью, а лишь с точки зрения социальной роли, выполняемой в этой группе⁸. Некоторые группы, как, например, монашеские ордена, некоторые политические группы, военные и т. п., почти целиком поглощают личность членов, оставляя им весьма малую личную сферу либо подчиняя себе также роли, выполняемые в других группах. В общем, однако, принадлежность к группе захватывает только некоторые черты личности, и лишь определенная часть всей жизненной активности человека проявляется в рамках одной группы. Каждая группа в большей или меньшей степени определяет *физический образец* члена, то есть его внешний вид. В армии и некоторых других группах физический эталон определен весьма точно, в других группах ограничиваются только негативным определением: как член группы не должен одеваться, или как он должен заботиться о своем внешнем виде. Далее, группа определяет *моральный образец* чле-

⁸ Ч. Знамеровский называет это явление «селективностью группы». См. также цитированную выше статью Ф. Знанецкого (F. Znaniecki, Social Group as Product of Participating Individuals).

на, или комплекс моральных черт, каковые он должен проявлять в своем поведении. Например, студент должен вести себя так, как это «достойно студента Народной Польши». И наконец, группа определяет также и *функции* члена, или объем функций, которые он должен выполнять для группы в рамках реализации ее задач. В группах с сильной внутренней сплоченностью и с сильной дисциплиной, физической и моральной, образцы и функции члена строго определены и требуют безусловной реализации. Обычно это группы, осуществляющие важные задачи. Сила группы как целого пропорциональна требованиям, предъявляемым ее членам.

Группы могут ограничивать число членов, и на этой основе их можно разделить на замкнутые (*ekskluzywne*), то есть применяющие очень четкие критерии приема новых членов; ограниченные группы, в которых критерии приема менее строги, и группы открытые (*inkluzywne*), свободные для всех, кто только захочет в них вступить, и не предъявляющие членам никаких особых требований. Группы обычно также устанавливают способ приема новых членов и способы выхода из группы, обеспечивая таким образом идентичность группы и сферу своего влияния. Идентификация членов обеспечивается физическим образцом, который может предусматривать, например, ношение значка.

Мы должны посвятить еще несколько слов принципу обособления. Как уже говорилось выше, принцип обособления — это основа возникновения чувства солидарности, чувства «мы», а вместе с тем и основа идентичности группы. Состав групп всегда текучий. Члены покидают группу, умирают, вступают новые, но, несмотря на эти изменения в составе членов, группа сохраняет свою идентичность и продолжает существовать как одно и то же целое, нередко в течение столетий. Группы могут обособляться на основе своей цели, которую они реализуют, на основе принадлежности к одной и той же территории, признаваемой идеологии, религии, языка и т. п. Принцип обособления определяет также критерии приема новых членов, а следовательно, и внутреннюю однородность групп. Эта однородность может быть определена возрастными границами (например, молодежные группы), однородностью классовой принадлежности

членов (рабочие союзы, организации ремесленников), расы, религии, национальности и т. д. Однородность относительно принятых критериев — важная черта групп, влияющая на отношения между членами и внутреннюю стратификацию.

Следующим составным элементом группы являются центры ее объединения. Мы называем так все те ценности, предметы и символы, которые идентифицируют группу, составляют материальную и идейную основу ее существования и развития. Сюда мы относим помещение или местопребывание властей, если группа формализована, или место постоянных встреч неформализованных групп, знаки, печати, знамена, названия групп, имущество, которым они располагают, библиотеки и т. п. Центром объединения являются также органы управления, личности лидеров, нередко приобретающие символическое значение. К центрам объединения или, как иногда говорят, централизации относятся все те составные элементы группы, которые не являются людьми, а образуют как бы материальный и идейный скелет группы. Идентичность центров объединения — территории, символов, лозунгов, имущества и т. д. — мощный фактор устойчивости группы во времени. Многие социологи, увлеченные поисками факторов устойчивости группы во взаимодействиях и в организации деятельности членов, в психосоциальных установках и факторах, не обращают внимания на те «внечеловеческие» факторы, материальные и символические, которые оказывают необычайно сильное влияние на социальную жизнь групп, особенно больших целевых групп, объединений, культурных и территориальных групп⁹.

Указанные центры обеспечивают прежде всего механизмы укрепления группы и средства для реализации ее задач. Следовательно, взносы, имущество группы и способы его умножения, возможность поставок в пользу членов, возможность воздействовать на другие группы, защита интересов членов и группы, защита ин-

⁹ Эту точку зрения систематизированно излагает Хоуменс (G. C. Homans, *The Human Group*). Она лежит также в основе концепции малых групп. См.: Antonina Kłoskowska, *Zagadnienie małych grup społecznych w socjologii*, «Przegląd Socjologiczny», 1958, s. 9—31; Aleksander Matejko, *Mała grupa*, «Studia Socjologiczne», 1962, № 2, s. 5—34.

интересов как целого от любого вида агрессии извне, предотвращение различного рода внутренних кризисов, проведение внутренних реорганизаций и исследование положения группы — вот комплекс функций и мер, осуществляемых на основе материального оснащения группы.

Задачи группы как целого — это следующий составной элемент в каждой вполне развитой группе. Мы говорили выше, что круг друзей может превратиться в группу, если поставит перед собой общую задачу или цель, хотя бы этой целью и была лишь организация совместных развлечений. Появление общей задачи с необходимостью влечет за собой появление средств для ее реализации, институционализированного способа распоряжения средствами, формы контроля и расчетов в распоряжении средствами, общей оценки выполнения задачи, новой системы отношений между членами и необходимость их институционального регулирования. Таким образом, задача группы становится фактором развития системы контроля и внутренней организации. Далее, задача группы влияет на принцип обособления, на критерии приема членов и прежде всего на функции членов, выполняемые в группе и от ее имени. На приведенном выше примере появления задачи организации развлечений мы показали, как в такой группе происходит разделение труда, разделение ответственности, определяются урегулированным образом функции членов группы и надзор за ними, в результате чего задача группы как целого оказывается достигнутой.

Здесь необходимо подчеркнуть, что задача группы как целого не разлагается только на сумму функций отдельных членов. Задача группы — это скорее синтез, который может возникнуть в результате выполнения функций отдельных членов. Но задачи групп обычно определены так, что никогда не могут реализоваться полностью, что их реализация обнаруживает в свою очередь новые задачи. Даже группы, созданные на определенный срок, какие-либо комитеты или комиссии, призванные выполнить четко очерченные задачи, имеют тенденцию существовать дольше, чем это требует выполнение задачи, и часто существуют и дальше как неформальные группы либо стараются продлить свое формальное существование, находя новые аспекты задачи. Это явление,

называемое стремлением групп к устойчивости, имеет своим источником как механизмы личности, так и механизмы отношений, возникших между членами группы в ходе реализации задач. Очевидно, это не относится к группам, возникшим вследствие внешнего давления, не отвечающего никаким стремлениям членов.

Задачи группы составляют смысл ее существования в глазах других групп и общностей. Поэтому рефлексия над выполнением задач в прошлом становится существенным элементом традиции групп. Причем в каждой группе развивается естественная склонность к идеализации своего прошлого и способа выполнения своих задач в прошлом. С одной стороны, эта тенденция возникает из необходимости воспитания новых членов, которым в качестве эталона приводят идеализированную деятельность членов группы в прошлом. С другой стороны, идеализированная традиция является также фактором повышения внутреннего сплочения группы, укрепления морали членов, то есть готовности к интенсивному выполнению своих групповых функций. История групп, писанная по случаю различных годовщин, и прежде всего история любого государства или нации, писанная для молодого поколения, — это всегда история идеализированная, возвеличивающая заслуги и превосходство, показывающая «величие» данной нации, ее славу и могущество в прошлом. Писанная таким образом история — это не совокупность описаний, а совокупность представлений о том, что следует написать, чтобы представить историю группы в возможно более выгодном свете.

Некогда задачи группы понимались как особая миссия группы, возложенная провидением, историей, возникающая из особых черт группы (например, миссия немецкой нации, вытекающая из ее расовых черт) и т. д. Понимание задач группы как миссии всегда предполагает определение группы и ее членов как достигших определенного совершенства и поэтому призванных передать это совершенство и другим общностям. Реализация миссии всегда сопровождалась стремлением к достижению личного совершенства в чертах, необходимых для членов, чтобы они могли совершенство своей группы передать другим. Приверженцы же религии, проводя миссионерскую деятельность, должны были отличаться

особым рвением в практике и фанатизмом в вере. Подобные явления рвения и фанатизма можно наблюдать также в политических и социальных движениях, организованных для реализации какой-либо миссии.

Но не только группы, реализующие какую-либо миссию, имеют чувство превосходства над другими общностями. Чувством собственного совершенства, но крайней мере в определенной области, чувством превосходства над другими общностями должна обладать каждая группа. Так же как индивид в своем субъективном «я» обладает комплексом выгодных представлений о себе и своей ценности, что помогает ему устранять противоречия и компенсировать унижения, не теряя равновесия личности, так и каждая группа тоже обладает каким-то комплексом представлений о собственном превосходстве, хотя бы только в какой-либо ограниченной области. Без этого чувства группа быстро дезорганизуется. Принадлежность к группам служит поводом для гордости и для отличия. Принадлежность к группам, ничем не отличающимся, не обладающим ни красивыми традициями, ни высоко оцениваемыми чертами и достижениями, не является привлекательной. Поэтому каждая группа стремится отличиться, приобрести некоторый блеск, дающий превосходство над другими. Отсюда, между прочим, проистекает большая привлекательность, публицити (publicity) спортивных побед и международных успехов в различных конкурсах: таким образом все граждане государства могут разделять это чувство превосходства и черпать отсюда ощущение гордости, что они принадлежат к нации, которая имеет такие выдающиеся достижения и так превосходит других.

Реализация задач вызывает явление, кратко называемое коллективной волей группы. Это, конечно, метафора, поскольку не существует никакой психики группы и никакой коллективной воли, которая была бы индивидуальным психическим фактором, присущим группе. Коллективная воля — это просто сумма стремлений членов группы к реализации коллективной задачи. Воля эта может проявляться в институционализированных действиях, порученных отдельным институтам, или в частных действиях членов, реализующих свои функции. В коллективной воле проявляется также солидарность группы или готовность к совместному осуществлению

трудов, усилий и ответственности в реализации задач группы.

Мы не рассматриваем здесь механизм возникновения коллективной воли, то есть явления, складывающиеся в последовательное стремление к реализации задач группы. Она зависит от внутренней организации, от самой задачи, от степени внутренней сплоченности группы, от черт членов, личности лидеров, осознания миссии и важности самой задачи, от средств, которыми группа располагает.

Все эти составные элементы группы можно классифицировать следующим образом: члены, их черты и принципы, определяющие идентичность и непрерывность существования группы; задачи группы, средства, служащие реализации задач, психосоциальные механизмы, созданные для реализации задач; факторы, поддерживающие внутреннюю сплоченность группы, институты и система социального контроля, образцы взаимодействий, образцы поведения и нормы, регулирующие отношения между членами группы; институты и средства регулирования контактов и отношений с другими группами¹⁰.

Структура группы

Все эти составные элементы группы расположены определенным образом, обеспечивающим функционирование группы. Систему составных элементов группы и принцип их взаимного упорядочения мы называем структурой группы. Термин «структура» означает то же, что и термин «строение». Он, следовательно, обозначает такой способ сочетания составных элементов, при котором они могут выполнять свои функции, дополняя друг друга и гармонизируясь в определенных пределах так, чтобы группа в целом могла сохраняться и развиваться¹¹.

¹⁰ Примеры другой схемы описания группы дают: D. S a n d e r - s o n, Group description, «Social Forces», 1938, vol. 16, № 3, p. 309—319; R a y m o n d B. C a t t e l l, Types of Group Characteristics, в: «The Language of Social Research», op. cit., p. 297—301.

¹¹ Другое определение структуры дают: S. O s s o w s k i, Struktura klasowa w świadomości społecznej, op. cit., s. 13—16; Cz. Z n a - m i e r o w s k i, Oceny i normy, op. cit., rozdz. 2, s. 24—37.

Термин «социальная структура» употребляется в нескольких значениях. Говоря о структуре полностью развитых групп, следует различать *микроструктуры* и *макроструктуры*. Социальная структура чаще всего означает систему и принцип взаимного упорядочения членов, институтов и подгрупп, составляющих группу. В этом определении принимаются во внимание лишь «социальные» элементы, то есть члены и отношения между ними; в социальную структуру не включаются все те элементы, которые входят в состав группы, такие, как центры объединения, имущество и т. п., которые не принимаются во внимание в этом определении. Такое определение не кажется мне правильным. Все эти элементы играют важную роль в жизни группы, и при описании строения группы следует указать их место.

Составные элементы группы объединяются в определенные меньшие или большие комплексы. Члены могут объединяться в круги, малые неформальные группы, они создают профессиональные категории, коллективы, работающие на различных предприятиях, группируются вокруг институтов и т. д. Далее, члены различаются между собой личными чертами, социальными ролями, функциями, выполняемыми от имени группы, материальным положением и т. д. Следовательно, если мы обратим внимание на какую-либо большую социальную группу, например нацию, то убедимся, что ее строение очень сложно. Но даже и меньшие группы, такие, например, как большие объединения или относительно малые целевые группы (например, спортивный клуб), имеют сложное внутреннее строение. Иначе говоря, составные элементы в группах могут быть размещены и взаимно упорядочены по-разному. Микроструктура — это расположение индивидов, отношений — словом, наименьших составных элементов. Макроструктура — это расположение и взаимное упорядочение больших составных элементов, таких, как общественные классы, слои, категории, большие объединения, большие институты. Задача социологии — описание возможных образцов микро- и макроструктур, проявляющихся в различных типах групп.

Приглядимся теперь поближе к микроструктуре вполне развитой группы. Как мы уже говорили в главе

о личности, каждый индивид выполняет в группах, к которым он принадлежит, различные социальные роли, основанные на выполнении ожидаемых действий и соблюдении установленных образцов поведения. С ролями связаны определенные права и обязанности. Совокупность этих прав и обязанностей определяет позицию индивида, или положение индивида в группе относительно других членов. Эти положения всегда как-либо образом дифференцированы. Некоторые позиции, с которыми связаны более широкие полномочия, более широкий объем деятельности, более высокая оценка, признаются высшими, другие, не удовлетворяющие этим условиям, — низшими. Таким образом, мы можем рассматривать строение группы как систему позиций ее членов. Некоторые сходные позиции находятся на одном «уровне» и образуют группировки или разряды людей со сходными позициями. Словом, система позиций членов образует микроструктуру группы.

Социальная позиция, или социальный статус, характеризуется определенным престижем или степенью признания, которым пользуется выполнение данной роли в группе. (Анализ взаимного расположения людей, занимающих различные позиции, — задача раздела социологии, занимающегося изучением социальной стратификации, и при случае мы рассмотрим проблему позиции и престижа детальнее.) Итак, можно рассматривать микроструктуру групп как систему позиций и их взаимного упорядочения, особенно в малых группах. При исследовании больших групп под микроструктурой мы понимаем не только систему позиций индивидов, но также систему малых групп, кругов, которые образуются в ее рамках. Малые группы, очевидно, не имеют макроструктуры. Современная социология, ищущая элементарные психосоциальные механизмы жизни общности, уделяет больше внимания исследованию микроструктур малых групп, видя в них ключ к пониманию явлений, возникающих в макроструктурах. Она опирается на предположение, что принадлежность к малым группам является решающей для участия в общественной жизни, что в большие группы мы входим через малые, создающиеся в их рамках, а поэтому явления и процессы, происходящие в микроструктурах, являются также ре-

шающими для познания массовых процессов, происходящих в макроструктурах.

Но макроструктуры имеют свои особые законы, и не все, что в них делается, можно объяснить процессами, происходящими в микроструктурах. Классовая структура какой-либо нации определяется не только психосоциальными процессами, происходящими в малых группах, но также и прежде всего объективной системой производственных отношений. Таким образом, макроструктуры не являются лишь суммой или синтезом микроструктур.

Макроструктуры группы могут складываться в соответствии с разными образцами. Если мы примем во внимание сочетание категорий пола и категорий возраста, то получим *демографическую структуру* группы. Говоря о демографических основах общественной жизни, мы подчеркивали ее важность: возрастная структура имеет особенно большое значение для общественной жизни. Достаточно просмотреть литературу, посвященную, например, проблемам старения населения или процессам изменений в структуре возрастных категорий, связанных с быстрым ростом численности людей пожилого возраста¹². Если мы примем во внимание систему профессиональных категорий, а именно пропорции численности профессиональных категорий и изменения этих пропорций, получим схему *профессиональной структуры* группы. Не нужно доказывать ее важность. Ведь громадные усилия государства направлены на расширение профессионального образования, а следовательно, формирования желательной профессиональной структуры, ибо от нее в значительной мере зависит темп экономического роста¹³.

Наиболее важна, однако, *структура слоев и классов* больших групп. Это система классов и слоев и их взаимного расположения, отношений, возникающих между ними. Процессы, происходящие в общественных классах, конфликты и борьба между ними, их интересы и способы их удовлетворения — основные общественные

¹² См.: E. Rosset, *Rozwój stosunków demograficznych w Polsce*, «Kultura i Społeczeństwo», 1962, z. 2, s. 95—118.

¹³ См., например: Antoni Rajkewicz, *Kierunki przekształceń struktury zatrudnienia w Polsce* (в печати).

процессы, влияющие на ход общественной жизни больших групп. Их описанием мы займемся в разделе о стратификации.

Виды групп

В социологической литературе можно встретить много различных классификаций групп. Американский социолог Юбэнк (E. E. Eubank), который собрал и проанализировал способы классификации групп, встречающиеся в американской литературе, приводит семь принципов, на которые эти классификации опирались: 1) классификации на основе этнической или расовой принадлежности; 2) на основе уровня культурного развития; 3) на основе типов структуры, существующих в группах; 4) на основе задач и функций, выполняемых группой в более широких общностях; 5) на основе преобладающих типов контактов между членами; 6) на основе различных видов связи, существующих в группах; 7) различные классификации, основанные на других принципах¹⁴.

Все эти классификации каким-либо образом обоснованы. Ведь классификация — процедура произвольная, и о ее правильности свидетельствуют познавательная ценность, ясность и полнота. Система классификации должна давать четкие и исчерпывающие подразделения. Мы здесь не намерены решать, в какой степени системы классификации, рассмотренные Юбэнком, удовлетворяют этим условиям правильности. Мы не будем здесь также предлагать собственную систему классификации. Это задача специального исследования по теории групп. Мы производим здесь обзор видов групп, не слишком заботясь о правильности классификации.

До сих пор в ходе рассмотрения проблем групп мы часто подразделяли группы на *малые* и *большие*. Малые группы — это группы немногочисленные, насчитывающие самое большее несколько десятков членов. Они обычно связаны дружескими отношениями, в них преоб-

¹⁴ Исчерпывающую попытку классификации групп предприняли Макайвер и Пейдж (R. M. Mac Iver and C. H. Page, Society, London, 1961, p. 214—216. См. также: F. Znaniecki, O szczeblach rozwoju społecznego, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny, Socjologiczny», 1930, 1).

ладают непосредственные личные контакты, отношения между членами регулируются неформальными институтами. Но могут также существовать и высоко формализованные малые целевые группы, призванные выполнять специальные задачи, группы, в которых отношения между членами регулируются строгими служебными предписаниями, например небольшая войсковая группа («*сommandos*»), действующая на территории врага, ячейка политической партии, действующая в подполье, и т. д. Об этом необходимо помнить, ибо очень часто малые группы отождествляются с первичными группами, что не всегда правильно, и не всякая малая группа — это первичная группа. Но даже в таких формализованных малых группах преобладают непосредственные контакты, и даже вещественные контакты между членами в принципе могут быть непосредственными контактами. Вследствие этого в них создается образец взаимодействия, основанный на непосредственном знакомстве членов. Иначе говоря, во всех отношениях между членами выступает элемент личного знакомства, близости, приводящий к тому, что взаимодействия, даже институционализированные, никогда не являются полностью обезличенными, что имеет место в больших группах, где воздействия людей друг на друга совершенно анонимны. Поэтому в малых группах независимо от того, являются они первичными группами или нет, создается особый вид связи, близости между членами, создающий больше возможностей полной идентификации члена с группой, чем в больших группах¹⁵.

Мы не располагаем точным определением большой группы. В принципе мы называем большой такую группу, которая слишком многочисленна, чтобы все члены могли знать друг друга лично, чтобы все контакты между ними могли осуществляться непосредственно. Описывая большие группы, мы обычно представляем себе массовые объединения, охватывающие десятки тысяч членов, большие классовые, этнические, религиозные и

¹⁵ См. цитированную выше, в сноске 9, статью А. Клосковской, а также ее же работу (A. Kłoskowska. Małe grupy i społeczeństwo masowe, «Kultura i Społeczeństwo», 1959, № 3). См. также: E. F. Fagis, The Primary Group, «American Journal of Sociology», 1932, t. 38, p. 41—50; Ph. Selznick and L. Broom, Sociology, 1963, p. 141.

т. п. группы, включающие большие массы членов, разбросанных на обширных пространствах. Между малыми группами и группами больших размеров существуют группы, заслуживающие названия средних. Однако многие социологи, занимающиеся группами, считают, что эти средние группы, их структура и связь, происходящие в них явления и процессы по своей сущности сходны с крупными группами и поэтому не следует специально заниматься средними группами. Различие между малыми и большими группами можно обнаружить лучше всего, если мы попытаемся представить себе, что изменяется в процессе разрастания малой группы и превращения ее в большую группу. Например, политическая партия, основанная несколькими членами, объединившимися вокруг одного или более выдающихся руководителей, — это малая группа, которая, правда, создает уже определенную формальную связь, институционализированное разделение функций и т. д., но личное знакомство всех членов придает ей все черты малой группы. Увеличение числа членов вызывает наплыв новых людей, личные черты которых известны лишь поверхностно. Партия разрастается также территориально. Новые контакты являются прежде всего опосредованными. Становится невозможным решать все вопросы путем непосредственных контактов и контролировать поведение членов в непосредственных личных отношениях. Возникает необходимость создания институционализированных форм деятельности, точной регламентации деятельности, введения системы институциональной зависимости, иерархии положений и служебной иерархии, системы социального контроля, устанавливающего внутреннюю дисциплину. Вследствие увеличения числа членов взаимопонимание между ними достигается с помощью прессы, циркуляров, директив, массовых собраний, радио; руководители не имеют возможности непосредственного контакта со всеми членами, и создается система ступеней и барьеров между ними и массами членов и т. д. Словом, в большой группе должна существовать развитая формальная связь, система формализованного контроля, система средств массовой коммуникации, поддерживающая ее внутреннюю сплоченность, система массового воздействия, формирующая установки и стремления членов.

Группы разделяются также на *первичные* и *вторичные*. Первичные группы — это особая разновидность малых групп. Связь в этих группах также опирается на непосредственные личные контакты, на высоко эмоциональное вовлечение членов в дела группы, обеспечивающее высокую степень идентификации членов с группой. Первичная группа — это прежде всего семья, состоящая из родителей и детей, а также дедушек и бабушек. Группу связывают прежде всего личные интересы ее членов. Кули подчеркивал однородный характер взаимодействий, происходящих в семьях во всех цивилизациях и вытекающих из союза, основанного на чувствах и личной ответственности за судьбы других членов¹⁶. Сходным характером обладают также группы сверстников, особенно возникающие в детстве и в ранней молодости¹⁷. Соседские круги также могут превратиться в первичные группы. Значение первичных групп социологи усматривают в том, что в них создаются единые черты личности человека, особенно в период его формирования в раннем детстве, и сходство этих черт, проявляющееся в различные исторические периоды и в разных культурах, является результатом сходства организации и структуры этих первичных групп и сходства систем отношений, которые в них существуют. Первичные группы чаще всего не обладают формальной связью, а если эта связь, например в семье, начинает играть важную роль, то это значит, что семья распалась как первичная группа и превратилась в формализованную малую группу.

Вторичные группы — это всякого рода группы, организованные для реализации определенной цели, в которых преобладают или, скажем, иначе, в которых особое значение имеют вещественные контакты, чаще всего опосредованные. Они опираются на институционализированную и схематизированную систему отношений, их деятельность регулируется правилами. Вторичные группы — это, как правило, большие группы, но малые группы тоже могут быть вторичными группами.

Мы также часто употребляли термины «неформаль-

¹⁶ С. Н. Coley, *Social Organization*, New York, 1909.

¹⁷ Значение групп сверстников анализировал Ф. Знанецкий (F. Znaniecki, *Socjologia wychowania*, op. cit., t. I. См. также: J. Chałasiński, *Spoleczeństwo i wychowanie*, op. cit., rozdz. II).

ная группа» и «формальная группа». Некоторые социологи считают, что это деление покрывается делением на группы малые и большие или же на группы первичные и вторичные. Это не совсем точно. Часто можно встретить точку зрения, согласно которой к неформальным группам причисляют то, что мы выше назвали кругами, то есть все свободные социальные образования, связанные хотя бы пространственными контактами. Мы резервируем здесь термин «группа» для обозначения только таких объединений, которые обладают уже сформировавшейся связью и принципом обособления, определяющим границы группы. Поэтому неформальными группами мы будем называть те группы, внутренняя связь которых основана лишь на неформальных институтах, организации и контроле. Это могут быть малые группы, могут быть и первичные. Можно, однако, представить себе более широкие неформальные общности — они встречаются также и на практике, — формирующиеся на основе принадлежности к определенной территории, объединенные только неформальной соседской связью, например жители какого-либо района города или местечка, которые еще не организовались, а лишь создали тесную сеть соседских отношений. Соответственно формальными группами мы называем все те группы, в которых уже развились формальные институты, формальная система контроля и организации.

Продолжая обзор типов групп, мы выделяем: целевые группы, созданные для реализации каких-либо целей, которые иногда называют также объединениями (associations); территориальные группы, например село, город, основанные на принадлежности к определенной местности; классовые группы, созданные на основе стратификационного деления в более широких общностях. Рассмотрим их по порядку, но сначала рассмотрим группу, имеющую особое значение, а именно семью.

Семья

Особое значение семьи вытекает из двух ее основных функций, которые она выполняет в рамках более широкого общества: семья — единственная группа, увели-

живающаяся, разрастающаяся не благодаря приему новых членов извне, а благодаря рождению детей (очевидно, могут существовать семьи, разрастающиеся благодаря усыновлению или приему чужих детей, но это скорее исключение), а следовательно, это группа, поддерживающая биологическую непрерывность общества (благодаря рождению новых членов и передаче им биологических черт); другая ее основная функция заключается в передаче культурного наследия более широких общностей в его главных чертах. Очевидно, существует ряд других групп и институтов, осуществляющих воспитание, но роль воспитания в семье для формирования основных элементов личности, особенно в первый период до пятого года жизни, особенно важна.

Попутно одно небольшое замечание. Мы говорим не о задачах, а о функциях семьи. Ибо под задачами чаще всего понимаются определенные действия, которые должны вызвать желаемые следствия, действия, заданные группе более широкими общностями или же сознательно предпринятые самой группой. Говоря о функциях, мы имеем в виду следствия, вызываемые действиями или поведением членов группы в более широкой общности, независимо от того, были ли они преднамеренными или желательными. Поэтому мы говорим о функциях семьи, поскольку многие существенные следствия жизни семьи вытекают просто из стремления к удовлетворению сугубо личных влечений и потребностей, а не из ощущения выполнения задач, навязанных более широкими общностями.

После этих вводных замечаний перейдем к общей характеристике семьи. Семья — это группа, состоящая из лиц, связанных отношениями супружества и отношениями между родителями и детьми. Это два основных отношения, существующих в семье, — супружество, а также родство или усыновление. Члены семьи обычно живут под одной кровлей и ведут одно домашнее хозяйство, которое может охватывать два, но часто охватывает и три поколения. Объем домашнего хозяйства определяет экономические функции семьи в более широких общностях. Семья опирается на устойчивые образцы поведения и образцы взаимодействий. Роль членов семьи определена не только взаимным чувственным влечением, но также и более широкими общностями: государст-

вом, церковью, локальным сообществом и различными другими специальными институтами опеки над детьми или над матерями, заботящимися о выполнении роли мужа, жены, отца, матери, детей и т. д. Таким образом, взаимные отношения между членами семьи определяются чувством и положением членов (любовь, уважение), традицией, переданной воспитанием, правом, заповедями религии. Все эти формы внешнего контроля являются силами и факторами, поддерживающими сплоченность семьи извне. Но семья развивает и могучие внутренние силы, возникающие из личных потребностей, склонностей, стремлений, чувств, которые, очевидно, не всегда и не при всех условиях могут успешно противостоять давлению извне. Семья создает также собственную культурную среду в рамках общей культуры более широкой общности (нации, церкви, государства), и эта среда формирует личность ребенка. Она может создавать также определенные индивидуальные способы поведения, придавать повсеместно принятым образцам известное своеобразие. Семья выступает во всех известных исторических типах общества и цивилизаций. Перечисленные выше общие ее черты приводят к серьезным последствиям в политике, экономике, культуре, религии, а следовательно, во всех важных областях общественной жизни, поэтому семья постоянно окружена вниманием всех основных институтов.

Функции, выполняемые семьей в этих более широких общностях, могут быть охвачены в следующих пунктах: а) поддержание биологической непрерывности общества. Семья разрастается «изнутри» путем удовлетворения сексуальных потребностей и родительских стремлений; поэтому многие общества считают внебрачные сексуальные отношения преступлением, нарушением моральных норм или табу; семья обеспечивает биологическое существование (пищу, одежду, жилье) своим членам, и во многих цивилизациях изгнание из семьи равнозначно смертной казни; б) семья поддерживает культурную непрерывность общества путем передачи культурного наследия следующим поколениям; она осуществляет социализацию молодого поколения, то есть вводит его в нормы совместной жизни и в механизм конформизма общественной жизни; в) семья дает социальное положение своим детям.

В некоторых обществах, например кастовых, феодальных, факт рождения предопределял на всю жизнь положение индивида. В любом обществе социальное положение, занимаемое родителями, их образование, материальное положение и т. д. нередко являются фактором, определяющим жизненную карьеру ребенка; г) семья обеспечивает индивидам удовлетворение эмоциональных потребностей, потребностей интимной совместной жизни, дает ощущение безопасности, обеспечивает эмоциональное равновесие, а поэтому предотвращает дезинтеграцию личности; д) семья — это также институт социального контроля, особенно для молодого поколения. Кроме того, она — мощный фактор контроля сексуального поведения. Сплоченная, уравновешенная семья успешно противодействует отклонениям от норм поведения почти во всех областях общественной жизни, ибо эти отклонения могут иметь последствия для всех членов семьи. Итак, как мы видим, эти функции очень важны для многих более широких групп, и это объясняет, почему семья окружена таким всеобщим вниманием и почему столько различных более широких общностей вмешиваются в ход ее внутренней жизни.

Структура семьи и ее внутренняя организация зависят от многих факторов. Выделим различные виды структур и внутренней организации семьи. Структура может зависеть от типа супружества. Известны супружества моногамные и полигинные. Моногамия — это союз между одним мужчиной и одной женщиной. Она имеет место также в семьях животных. Полигиния может выступать в виде полигамии, то есть брака одного мужчины с несколькими женщинами, или в виде полиандрии, то есть брака одной женщины с несколькими мужчинами. Полигиния в человеческих обществах проявляется значительно чаще, чем моногамия. Мердок доказывает проявление моногамии в 43 известных обществах, полигамии — в 193 и полиандрии — в 2¹⁸. С точки зрения сферы выбора супруга браки подразделяются на эндогамные, то есть заключаемые в рамках собственной, но более широкой общности, например в рамках социального класса или касты, и на экзогамные, то есть такие, которые в силу необходимости должны за-

¹⁸ G. P. Murdock, *Social Structure*, 1949, p. 28.

ключаться между партнерами, принадлежащими к разным группам. С точки зрения иерархии престижа и власти в семье мы выделяем патриархальные семьи, где отец осуществляет власть и пользуется наивысшим авторитетом, и матриархальные семьи, где власть в семье принадлежит матери. Существуют также семьи эгалитарные, преобладающие в современных обществах. Кроме того, семьи делятся на патрилинеальные, в которых наследование фамилии, имущества, престижа и социального положения происходит по линии отца, и на матрилинеальные, в которых наследование происходит по линии матери. Наконец, мы различаем браки патрилокальные, характеризующиеся тем, что молодые супруги после заключения союза переходят в дом отца мужа, и матрилокальные, когда молодые супруги должны осесть в доме родителей жены.

Типы структур семьи изменяются со временем. Они зависят от исторической эпохи, от принятого вероисповедания, от законодательства, от уровня развития цивилизации. Известно и хорошо описано влияние промышленной революции на превращение прежней патриархальной европейской семьи в современную эгалитарную семью с очень ограниченными экономическими, религиозными, политическими функциями и даже с ограниченными воспитательными функциями¹⁹.

Теперь несколько слов о факторах и фазах развития семьи. Она имеет свои четкие биологические основы, как это ясно видно в семьях животных, и прежде всего в моногамных семьях, сохраняющихся исключительно на основе удовлетворения биологических влечений. Таким образом, биологические основы семьи составляют удовлетворение сексуального влечения, стремление самца к господству, а также биологическая зависимость ребенка от матери, проявляющаяся прежде всего у млекопитающих, хотя и не только у них. Одно удовлетворение сексуального влечения не составляет еще биологической основы семьи, ибо оно может быть удовлетворено различными способами и вне семьи (отношения коллег, проституция, онанизм). Постоянство

¹⁹ Общее представление об этом процессе дают Макайвер и Пейдж (R. M. MacIver, and C. H. Page, op. cit., p. 250—274). Глубоко рассматривают эту проблему Берджес и Локк (E. W. Burgess and H. J. Locke, *The Family*, New York, 1945).

сексуального влечения у человека, различные формы его сублимации, эмоциональное обрамление, возникающее вокруг его удовлетворения, — вот биопсихические факторы, стабилизирующие действующие на супружество.

Однако во многих обществах существуют допустимые и даже институционализованные формы добрых отношений. Цитированный выше Мердок, исследуя 250 различных обществ, обнаружил, что добрые отношения (за исключением кровосмесительных) вполне дозволены в 65 обществах, допустимы в определенных условиях в 43, осуждаются в 6, запрещены в 44, а о 92 обществах нет точных данных, позволяющих высказать точное суждение²⁰. Зато запрещение кровосмешения имеет всеобщий характер, и лишь в двух обществах такие отношения признавались допустимыми при очень специфических условиях²¹. Любой культуре известен широкий комплекс средств, возбуждающих действие сексуального влечения, наряду с целым комплексом средств, ограничивающих его действие. Это специальная область исследования, в которую мы здесь не будем входить.

Биологические силы, действующие в семье, охватываемы, однако, строгими рамками обычая, предписаний права, религии, давления мнения местного общества и т. д. Результатом их действия являются определенные фазы развития семьи, которыми мы сейчас займемся. Первым явлением, ведущим к браку, становится выбор партнера и обручение. Обручение выступает в различных видах: ухаживание друг за другом, формальная помолвка, формальное оглашение, выкуп, похищение, зависимость брака от приданого и т. д. Ухаживание — это более или менее установленный комплекс поведения, направленного на получение согласия партнера на брак (или отношения). Ухаживание определяется традицией, обычаями, религиозными предписаниями, влиянием литературы и кино и т. д. Ухаживание может быть периодом возникновения любви или комплекса чувств, который может складываться из физического влечения, сексуального желанья, чувственной привязанности и ощущения

²⁰ G. P. Murdock, *op. cit.*, p. 265.

²¹ Проблему кровосмешения подробно рассмотрел Лесли А. Уайт: Leslie A. White, *The Science of Culture*, New York, 1949 (раздел XI).

исключительности этой привязанности, взаимной эмоциональной зависимости, симпатии, идеализации партнера, интимности, стимуляции активности и т. п. (Анализ любви — это задача психологов.) Типы любви, например любовь, в которой доминирует вожделение, идеализация партнера (романтическая любовь), любовь платоническая, или интеллектуализированная, товарищеская, или любовь, ищущая общих радостей жизни, и т. д., являются важными факторами, определяющими позже ход супружеской жизни. Но любовь все же не единственный фактор выбора партнера, и нам известно много обществ, где молодые супруги впервые видят друг друга в день свадьбы. Факторы выбора партнера, наблюдаемые в различных типах обществ, можно расположить следующим образом: 1) Фактором выбора партнера может быть пространственная близость, даже дальнейшее родство, соседство, принадлежность к одному и тому же местному обществу. В обществах больших и малых городов мы часто встречаем такого рода бракосочетания только между знакомыми и дальними родственниками. 2) Далее назовем представления об идеальном партнере, которые проявляются у молодых людей в период приближения возраста, позволяющего вступить в брак; это может быть представление об идеальном муже, о чертах, которыми он должен обладать, чтобы супружеская жизнь сложилась в соответствии с мечтами. 3) Психологи во многих исследованиях отмечали, что на выбор очень часто оказывает влияние пример собственных родителей и желание найти партнера, отвечающего тому образцу, который был бы похож на отца или мать. 4) Черты личности и стремление к самоутверждению, означающее стремление к созданию собственной самостоятельной жизни, формирует также представление о партнере, который позволил бы их реализовать. Это не мечты о сказочном принце, но трезвая оценка жизненных возможностей партнера. 5) Стремление к гомогамии, то есть к поискам партнера, подобного себе, со сходными психическими или социальными чертами, либо стремление к гетерогамии, то есть к поискам партнера с совершенно отличными психическими или социальными чертами²².

²² См. Берджес и Локк, цит. работа.

Супружество — это общественно нормированное социальное отношение, в котором происходит превращение чисто личного чувственного влечения в устойчивое взаимное приспособление и совместную деятельность по выполнению задач супружества. Очевидно, что в тех обществах, где супруги не знакомы друг с другом до свадьбы, система прав, обязанностей, привилегий, связанных с браком, выдвигается на первый план. Переход от обручения к супружеству во всех культурах связан с обрядовой санкцией: религиозной или государственной, магической или социальной. Акт заключения брачного союза — это акт признания общественной зрелости, признание способности к выполнению обязанностей супруга, способности содержать семью, воспитывать детей.

Период взаимного приспособления личностей супругов — это в то же время период получения новых социальных ролей, выполняемых под контролем более широких общностей. Приспособление может происходить успешно, и супружество, особенно после рождения детей, превратится в гармоническую и спаянную группу; оно может перейти и в состояние постоянного антагонизма и вынужденного сотрудничества в выполнении родительских обязанностей, в заботе о детях и о домашнем хозяйстве; оно может превратиться в состояние постоянного напряжения, прерываемое вспышками конфликтов; оно может, наконец, закончиться разрывом и разводом супругов. Каждая супружеская пара, которая не распалась и имеет детей, проходит через три фазы развития: период до рождения первого ребенка, период воспитания детей, период после отделения ставших самостоятельными детей.

Достичь успеха в браке, избежать распада семьи и устойчивого антагонизма в отношениях между супругами — это важная социальная проблема. Внутренняя сплоченность супружества и семьи поддерживается воздействием как внутренних, так и внешних сил. К внутренним силам относятся: 1) взаимная любовь там, где она является решающей в выборе супруга; 2) чувство долга по отношению к супругу и детям; 3) взаимное стремление к продвижению, карьере, благоустроенности; 4) забота о совместном жилище, доме, домашнем хозяйстве, забота о детях, разделение труда в этой сфере;

5) осознанное или неосознанное стремление оправдать ожидания среды, родственников и более широких групп; 6) стремление к осуществлению собственных мечтаний и представлений периода обручения; 7) возможность гармонического развития личности и использование брака как средства реализации экспансивных стремлений личности. Внешние силы — это: 1) магические санкции, делающие иногда невозможным развод; 2) давление общественного мнения или системы санкций, когда отказывают в признанном положении в обществе людям из распавшихся семей; 3) давление экономических условий; 4) предъявляемые средой требования заботы о детях.

Следовательно, успех в супружестве — это результат действия сил, обусловленных личностями партнеров, их умением приспособиться, давлением возникающих в ходе совместной жизни внутренних сил, а также сил внешних. Под успехом в супружестве в различных обществах понимаются разные вещи: 1) достижение личного счастья, то есть полного приспособления супругов друг к другу, сексуальное удовлетворение, гармонизация личности, эмоциональное равновесие и чувственное удовлетворение, удовлетворение от успешной совместной реализации целей; 2) иногда же подразумеваются иные мерилла успеха супружества, а именно: выполнение супружеских задач, то есть наличие детей и воспитание их полноценными гражданами; достижение экономического успеха, то есть накопление имущества; выполнение ожиданий религиозных институтов, полное участие супругов в общественной жизни, общественная и культурная деятельность в местной среде и достижение успеха в этой деятельности. Разумеется, можно также измерять успех супружества мерами, объединяющими те и другие элементы. Проблема критериев успешности супружества — вопрос сложный. Можно считать критерием успеха: 1) прочность брака; 2) субъективное ощущение счастья у обоих супругов; 3) исполнение ожиданий более широких групп; 4) полное развитие личности супругов, развитие их способностей и активности, воспитание способных и активных детей; 5) достижение полного приспособления, внутренней интеграции супругов, отсутствие конфликтов и кризисов, вызванных антагонизмами между членами семьи.

Полный успех супружества независимо от того, какими критериями он измерен, имеет место довольно редко. Но отсутствие полного успеха не должно с необходимостью означать дезорганизацию и распад семьи. Сейчас мы остановимся на проблеме конфликтов, напряженности, дезорганизации и распада семьи. Конфликт — это столкновение, вызванное противоречиями установок, целей и способов действия по отношению к конкретному предмету или ситуации. Конфликты неизбежны, но они могут быть бесследно ликвидированы и разрешены. Напряженность же — это конфликт устойчивый и неразрешенный. Она может выражаться открыто, на нее можно воздействовать определенными репрессиями, и тогда она накаливается и набирает эмоциональную силу. Открытые конфликты — явление частное, но не угрожающее взаимному приспособлению. Накопившаяся напряженность ведет к постоянному раздражению, к агрессивности и может привести к дезорганизации семьи, то есть к пренебрежению своими обязанностями со стороны одного или обоих супругов, супружеской неверности, пьянству и т. д., либо к распаду семьи. Напряженность в супружестве может быть психогенной, возникающей из несходства характеров, психических черт, несоответствия стремлений и запросов и т. п. Она может возникать из противоположности культурных образцов, привнесенных в семью супругами из различных классов или различной среды. Напряженность возникает также тогда, когда изменяется установленная социальная роль, например, когда муж теряет работу и жена становится единственным кормильцем или когда муж заканчивает учебу и занимает высокое положение, к которому жена не может приспособиться. Она может возникать из невозможности чувственного и сексуального приспособления. Наконец, напряженность может возникать на экономической почве и на почве ведения домашнего хозяйства.

До сих пор мы говорили о напряженности между супругами. Но конфликты и напряженность могут возникать также между родителями и детьми. Они возникают из разницы возрастов и различия характеров, обусловленного возрастом, когда разница в возрасте между родителями и детьми велика и затрудняет взаимопонимание. Но чаще они возникают из разницы культурных

образцов, ибо дети уже воспитываются в иной цивилизации, то есть значительно изменившейся по сравнению с той, в которой воспитаны родители. На этой почве возникает конфликт ценностей, конфликт между образцами поведения. Эти конфликты более трудны для разрешения, чем конфликты между супругами, и часто ведут к устойчивой напряженности, если родители и дети не примиряются на основе снисходительной терпимости. Родители склонны трактовать свое отношение к детям так, как будто существует какой-то договор между ними и родившимся ребенком, который накладывает на них ряд обязанностей, забывая, что дети появились на свет в результате односторонних действий родителей, по воле родителей и их желанию иметь детей, а потому их обязанности также односторонни. Конфликт может возникать также на почве установки родителей, рассматривающих детей как игрушки. Родители также склонны считать, что та система ценностей, в которой они воспитаны, лучше той, которую вместе с современной культурой принимают дети. Конфликт возникает также вследствие того, что под влиянием иллюстрированных изданий, кино, телевидения в молодом поколении зарождаются стремления и запросы, которых семья не может удовлетворить и которые вследствие этого подвергаются репрессии.

Какие созданы образцы и способы аккомодации при конфликтах и напряженности в семье? Фактором аккомодации может быть воля к достижению счастья и успеха семьи; аккомодация может происходить под влиянием романтической любви, которая, будучи сохранена, облегчает приспособление; под влиянием установки на терпимость, снисходительность, вникания в положение и стремления партнера; под влиянием страха перед распадом семьи и утратой ценностей, добытых совместно; под влиянием давления социального контроля. Аккомодация значительно облегчена в тех семьях, которые рассматривают совместную жизнь как продолжение периода ухаживания, как завоевание партнера заново. Устранение же конфликтов между поколениями возможно лишь при терпимости и терпеливом управлении биопсихическими импульсами детей, устранении грубой репрессии и раннем налаживании товарищеских отношений с детьми.

Если устранение напряженности и конфликтов не удастся, то мы имеем дело с явлением кризиса семьи. Под кризисом мы понимаем возникновение какой-то новой ситуации, в которой неприемлемы известные и применявшиеся до тех пор образцы деятельности, которая не может быть разрешена при помощи этих способов деятельности, и существенные потребности индивидов или всей группы остаются неудовлетворенными. Какие виды кризисов могут возникать в семье? 1) Супружеский треугольник, вступление одного из супругов в отношения с третьим лицом, когда другой супруг знает об этом. 2) Отказ от надежд периода обручения или же крушение надежд в отношении детей. 3) Клеймо позора на одном из супругов, которое влечет за собой для него и для семьи социальную деградацию: например, пьянство, совершенное преступление, внебрачный ребенок или другой факт, признанный неприемлемым. 4) Экономический кризис, подрывающий экономические основы семьи. 5) Житейские катастрофы и несчастья, такие, как пожар, эпидемия и т. п. 6) Война, долгая разлука и сопутствующая войне деморализация. Эти кризисы могут привести к дезорганизации семьи, то есть к невыполнению обязанностей супругов по отношению друг к другу и по отношению к детям.

Дезорганизация может привести к распаду семьи. Распад семьи принимает форму ухода одного из супругов, отделения и развода. Наконец, каждое супружество, даже самое счастливое, распадается из-за смерти.

Жизнь семьи, фазы ее развития, ее структура и изменения во внутренней жизни зависят от изменений в развитии цивилизации, более широких общностей и глобального общества. Промышленная революция повлекла за собою ряд процессов, которые путем эмансипации женщин, доступа женщин к образованию и к профессиональному труду изменили их роль в семье, привели к ограничению многих функций, прежде всего экономических, и т. д. Развитие индустриального общества, изменения в демографической структуре, преобразования, происходящие в общественных классах, социальные и политические революции всегда вызывают определенные изменения в жизни семьи. Однако настойчиво повторяющиеся на протяжении 150 лет теории о повсеместном и принципиальном кризисе семьи, утверждающие, что в

современной промышленной цивилизации семья перестает выполнять свои социальные функции, что она становится разлагающимся институтом, институтом в упадке,— словом, различные катастрофические теории разложения семьи фактами не подтверждаются. Семья изменяет структуру и функции, приспосабливается к изменившемуся глобальному обществу. Эти изменения вызывают различные явления, неизвестные прежде. Однако число заключенных браков не падает ни в одной стране. Внутренние силы семьи достаточно могучи, чтобы какое-либо внешнее давление могло «уничтожить» ее как институт²³.

Целевые группы

Семья — это особый тип социальной жизни, удовлетворяющий чисто личные потребности, которые, однако, исключительно важны для устойчивости группы, поэтому их удовлетворение вызывает интерес и находится под контролем более широких групп. Семья вместе с тем — это первичная группа, и ее внутренние силы образуют импульсивно-эмоциональную связь, и в представлении среды, которую семья частично принимает, она также целевая группа, предназначенная для реализации задач, «заданных» более широкими группами. Однако основные функции семьи — поддержание биологической и культурной непрерывности — вытекают из ее природы как первичной группы, и социологи, как правило, обращают главное внимание на эти ее черты.

Целевые группы в точном значении этого слова — это группы, созданные с сознательным предположением, что

²³ Jerzy Piotrowski, *Praca zawodowa kobiety a rodzina*, 1963; Magdalena Sokółowska, *Kobieta pracująca*, Warszawa, 1963; Jan Lutyński, *Badania nad młodymi małżeństwami*, «Przegląd Socjologiczny», 1960, z. I; Antonina Kłoskowska, *Badania modelu rodziny w łódzkim środowisku robotniczym*, там же; Franciszek Jakubczak, *Badanie postaw wobec pracy kobiet w środowisku warszawskich metalowców*, там же; Ewa Kaltenberg, *Rodzina i dom warszawskiego metalowca*, «Biuletyn IGS», 1961; Adam Kurzynowski, *Aktywizacja zawodowa kobiet zamężnych w Płocku w latach 1931—1960*, 1963; Hanna E. Malewska, *Z badań nad życiem seksualnym*, «Kultura i Społeczeństwo», 1961, № 2.

они будут стремиться к достижению целей, либо определенных замыслами организаторов, либо выраженных в формализованном статуте. Но могут существовать также целевые неформальные группы. В их основе, как и в основе всех областей общественной жизни, лежат определенные человеческие потребности, которые в ходе совместной жизни принимают форму различных интересов. Под «интересом» мы будем здесь понимать какой-либо предмет, комплекс предметов или положение вещей, достижение которого индивид или группа считают желательным или необходимым для своей жизни, которые мобилизуют в ней эмоции, стремления и установки на действие для его достижения. В обиходном языке интересом обычно называется устойчивое стремление к достижению какой-либо цели, считающейся важной. Психологи, определяя интерес, делают ударение на чувство влечения и акт воли, направленной на достижение чего-либо; экономисты более склонны подчеркивать объективное положение вещей, которое должно быть достигнуто. В любом случае человеческие потребности в общественных условиях превращаются в интересы. Стремление к удовлетворению материальных потребностей в определенных классовых обществах приобретает форму безудержного стремления к прибыли, а следовательно, форму экономических интересов. Итак, в каждом интересе следует различать биопсихические потребности и импульсы, общественно-определенное положение вещей или предметы, которые могут их удовлетворить, и общественно установленный способ и механизмы стремления к их достижению.

Человек может стремиться к достижению своих целей тройным способом: самостоятельно, не оглядываясь на то, что делают другие; в борьбе с другими, когда он стремится к получению предметов или достижению какого-то положения вещей, к которому стремятся также и другие, и ему нужно им противостоять; в сотрудничестве с другими, причем это сотрудничество регулируется и определяется организационными предписаниями, соединяющими сотрудничающих людей в целевую группу. Очевидно, целевые группы создаются также для борьбы с другими группами. Целевые группы называются также иногда объединениями. Иногда термин «объединение» сохраняется для целевых групп, возникших добровольно,

на основе добровольного соглашения членов, желающих совместно достигнуть реализации цели, для которой объединение и было создано. Следовательно, даже наемная армия не является объединением, хотя она — целевая группа, ибо она не есть результат добровольного вступления членов и не может быть распущена по желанию всех солдат.

Целевые группы могут быть разного рода, в зависимости от характера интересов объединяющих их членов. Они могут быть группами, реализующими экономические, политические, культурные, научные, спортивные, развлекательные, благотворительные, товарищеские цели, могут служить каким-либо местным интересам, например Общество друзей Лодзи, могут иметь целью охрану своих членов, например профсоюзы, защиту прав женщин, опеку над детьми, борьбу за какие-либо социальные реформы, пропаганду каких-либо общественных идей, охрану здоровья и т. д. Содержательные цели групп могут быть разными, и это различие в целях вызывает, конечно, различие в составе членов, объеме и способах деятельности и т. д. Отдельные разделы конкретной социологии, например социология политики, социология труда и промышленности, социология науки и другие разделы, занимаются конкретным анализом целевых групп, выступающих в этих сферах общественной жизни. Мы здесь займемся лишь некоторыми общими чертами организации этих групп, схемой, которая в определенных пределах позволяет приступить к ее анализу независимо от содержательных целей групп.

Целевые объединения охватывают людей, стремящихся к сходным целям, которые могут стать целями общими. Кстати, подчеркнем различие между «сходным» и «общим», играющее важную роль в общественной жизни²⁴. Общие цели — это цели людей, связанных очень близкими личностными отношениями. Когда эти личностные отношения отсутствуют, когда все вместе стремятся к достижению определенной цели, но думают о себе, а не о группе, тогда цели только сходны. Далее, целевые группы часто объединяют очень много членов, которых, кроме сходства целей, ничто не связывает. Отсюда воз-

²⁴ Важность этого различия подчеркивают Махайвер и Пейдж, цит. соч., стр. 32.

никают некоторые общие черты объединений. 1) Они должны создавать систему организаций, обеспечивающих опосредованное сотрудничество членов, которые не встречаются непосредственно, не интересуются личными чертами других членов, а интересуются другими членами лишь как реализаторами общих или сходных целей. 2) Отсюда вытекает далее, что в целевых объединениях преобладают отношения, носящие характер «контракта», характер соглашения между членами. Это вовсе не исключает того, что в рамках объединений могут возникать и возникают первичные группы и сильные личные интересы, отношения дружбы и близкого товарищества. Но формальная система опосредованного сотрудничества должна с необходимостью приводить к созданию формализованных видов отношений, доминирующих в деятельности объединения, регулирующих разделение труда и направление деятельности целого. 3) Наконец, в целевых объединениях должна создаваться «атмосфера безличности», то есть способ решения вопросов и осуществления деятельности объединения становится независимым от влияния личных черт его членов. Конечно, всякое решение вопроса любым человеком несет на себе какую-то печать его личных черт, но здесь речь идет о том, что способ решения вопросов регулируется и каждый член объединения должен придерживаться установленного образа действия в границах допустимого отклонения.

Эти общие черты влекут за собою дальнейшие следствия. Целевые объединения должны развивать систему стимулов, побуждающих вступать в их ряды и активно участвовать в их деятельности. Затем они должны развивать способы и каналы взаимопонимания между членами. Эта система внутренней коммуникации в больших целевых объединениях является существенным условием внутренней сплоченности. Отсюда необходимость во внутренних бюллетенях, собственной прессе, собраниях и других формах контактов и взаимопонимания между членами. Далее, каждое объединение должно обладать развитой системой формализованного контроля над деятельностью членов, функционированием институтов объединения. Поэтому даже небольшой научный студенческий кружок выбирает собственную «ревизионную комиссию», контролирующую деятельность руководства, сбор

взносов, организацию собраний. Каждое объединение создает также свои институты, учреждения и методы поддержания контактов с другими группами и общностями и обеспечения безопасности группы от агрессии или угрозы извне.

Итак, как видим, основную роль в деятельности и развитии целевых объединений играет их формальная организация. В некоторых целевых группах, таких, как различного рода предприятия, армия, некоторые типы политических объединений, выработался особый вид формальной организации, характеризующейся четырьмя чертами: 1) разделение труда и специализация функций, направленные на повышение эффективности деятельности; 2) разделение труда, а часто также его пространственное размещение требует делегирования власти, то есть передачи части полномочий по принятию решений нижестоящим руководящим и контролирующим звеньям. Таким образом создается иерархия должностей, и лица, занимающие эти должности, имеют определенный, четко очерченный объем прав и возможность давать поручения другим; 3) делегирование власти требует установления постоянных линий коммуникации и схематических способов передачи информации. Система коммуникации определяет, кто, каким образом, когда и кому должен передавать информацию, отчеты, мнения и т. д.; 4) наконец, формальная организация целевых объединений требует установления системы координации действий, то есть определения того, каким образом разделенный труд может складываться в целое, реализующее цели объединения.

Подчеркивая важность формальной организации в целом, мы не хотим при этом забывать и о важности неформальной организации, системы неформальных групп, спонтанно созданных способов деятельности, которые модифицируют формальную организацию, упрощают ее, персонализируют, то есть делают зависимой от черт личности членов, и таким образом создают наряду с системой предписаний; существующей «на бумаге», действительно функционирующую систему организаций данного объединения. Иногда внутри объединения создаются более мелкие группы, которые формализуются на основе использования возможностей, созданных объединением, для скорейшего достижения собственных целей, или же

создаются неформальные группы, использующие объединение для личной выгоды. Иногда эти группы, созданные внутри объединения, противодействуют системе формальной организации, особенно когда она окостеневаает, и выступают под лозунгом реформ.

Центром этих малых групп бывают лидеры, которые в силу институциональных полномочий имеют больший объем инициативы и ответственности за объединение. Как движение за реформы, так и патологические явления использования целевых групп для личной выгоды возможны, если они находят поддержку на более высоких ступенях иерархии должностей, осуществляющих власть. Поэтому каждое объединение создает аппарат контроля за своими властями в виде контроля снизу, собраний, обязательной отчетности, организации институтов контроля и т. д.

В целевых группах особенно важную роль играют лидеры. В период образования объединения они содействуют осознанию его членами своих интересов и таким образом поощряют их к присоединению. Кроме того, они организаторы, то есть создатели формальной организации. Они руководители подчиненного им персонала, а также членов объединения, которым они указывают пути к реализации целей объединения. Их задача — создание и поддержка позитивных установок членов относительно объединения в целом, его целей, институтов и ценностей. Они должны возбуждать веру в собственные силы и в возможности объединения. Особые черты лидера зависят от характера интересов и содержательных задач объединения. Можно, однако, выделить лидеров — организаторов, руководителей, лидеров типа «пророка», наставника и председателя, энтузиаста. Во всех целевых объединениях возникают явления конфликтов между лидерами и явления отбора лидеров, осуществляемого либо всеми членами (в малых объединениях), либо группами, осуществляющими власть (в больших группах). Роль лидера таит в себе опасность, что он превратится в ограниченного фанатика цели объединения, бескомпромиссно требующего от себя и от членов реализации принципов и целей, изложенных в статуте, неспособного к гибкой деятельности; что он будет использовать свое положение для личной выгоды; что он придаст всей деятельности направление, изменяющее принципиальные цели объеди-

нения. Поэтому борьба между лидерами и различными концепциями и интерпретациями целей — повсеместное явление в целевых объединениях.

Но конфликты могут возникать не только между лидерами, но и между членами или подгруппами. Они могут возникать между отдельными подразделениями, выполняющими различные функции в процессе разделения труда. Поэтому проблема внутренней интеграции, сплочения членов, подчеркивания общности интересов, мобилизации позитивных установок и побуждения членов к интенсивному участию возникает в каждом целевом объединении. Они создают целую систему стимулов, повышающих интенсивность участия членов. Мы лишь перечислим их, не касаясь механизма их функционирования. Это — лозунги, фразы (slogany), призывы, шествия с флагами и символами группы, ношение знаков, организация парадов, торжественный ритуал приема новых членов, торжественное присвоение звания, торжественное вручение наград, знаков отличий, почетных титулов, орденов, ношение красочных мундиров и т. д. Каждый из нас может легко себе представить на основе собственного опыта, какие системы, поднимающие степень активности, применяют, например, хардкерские союзы, профсоюзы, политические партии, религиозные организации или другие массовые организации.

Кроме того, каждое объединение создает определенные механизмы разрешения конфликтов между лидерами, членами и устранения ситуаций, которые из этих конфликтов возникают. Существует четыре типа таких общественных механизмов, разрешающих подобные ситуации и обеспечивающих внутреннюю сплоченность объединений. 1) Создание власти и придание ей полномочий требовать от членов выполнения их обязанностей, а также создание системы формальных санкций — негативных и позитивных, — которыми власть располагает. Власть может создать в объединении формальное единство действий членов путем репрессии действий, признанных нежелательными, а также путем создания мифа о собственной исключительности, непогрешимости, завсевывая признание высокими достижениями. Однако добровольные объединения неохотно подчиняются слишком сильной власти, опасаясь ее вырождения и превращения в диктаторскую клику. 2) Поэтому и создаются социальные

механизмы для достижения компромисса между антагонистическими индивидами или подгруппами. Компромисс основывается на взаимных уступках и признании взаимных частичных выгод. В результате создается формальное единство: различия в установках остаются, но в действиях не проявляются. 3) Обращение к голосованию и к решению большинства. Этот демократический ход применяется очень часто в тех объединениях, в которых окончательное решение принадлежит общим собраниям, съездам, референдумам или другим способам обращения к решению всех членов группы. Это означает, что дискуссия не привела к выяснению и взаимопониманию, что решает большинство, что различие в установках остается и остаются также чаще всего различия в действиях. 4) Интеграция достигается на основе дискуссии, приводящей к общему согласию, к единству установок и действий бывших антагонистов.

Бюрократия

Рассматривая целевые группы, мы должны также рассмотреть явление, которое возникло в них и приобрело большое значение в современных обществах, а именно бюрократию. В социологическом значении этого слова бюрократия — это определенная рационализированная и деперсонализированная система управления и руководства, обеспечивающая максимальную четкость и эффективность деятельности институтов, администрации, предприятий или других целевых групп. Говоря упрощенно, бюрократия — это метод четкого решения вопросов. В своем современном виде она развилась вместе с развитием современных промышленных предприятий и государственной администрации как применение метода рационализации к умственному труду и прежде всего к руководству большими социальными группами. Это метод работы администрации (управления и руководства), основанный на поручении функций лицам, специализировавшимся в их выполнении; на создании системы служебной зависимости, в которой работник подчинен только одному начальнику и от него получает директивы, касающиеся выполнения его работы; работник выполняет свои задания в рамках рационализированного разделения труда,

его труд целиком отделен от его личных дел; работник трудится и решает вопросы только в пределах своей компетенции и квалификации; работа протекает в рамках установленной служебной иерархии и постоянно контролируется; работа не зависима от частных и внеслужебных связей между работниками, начальниками и подчиненными; продвижение и карьера работника зависят от качества выполняемой работы и уровня квалификации.

Бюрократия — это система организации труда, имеющая целью обеспечить особенно четкое и эффективное функционирование институтов и целевых групп в целом. Если перечисленные условия выполнены, то работа происходит исключительно для реализации целей объединения, направляется его интересами, постоянно контролируется — словом, администрация или институт действует как безличная, исправная машина. Но если эти условия не выполнены, то возникает явление вырождения бюрократического аппарата. Оно проявляется тогда, когда бюрократический аппарат начинает превращаться в машину, функционирующую не только для решения содержательных вопросов, для которого она и была создана, но для себя самой. Иначе говоря, любой бюрократический аппарат требует определенных вспомогательных функций, делающих возможным его функционирование, а также предписаний, определяющих то, как следует решать вопросы. Если эти вспомогательные функции и предписания, регулирующие работу, начинают затруднять решение существенных вопросов, тогда начинается процесс эмансипации аппарата от существенных целей и процесс его вырождения. Так возникает явление «бюрократии» как машины, работающей вхолостую, только для себя²⁵.

²⁵ Наиболее обширным источником информации о социологии бюрократии является хрестоматия Мертона и других. См.: R. K. Merton, ed. *Reader in Bureaucracy*, Free Press, 1953; Amitai Etzioni, *Complex Organizations*, New York, 1961. См. также: A. Szarata i K. Doktor, *Elementy socjologii przemysłu*, op. cit., s. 91 и далее; Ryszard Panasiuk, *Problem biurokracji we wczesnej twórczości Marksa*, «*Studia Filozoficzne*», 1964, № 1, Полезно также напомнить великолепный реферат Гейгера: T. Geiger, *Biurokratyzm a wychowanie*, «*Kultura Pedagogiczna*», 1934, t. I, z. 4, s. 305—357. См. также: T. Breza, *Spizowa brama*, I wyd. 1960, s. 62—78.

Теоретики «организационного» общества подчеркивают, что появление целевых групп с необходимостью ведет к развитию бюрократии и к возникновению «больших организаций». Некоторые социологи подчеркивают, что в каждой целевой группе действует «организационный императив», основанный на том, что каждая организация должна сначала удовлетворить собственные потребности, прежде чем она начнет действовать и удовлетворять существенные потребности, для которых она создана. Например, прежде чем бюро составления прошений начнет удовлетворять потребности клиентов, оно должно «организоваться», то есть создать собственную систему руководства, разделения труда, материального снабжения и т. д.²⁶ Некоторые социологи утверждают также, что в каждой организации и целевой группе или в малых целевых группах действуют четыре основные тенденции: 1) тенденция к единству и консолидации; 2) тенденция к координации и централизации; 3) тенденция привлечения специалистов к руководству отдельными делами; 4) в конце концов создается специализированное центральное руководство. Организационный императив способствует созданию бюрократии во всех целевых группах, а эти четыре тенденции приводят к образованию больших организаций. Действие этих четырех тенденций в религиозных организациях Соединенных Штатов наглядно показал Роберт Ли²⁷.

Территориальные общности

Территориальными общностями мы называем те общности, члены которых связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории. Территориальными общностями являются: город, поселок, село, хутор, отдельный район города, а в некоторых аспектах также и государство. В этих общ-

²⁶ См.: Ph. Selznick, *An Approach to a Theory of Bureaucracy*, «American Sociological Review», 1943, VIII, p. 48.

²⁷ Robert Lee, *The Organizational Dilemma in American Protestantism*, в: «The Dilemma of Organizational Society», ed. H. M. Ruitenberg, New York, 1963.

ностях протекают экологические процессы, то есть процессы, происходящие между индивидами и группами, возникающие из их связи с географической средой. Внутренняя организация этих общностей определенным образом приспособляется к условиям среды. В них происходят процессы пространственной концентрации, текучести населения, миграции, соперничества из-за пространства, необходимого для удовлетворения потребностей, и другие. Исследованием отношения человека к его географической среде и процессов, которые отсюда возникают в общественной жизни, занимается экология людей (названная так в отличие от экологии животных и растений). В изучение территориальных общностей экологическая школа внесла ряд интересных теорий и методов исследования²⁸. Отношение индивидов и групп к географической среде и территории можно лучше всего наблюдать на примере развития, которое проходит оседлое население от охотничьих стойбищ через сельские поселения до малых и больших промышленных городов, расположенных на той же самой территории. Изменение способа производства, методов добывания средств удовлетворения потребностей, численности населения и его плотности меняет также отношение к земле и географическому пространству, внутреннюю организацию общности, ее расположение в пространстве. Под влиянием этого взаимодействия сил природы, действующих в географической среде, техники производства, применяемой для добывания на этой территории средств удовлетворения потребностей, типа культуры, которую развили люди, населяющие эту местность, создаются разные типы организации территориальных общностей. Не входя в специальные проблемы и не предпринимая попыток полного описания и классификации этих общностей, укажем общие черты некоторых из них.

Постоянные стойбища и поселения первобытных людей, занимавшихся собирательством, рыболовством, примитивным пастушеством и примитивным земледелием, образуют один тип, впрочем очень дифференцированный. Мы не будем здесь им заниматься, ибо его исследованием занимаются этнография и этнология. Во всяком случае переход от кочевничества к оседлости происходил

²⁸ См.: J. S z c z e r a ń s k i, Socjologia, op. cit., s. 215—221.

медленно и так же постепенно формировались типы первобытных поселений. Они известны в настоящее время по первобытным общинам, существовавшим во второй половине XIX века, или по современным поселениям, выполняющим экономические, оборонные и социальные функции. Они имеют устойчивый образец пространственной организации: площадь для собраний, местопребывание основных институтов, помещения для скота или лошадей, место обмена и т. д. Другим, уже сформировавшимся типом поселения является земледельческое село, разные типы пространственной организации которого уже подробно исследованы и описаны²⁹. Более сложную пространственную систему имеет уже сельскохозяйственно-торговый или сельскохозяйственно-промышленный городок. Малые города этого рода, еще часто встречающиеся в Польше, имеют уже определенные специализированные районы, в которых сосредотачиваются торговые институты, институты обслуживания, ремесленное производство, промышленное производство, уже обладают административным центром, внутренней коммуникативной сетью. Далее, мы можем выделить специализированные поселки и города; перед войной, например, у нас были такие поселения, как Гарволин — поселок кузнецов. Но это могут быть и торговые поселения, являющиеся торгово-обменными пунктами для больших земледельческих областей, городки и промышленные поселки, сосредоточенные вокруг нескольких больших или средних промышленных предприятий³⁰. Наконец, города, а особенно большие города, являющиеся характерной чертой технической цивилизации. Развитие больших городов — один из наиболее характерных процессов современных обществ. В 1800 г. на земном шаре существовал 21 город, насчитывающий более 100 000 жителей. В 1940 г. таких городов было уже 720. В 1802 г. Лондон был единственным городом, где число жителей достигло миллиона. В 1940 г. таких городов было 40. Урбанизация, или процесс сосредоточения людей в больших городах, и создание специфической культуры больших городов, характерного обра-

²⁹ См., например: Józef Burszta, *Od osady słowiańskiej do wsi współczesnej*, Wrocław, 1958.

³⁰ Библиографию исторических работ приводит Стефан Краковский. См.: Stefan Krakowski, *Problematyka miejska w historii polskiej*, Łódź, 1950, *Prace Instytutu Historycznego* VI.

за общественной жизни — это в настоящее время повсеместный процесс. Городская культура и стиль жизни благодаря таким средствам массового культурного воздействия, как радио, телевидение, пресса, иллюстрированные журналы, кино, достигают сел, поселков, малых городов, заменяя традиционные и специфические для этой среды образцы поведения и деятельности. Ниже мы еще будем говорить об этих явлениях. Поэтому социальной жизни больших городов мы должны уделить больше внимания.

Большие города располагаются в пространстве в соответствии с несколькими схемами, выступающими более или менее отчетливо. Исследователи городов обычно выделяют три такие основные схемы пространственной структуры города: 1) концентрическая структура, 2) структура секторов, 3) полицентрическая структура.

Концентрическая структура, описанная чикагской экологической школой в межвоенный период³¹, выделяет в городах пять основных поясов (stref): а) центральный административно-торговый пояс (business district), в котором сосредоточиваются железнодорожные станции, отели, большие магазины, конторы, банки, местопребывание городских властей, редакции газет, центры транспорта и услуг, театры. Днем этот район необычайно переуплотнен, но в нем мало жилых домов; б) второй пояс в американских городах — это промежуточный (interstitial), населенный беднотой; он застроен дешевыми жилыми домами, дешевыми увеселительными заведениями; дешевые магазины и лавки, концентрация преступности и проституции, азартных игр, низкопробных зрелищ, кабаре и т. д. — вот важнейшие, характерные учреждения этого пояса, населенного чаще всего иммигрантами, людьми неустроенными, имеющими малый доход. Это пояс текучего населения, с большой пространственной и социальной мобильностью; в) третий пояс заселен постоянным рабочим населением и низшими слоями среднего класса; г) четвертый пояс — это район или ряд районов, заселенных высшими слоями средних классов и высшими, богатыми классами. Это пояс роскошных апартаментов и резиденций; д) наконец, пояс, выходящий уже

³¹ Впервые эта система была описана в книге Парка и Берджесса См.: R. E. Park and E. W. Burgess, *The City, Chicago*, 1925.

за границы собственно города, пригородный пояс, заселенный людьми, ездящими в город на работу и ищущими в рамках города возможности удовлетворить различные потребности. Эта схема, очевидно, не может применяться слишком строго. Она является результатом не целенаправленной планировки города, а результатом действия сил, спонтанно развивающихся в капиталистическом обществе, результатом действия конкуренции, земельной ренты, классового деления и межклассовых барьеров, которые в этом обществе возникают. Разрастание промышленных городов создало, однако, и другие схемы, ибо локализация промышленности, трудности ее перемещения, а затем и законодательство, регулирующее застройку городов, привели к созданию других структур.

Поэтому некоторые исследователи развили концепцию секторной структуры, утверждая, что города застраиваются скорее районами, а не концентрическими поясами. Они выделяют следующие сектора: центральный сектор, имеющий те же самые черты, что и описанный выше, сектор легкой промышленности и предприятий обслуживания, жилищный сектор бедных классов, жилищный сектор средних классов, жилищный сектор богатых классов³².

Наконец, схема полицентрической структуры добавляет к этим секторам и районам еще следующие: сектор тяжелой промышленности, внешний торгово-обслуживающий сектор, предместья с резиденциями, предместья промышленные и внешние, заселенные приезжающими людьми.

Эти схемы являются определенными конструкциями, обобщающими экологические закономерности пространственного развития городов. Факторы, изменяющие пространственную структуру больших городов,— это прежде всего развитие промышленности и изменения в технике производства, в использовании видов энергии и сырья, средств транспорта и коммуникаций, изменения цен на землю. Современная тенденция к разрастанию предместий, которую мы наблюдаем в больших промышленных городах всего мира,— это прежде всего результат мас-

³² Эту концепцию представил Хойт. См.: H. Hoyt, *The Structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities*, Washington, 1939.

сового распространения автомобилей, легкости доставки людей от места работы до места жительства, развлечения и покупок, а также результат трудностей нахождения достаточной площади под гараж для автомобилей.

Как мы уже упоминали, развитие больших городов повлекло за собой культурные и социальные явления, обозначаемые термином «урбанизм». Большой город, сосредоточивающий на относительно небольшой территории несколько сотен тысяч или несколько миллионов человек либо создающий вокруг себя большие «территории метрополии», находящиеся в тесной зависимости от институтов города и стиля его жизни, порождает ряд характерных социальных явлений. К ним относится большое число вещественных контактов и преобладание вещественных контактов над личностными. Далее, разделение труда и специализация приводят к сужению интересов, и прежде всего к ограничению интереса к делам других людей, соседей по дому и месту жительства. Отсюда возникает явление все большей изоляции, уменьшение давления социального неформального контроля, ослабление уз личных отношений. Последствие этого — увеличение признаков социальной дезорганизации, рост преступности, отклоняющегося от принятых норм поведения, увеличение числа дезорганизованных личностей. Но, с другой стороны, большие города — это центры более напряженного умственного труда, здесь легче образуется интеллектуальная и художественная среда, они сильнее стимулируют интенсивный труд и являются могучим фактором прогресса в области техники, науки и искусства³³.

Традиционное сельское общество, такое, каким оно было до периода интенсивной урбанизации и внедрения техники в земледельческий труд, обладало иными характерными чертами. Ритм производственной деятельности в сельском хозяйстве был связан с ритмом природы, результаты труда больше зависели от факторов, над которыми сельские жители были не властны. Поэтому их

³³ См.: P. K. Hatt and A. J. Reiss, eds., *Cities in Society. Revised Reader in Urban Sociology*, Glencoe Ill, 1957; T. L. Smith and C. A. McMahan, eds., *The Sociology of Urban Life*, New York, 1951; L. Mumford, *The Culture of Cities*, 1938; Paweł Rybicki, *Problematyka środowiska miejskiego*, «Przegląd Socjologiczny», 1960, t. XIV.

образ мышления и выработка мировоззрения находились под сильным влиянием иррациональных факторов. В деревне была меньшая социальная дифференциация, меньшая плотность населения, а результатом этого была большая внутренняя сплоченность локального общества, вытекающая из преобладания личных контактов и исправного действия механизмов неформального социального контроля. К тому же подвижность населения в деревне меньшая как по вертикали, так и по горизонтали. Структура сельского общества охватывала прежде всего семью, соседство как группу семей, связанных отношениями взаимопомощи, товарищескими отношениями и др., а также сельское общество как комплекс семейно-соседских групп. Сельская семья была, как правило, семьей трех поколений; ее материальной основой было земледельческое хозяйство; ее внутренняя организация определялась циклом работ в хозяйстве и разделением труда в этом хозяйстве. Связь с землей отражалась не только на экономической стороне жизни сельской семьи, но также и на ее психологии, культуре, системах ценностей и отношении к другим группам³⁴.

Под влиянием вторжения в замкнутое и в значительной мере самообеспечивающееся традиционное сельское сообщество новых институтов, созданных в более широких группах, таких, как школа, целевые объединения, под влиянием применения машин и новых рациональных способов ведения хозяйства, под влиянием развития средств транспорта и коммуникации, прессы, радио, кино и телевидения, при одновременном воздействии перемен в классовой структуре общества, индустриализации и политических перемен, традиционное сельское сообщество подвергается урбанизации; различие между деревней и городом значительно уменьшается, и городской стиль жизни проникает также и в деревню. Специальное исследование этих процессов — задача социологии деревни,

³⁴ Из богатой польской литературы, посвященной деревне, назовем: J. Chałasiński, *Młode pokolenie chłopów*, op. cit. t. 4; K. Zawistowicz-Adamska, *Spółeczność wiejska*, 1958; B. Gałęski, *Spółeczna struktura wsi*, Warszawa, 1962; D. Gałaj, *Aktywność społeczna-gospodarcza chłopów*, Warszawa, 1961; Stefan Nowakowski, *Przeobrażenia społeczne wsi opolskiej*, Poznań, 1960; Zbigniew Wierzbicki, *Zmiana w pół wieku później*, Warszawa, 1963; см. также: «Roczniki Socjologii Wsi».

подобно тому как исследование городов и происходящих в них процессов — предмет социологии города³⁵.

Оба эти раздела социологии занимаются также исследованиями более широких областей, образующих определенные географически-экономико-социальные целостности, в которых объединяются села, малые и большие города, области, находящиеся под влиянием либо больших городов, либо особой концентрации промышленных, культурных институтов или институтов обслуживания.

Социальные слои и классы

Говоря о структуре групп и общностей, мы упоминали о дифференциации социальных позиций, занимаемых индивидами в рамках группы, о том, что эти позиции могут быть расположены в определенной иерархии, то есть одни признаются высшими, другие — низшими, что эти позиции создаются определенными совокупностями людей, обладающих идентичными или сходными позициями. Мы говорили также о дифференциации слоев и классов, образующих макроструктуру больших групп. Теперь займемся теми формами социальных общностей, которые образуют слои и классы.

Понятие класса в общественных науках употребляется в статистическом значении для обозначения совокупности людей, обладающих определенными чертами. Мы здесь для обозначения таких совокупностей вводим термин «категория». Понятие класса мы сохраняем и употребляем только в его социологическом значении, и под общественными классами мы понимаем «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»³⁶. В процессе возникновения и развития общественных классов существ-

³⁵ См.: В. Gałęski, *Chłopi i zawód rolnika. Studia z socjologii wsi*, Warszawa, 1963.

³⁶ В. И. Ленин, Великий почин, Соч., т. 29, стр. 288; Исторический материализм, под общей редакцией чл.-корр. АН СССР

вует такая фаза, когда люди, находящиеся в положении, определенном выше приведенной дефиницией, еще не связаны внутренней связью сознательных отношений, а лишь связью объективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. Тогда мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще «класса для себя», то есть не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых экономических и политических интересов.

Возникновение, развитие, общественные черты классов зависят от более широких, исторически сложившихся типов «общественно-экономических формаций», или типов глобального общества, детерминированного системой производственных отношений, в рамках которых они существуют и функционируют. Существуют, однако, некоторые черты, общие классам и социальным слоям, возникающим в «классовых формациях» (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая), и ими прежде всего мы будем здесь заниматься. Сами классы — сложные образования, и в их рамках можем выделить социальные слои. Некоторые слои находятся на границе между классами, и поэтому, говоря о классовой структуре какого-либо глобального общества, правильнее говорить о структуре слоев и классов.

Как я уже упоминал в разделе, посвященном социальной структуре, деление общества на слои и классы — это основное деление, определяющее в широком объеме содержание социальной жизни семьи и других групп и общностей, которые возникают в рамках классов, а также влияющее на явления и процессы, происходящие в группах и общностях, объединяющих членов, принадлежащих к различным социальным слоям и классам. Отсюда вытекает важность их анализа для социологических исследований и теорий.

Систематический анализ классов мы начнем с введения понятия социальной *дифференциации*. Члены общности могут быть дифференцированы на основе различных особенностей: основой дифференциации могут быть

биологические особенности (пол, возраст, раса); интеллектуальные особенности, такие, как умственное развитие, способности, темперамент, характер и др., также делят людей на разные совокупности или категории; далее, люди могут быть дифференцированы по социальным особенностям, таким, как образование, материальное положение, стиль жизни, степень участия в создании ценностей группы и др.; наконец, люди могут быть дифференцированы на основании исполняемых социальных ролей, то есть функций, осуществляемых в рамках общественного разделения труда в процессе производства, функционирования институтов и т. д.

Имеющиеся особенности дифференцируются в каждом обществе по-разному. Существуют, очевидно, разные способы и критерии оценки биологических особенностей (например, старые люди во многих обществах окружены уважением, люди различных рас в некоторых обществах оцениваются по-разному), интеллектуальных особенностей (люди, блестяще одаренные, обычно оцениваются высоко). Но системы оценок социальных характеристик и социальных ролей обычно отличаются от оценки биологических и интеллектуальных особенностей. Роли и характеристики имеют особую *значимость* в общественной жизни, определяемую либо причастностью к удовлетворению индивидуальных или групповых потребностей, важных для сохранения и развития общности, либо возможностью деятельности, какую дает выполнение данной роли в объективной социальной структуре.

Некоторые социальные характеристики, такие, как обладание средствами производства в капиталистическом обществе, политической властью, некоторые роли, как, например, роль духовника в средневековом обществе, создают возможность действия на других членов общности, либо не имеющих этих характеристик, либо не выполняющих этих ролей, и определяют отношения между ними независимо от других социальных или индивидуальных характеристик. Эта возможность действия является основной их объективной значимости, связанной со значимостью, признаваемой в данном обществе.

Система оценок, значимости и возможности действия создают в каждом обществе иерархию ценностей и неравенство ролей, социальных позиций и должностей. Систему регулируемого неравенства, при которой члены общест-

ва располагаются выше или ниже, в соответствии с принятыми степенями значимости, мы называем стратификационной системой общества. Социальная дифференциация может быть иерархизированной или неиерархизированной. Люди могут отличаться друг от друга ростом или цветом волос, но нет установленной и урегулированной системы неравенства, определяющей, что блондины лучше брюнетов и что только блондины могут пользоваться определенными привилегиями. (Даже в гитлеровской Германии, где был провозглашен принцип расового превосходства блондинов, по ироническому стечению обстоятельств политическая элита была составлена из брюнетов.) Итак, будем различать социальную дифференциацию, создающую иерархизированные системы, и дифференциацию, создающую неиерархизированные системы.

Социальные общности могут быть стратифицированы, то есть разделены на совокупности или группы людей, располагающиеся друг относительно друга выше или ниже в принятой и признанной иерархии в соответствии с разными критериями. Перечислим некоторые из возможных стратификационных систем, имеющих различное значение в жизни общности, какие встречаются в современных индустриальных обществах. Это следующие системы иерархизированной дифференциации: а) дифференциация внутри отдельных профессий в соответствии с уровнем квалификации — она находит свое выражение, в частности, в квалификационных разрядах в промышленности; б) дифференциация профессиональных званий и иерархия профессий — эта система престижа профессий в последнее время часто исследовалась во многих странах в связи с ее важностью для профессиональной структуры и политики ее формирования³⁷; в) иерархия служебных должностей в рамках институтов может также стать основой образования определенных категорий людей, занимающих некоторые важные посты, и их выделения — например, профессиональная категория директоров или управляющих (менеджеров), которая в силу своей широкой компетенции в хозяйстве является важной категорией, влияющей на многие явления общественной

³⁷ См.: W. Wesołowski, Uwarstwienie społeczeństwa według kryterium prestiżu, «Studia Filozoficzne», 1958, № 5; A. Sarapata i W. Wesołowski, Hierarchie zawodów i stanowisk, «Studia Socjologiczne», 1961, № 2, s. 91—124.

жизни; г) иерархия институтов в рамках общности — например, бизнес в Соединенных Штатах, политические институты в социалистических странах, хотя основы их значения и влияния совершенно различны, являются примером высокого положения, занимаемого институтами, доминирующими в данной общности; д) иерархия социальных позиций индивидов на основе значимости, приписываемой их ролям, — например, высокий престиж выдающихся индивидов в мире науки, техники, искусства и т. д. может привести к образованию элит, состоящих из таких людей; е) иерархии социальных слоев, выделяемых на основе привилегий, стиля жизни, существующих между ними барьеров, состоящих из обычаев, образцов деятельности и т. д., — например, интеллигенция, отличающаяся от необразованных слоев культурной активностью, стилем жизни и т. д.³⁸; ж) иерархия общественных классов, определенных выше, выделенных на основе объективных критериев — места в разделении труда и отношения к средствам производства в капиталистических обществах; з) системы иерархии на основе комбинированных критериев, образующих так называемые «синтетические градации»³⁹, например попытка установить степень неравенства отдельных слоев или категорий в социалистическом обществе, в котором прежние классы капиталистического общества ликвидированы и критерий отношения к средствам производства утратил былое значение. В этом случае мы можем применять комбинированные критерии, например уровень образования, величину заработка, общественную активность, участие в управлении, и на этой основе устанавливать иерархию уровней определенных профессиональных категорий⁴⁰.

Уже с первого взгляда видно, что такие системы иерархизированной дифференциации имеют неодинаковое значение в общественной жизни, что некоторые из них

³⁸ См.: S. Rychliński, *Warstwy społeczne*, «Przegląd Socjologiczny», t. VIII, s. 171—184.

³⁹ См.: S. Ossowski, *Struktura klasowa w społecznej świadomości*, op. cit., rozdz. III. Ср. того же автора: «Pojęcie klasy społecznej», «Studia Filozoficzne», 1957, № 1. Pierre Naville, *Classes sociales et classes logiques*, «Année Sociologique», 1961, p. 2—77.

⁴⁰ Например: A. Borucki, *Z badań nad sytuacją społeczno-zawodową inteligencji dwudziestolecia w Polsce Ludowej*, «Przegląd Socjologiczny», 1960, t. XIV, z. 2.

более важны, другие — менее. Следует подчеркнуть, что в капиталистическом обществе иерархия системы объективных классов имеет основное значение, другие же стратификационные системы — более ограниченное. Зато в социалистических обществах, где прежнее классовое деление утратило свое значение, продолжает существовать определенная иерархия слоев, иерархия институтов и определенные иерархии, основанные на сложных критериях.

Теория общественных классов в марксистском значении этого слова подчеркивает, что различие между классами определяется местом, занимаемым членами классов в системе общественного производства, отношением к средствам производства, ролью, выполняемой в общественной организации труда. Следовательно, разделение капиталистического общества на класс капиталистов, то есть владельцев средств производства, которые по этой причине могли выполнять руководящую роль в организации производства и присваивать огромную часть национального дохода, и прежде всего прибыль, приносимую производительным трудом в промышленности, на пролетариев, или наемных рабочих, занятых физическим трудом, организованных по воле капиталистов, подвергающихся эксплуатации, то есть не получающих стоимости, эквивалентной стоимости произведенного ими продукта, на интеллигенцию, или слой работников умственного труда, большей частью выполняющих работу по найму, на средние классы, владеющие собственными средствами существования, но не использующие наемных рабочих либо использующие их в незначительном количестве, — было разделением, основанным на экономической действительности этого общества. Объективное разделение, будучи осознанным, повлекло за собою дальнейшие следствия: стремление к сохранению привилегированного положения со стороны высших классов, стремление к изменению существующего положения вещей со стороны низших классов привело к конфликту, который, имея свои корни в экономике, распространялся на все остальные области общественной и культурной активности. Таким образом, борьба классов явилась могучим фактором, формирующим всю общественную жизнь⁴¹.

⁴¹ См.: W. Wesołowski, *Studia z socjologii klas i warstw społecznych*, 1962; W. Wesołowski, *Marksiistowska teoria panowa-*

Общественный класс, особенно когда он становится классом для себя, — это социальная группа, объединенная многообразными внутренними связями. Главная основа и принцип обособления класса — это его место в процессе производства и его экономическое положение. Но отсюда вытекают политические и культурные следствия: для ведения классовой борьбы, для обоснования классового господства или для организации борьбы за его свержение классы создают собственные институты, свою собственную внутреннюю организацию, вырабатывают собственную идеологию, существенным компонентом которой является представление о социальном порядке, так или иначе отвечающем классовым интересам⁴². Таким образом, классы сами являются социальными группами, но, кроме того, в их рамках может возникать много других подчиненных им целевых групп, предназначенных для реализации некоторых частичных классовых интересов.

Но классы — это также стратифицированные общности. В рабочем классе в капиталистическом обществе выделяется слой рабочей аристократии, состоящей обычно из высококвалифицированных рабочих некоторых привилегированных отраслей промышленности (например, военной промышленности); основное ядро рабочего класса, обладающее высокоразвитым осознанием своих классовых интересов, в противоположность аристократии не пользующееся никакими привилегиями; слой новых рабочих, приходящих в промышленность либо из нижних слоев мелкой буржуазии, либо из села, не отдающих себе отчета в своих классовых интересах и не интегрированных со всем классом. Все другие средние и высшие классы также разделены на различные социальные слои.

Термин «слой» употребляется в разных значениях. Его используют не только для обозначения социальных слоев. Иногда говорят также об *экономических* слоях, называя так всех, кто имеет одинаковый доход или одинаковое состояние, например, могут быть определены как слой кре-

nia klasowego a teoria władzy grup interesów, «Kultura i Społeczeństwo», 1961, № 1; Jerzy J. Wiatr, Szkice o materializmie historycznym i socjologii, op. cit., s. 95—101; J. Hochfeld, Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa, op. cit.; Bronisław Minc, O rozwarstwieniu społeczeństwa socjalistycznego, «Kultura i Społeczeństwo», 1963, № 3.

⁴² L. Krzywicki, Idea a życie, op. cit.

стьяне, имеющие от 5 до 10 га, рабочие, зарабатывающие ежемесячно от 2 до 3 тысяч злотых. Но мне кажется, что в этих случаях лучше говорить об экономических категориях, чем об экономических слоях. Говорят также иногда о *культурных слоях* и о культурном расслоении общества. В этом случае имеется в виду деление общества по уровню образования и по уровню культурной активности или творчества. Так, например, Т. Гейгер вводит следующее деление: на слой интеллигенции, выделяя в ней ученых, литераторов, поэтов, композиторов, художников, скульпторов, а следовательно, всех тех, кто создает новые культурные ценности; на слой образованных людей, которые получили знания, позволяющие им иметь причастность к ценностям, созданным творцами, независимо от того, каким образом они приобрели эти знания; и на слой «академиков», или людей, формально имеющих высшее образование, подтвержденное дипломом⁴³.

Однако термин «*социальный слой*» имеет другое определенное значение. Он обозначает некоторую группу людей, более или менее четко отграниченную критериями высокого или низкого общественного положения от других групп, причем основа этого отграничения — некоторая *дистанция*, опирающаяся на критерии имущественного состояния, культурного уровня, стиля жизни, представления о «высоком рождении» или другие действительные либо мнимые критерии. Таким критерием могла быть, например, «способность к сатисфакции чести», которую соответствующие «кодексы чести» приписывали членам дворянского слоя или людям, имеющим определенный уровень образования. Таким образом, социальные слои — это образования, объединенные определенной внутренней связью, чувством принадлежности, имеющие приблизительно очерченный принцип обособления, который находит свое выражение в том, что во взаимодействии между членами слоев в основу кладется высота общественного положения⁴⁴.

Подводя итог нашим рассуждениям, остановимся еще

⁴³ См.: Theodor Geiger, Die Stellung der Intelligenz in der Gesellschaft, Stuttgart, 1949.

⁴⁴ См.: E. Goblot, La barriere et le niveau; Pawel Rybicki, Ze studiow nad uwarstwieniem spolecznym, «Przegląd Socjologiczny», t. X, s. 81—96.

раз на вопросе, на чем же основана реальность систем социальной стратификации, то есть деления на «высшие» и «низшие» группы в каждой общности? Ответ на этот вопрос можно выразить в четырех пунктах: 1) на объективных отношениях, которые создаются в процессе производства, разделения труда и его общественной организации; 2) на объективных возможностях деятельности, которые имеют люди, занимающие то или иное положение в этой объективной системе отношений; 3) на возникающих в результате этого субъективных представлениях о собственном или чьем-то высшем или низшем положении; 4) на создании идеологии, обосновывающей или рационализирующей разделение на высших и низших, лучших или худших или придающей субъективным представлениям о высоком и низком положении объективированный характер.

Касты

Если общественные классы становятся замкнутыми, то есть ограничиваются только членами, родившимися в семьях, принадлежащих к данному классу, и не принимают в свои ряды членов, происходящих из других классов, если, далее, отношения между членами данного класса и членами других классов строго регулируются и ограничиваются, вплоть до исключения межклассовых браков, тогда общественный класс превращается в касту. Следовательно, каста — это замкнутый класс, членом которого становятся в силу рождения, который не допускает заключения браков с партнерами, происходящими из других каст, и который регулирует, иногда даже в ритуальной форме, отношения с другими кастами. Касты могут иметь расовое, религиозное или сословное обоснование. В чистом виде касты выступали в индийском обществе. С образованиями типа расовых каст мы встречаемся на юге Соединенных Штатов Америки. В феодальных европейских или внеевропейских обществах касты создавались на основе представлений о кровных различиях между отдельными сословиями (слоями феодального общества). В капиталистических обществах некоторые институционализированные профессиональные категории, например прусский офицерский корпус, приобретали определенные

кастовые черты. Иногда некоторые целевые группы, преследуя цели, посящащие характер миссии, могут приобретать черты каст.

Общности, выделяемые на основе особой культуры

Эти общности иногда также называют этническими⁴⁵. Мы относим к ним племена, народности, нации. Эволюционисты создали теорию развития этнических общностей, согласно которой началом их была семья; более обширным союзом был род, насчитывающий несколько или много семей; роды объединялись в тотемические кланы, связанные уже не кровным родством, а верой в происхождение от общего предка; несколько кланов, объединившись, составляли племя. Племена в ходе дальнейшего культурного развития образовывали народности, а те на высших стадиях развития превращались в нации. Эта теория подверглась многим обсуждениям и преобразованиям. Нас здесь интересуют лишь определенные типы общностей, поэтому мы не будем вдаваться в проблемы их развития и генетических связей.

Кланы — это группы, выступающие в разных формах во многих обществах. В Европе лучше всего известны шотландские кланы, представлявшие собою родовые союзы, политически институционализированные и игравшие политическую роль вплоть до середины XVIII века. Привлечение внимания к кланам было заслугой Л. Г. Моргана, который описал кланы в римском обществе, подчеркнул и документально обосновал их существование также в других обществах, обстоятельно исследовал кланы индейских племен Северной Америки. С некоторым упрощением мы можем выделить кланы как родовые союзы, являющиеся зачатком политических институтов, и кланы тотемические, имеющие характер семейных союзов на религиозной почве. Тотемизм — это религия, основанная на культе животных или растений, считающихся первыми предками клана, на вере в кровное родство между членами клана и данным животным или растени-

⁴⁵ См.: Józef Obrębski, *Problem grup etnicznych w etnologii i jego socjologiczne ujęcie*, «Przegląd Socjologiczny», 1936, t. IV, z. I.

ем⁴⁶. Члены клана признают себя кровными родственниками. С кланами также связаны явления экзо- или эндогамии, то есть запреты заключения браков внутри или вне клана. Клань — это группы, характерные для первобытных обществ, но в некоторых формах они могут играть важную роль и в современных обществах, как, например, в Японии или в Китае.

Племя — это более высокая форма социальной организации, охватывающая большое число родов и кланов. Уже тотемический клан можно назвать общностью, выделенной на основе культурных особенностей, ибо в основе его выделения лежат религиозные верования. Племена обособливаются прежде всего на основе обладания собственным языком или диалектом, собственными обычаями, характерными именами, выражающими их чувство обособленности⁴⁷. Племя имеет уже определенный контур внутренней формальной организации, вождя или совет вождей, племенные советы, решающие важные для всего племени вопросы, организующие некоторые совместные действия, например охоту, военные походы, религиозные обряды и т. п. Племена также больше или меньше связаны с определенной территорией; даже если они ведут кочевую жизнь, то область их кочевок ограничена территорией, которую они защищают от вторжения других кочевников. Некоторые племена, состоящие из родов и кланов или других видов, известную часть года живут разобщенно, но один раз в год или чаще собираются для общих церемоний (например, танец солнца у индейцев прерий или большая совместная охота на бизонов). Очень трудно установить численность первобытных племен⁴⁸, однако некоторые известные племена могли состоять из нескольких десятков тысяч членов. В племенах также формируются уже контуры хозяйст-

⁴⁶ См.: Ch. Hainchelin, *Pochodzenie religii*, Warszawa, 1954, s. 103 и далее. Разделение на кланы у меланезийцев островов Тробриан и мифы, рассказывающие о происхождении кланов, описал Малиновский; B. Malinowski, *Zycie seksualne dzikich*, Warszawa, 1938, s. 411 и далее (II изд. 1957).

⁴⁷ Роль имен в межплеменных отношениях показал Кшивицкий: L. Krzywicki, *Nazwy plemienne*, «Przegląd Socjologiczny», 1935, t. III, z. 2.

⁴⁸ См.: L. Krzywicki, *Ustroje społeczno-gospodarcze w okresie dzikości i barbarzyństwa*, Warszawa, 1914, и того же автора: «Społeczeństwo pierwotne. Jego rozmiary i wzrost», Warszawa, 1937.

венного уклада, особенно с переходом к пастушеству и земледелию.

Народ. Термин «народ» многозначен. В обиходном языке народом называются обычно жители деревни (отсюда, например, народная партия — «Stronnictwo Ludowe», объединяющая крестьян). На языке политических доктрин народом называют также трудящиеся слои и классы города и деревни (отсюда — народная демократия, обозначающая такой строй, в котором власть принадлежит трудящимся). На языке социальных наук, и прежде всего этнографии, под народом подразумеваются те общности, которые на лестнице общественного развития занимают место между племенем и нацией. Они уже устойчивым образом связаны с определенной территорией, имеют собственный язык и отчетливо сформировавшуюся и развившуюся культуру, политический строй и сложившуюся систему власти. Однако главным образом народы различаются на основе их культур. Для обозначения этих культур Уильям Томс создал в 1846 году термин «фольклор», охватывающий мифы, легенды, пословицы, песни, танцы, магические формулы, суеверия, обычаи и т. д., — народные, то есть характерные для отдельных народов⁴⁹. Но народ отличается не только фольклором, он имеет также собственную характерную материальную культуру — орудия труда, жилища, одежду, — а на ее основе построены формы общественных отношений. Исследованием этих элементов материальной культуры, их связей с фольклором и формами социальной жизни занимается этнография⁵⁰. Как видно из вышеизложенного, термин «народ» относится к очень различным типам общностей, и в учебниках социологии чаще говорится о различных более четко очерченных группах, находящихся в их рамках.

Нация. В научной и политической литературе термин «нация» употребляется в двух основных значениях: 1) в литературе стран Западной Европы, особенно англо-

⁴⁹ См.: М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957; Jan St. Bystroń, Wstęp do ludoznawstwa, Warszawa, 1939.

⁵⁰ См.: Анна Кутзеба-Ројпагова, red., Kurpie. Puszcz Zielona, ИНКМ, 1962, где находим всестороннее описание района, представлявшего некогда территорию, заселенную народом, имевшим собственную культуру.

сакской, преобладает взгляд, что нация — это совокупность граждан государства, а следовательно — это народ, достигший высокого уровня культуры и высокой степени политической организации, составляющий общность с общим языком и культурой, но объединенный основной связью государственной организации; 2) в литературе стран Центральной и Восточной Европы преобладает взгляд, что нация — это общность, сформированная общей культурой, уже превзошедшей уровень народной культуры (фольклора), создавшая собственную литературу, искусство символическую культуру) и, кроме того, объединенная традицией истории и общего происхождения. Чаще всего в качестве основы выделения нации принимается язык, проживание на общей территории, экономический уклад (народное хозяйство), национальный характер (психический склад), собственная культура. Некоторые авторы добавляют еще общие политические институты, а иногда и религию. «Нация — это исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵¹.

Указывается, однако, что нации могут существовать даже тогда, когда они лишены собственной государственной организации, как, например, Польша в период разделов. Но следует подчеркнуть, что политические функции выполняли тогда институты государств-завоевателей, а поляки сохраняли некоторые суррогаты собственных политических институтов или их замену в виде объединений и добровольных организаций, выполнявших существенные политические задачи. Указывается также, что существуют многонациональные государства, образующие, однако, характерный национальный тип, например Соединенные Штаты, в которых нация идентифицируется с государством, и термин «nation» относится здесь как к государству, так и к совокупности его граждан. Выражение «советский народ» также относится ко всем гражданам СССР независимо от того, русские они, украинцы, латыши или литовцы.

⁵¹ См. «Краткий философский словарь», М., Госполитиздат, 1954, стр. 393—395.

Термин «национальность» употребляется также в двух значениях: 1) как обозначение принадлежности к нации (рубрика в паспорте обозначает, собственно, принадлежность к нации); 2) как обозначение определенного этапа в развитии народа, который поднялся уже над положением, характерным для народов, но еще не достиг ступени вполне сформировавшейся нации. Национальность в этом втором значении — это общность людей, которые создали уже собственную, особую культуру, но не имеют еще за собой традиций независимого политического бытия. Во всяком случае, способность к образованию собственного государства, его укреплению и развитию, так же как и способность внести вклад в общечеловеческую культуру, признана основным признаком обособления нации, или же создания основ для ее обособления. Процесс превращения племен в современные нации мы наблюдаем в настоящее время в Африке, после завоевания политической независимости колониями, которые на основе прежних племенных связей и традиций создают в рамках государства новые нации⁵².

Значение нации основано на том, что: а) нации — это очень устойчивая форма общности, нередко существующая тысячелетия; б) они создают устойчивое культурное наследие; в) формируют сильное чувство идентификации индивидов с общностями; принадлежность к нации, которая дает индивиду язык, связь с родной землей, место в истории и место в цепи поколений, — это основа самоопределения индивидов; г) создают очень сильное чувство солидарности между членами общности и антагонизм по отношению к чужим. Эти черты приводят к тому, что нации становятся источником сильных общественных движений и крайних идеологий. Среди них особого внимания социологов заслуживает национализм.

Под национализмом мы понимаем: а) определенный комплекс установок, б) систему политических идей, в) общественное движение. Национализм может выступать в различных формах, начиная от беззаветного патриотизма, или готовности на жертвы во имя собственной

⁵² См.: A. Zajączkowski, *Plemię Aszanti w procesie przemian*, «Przegląd Socjologiczny», 1961, t. XV, z. 1; ero же: «Młoda elita afrykańska», «Przegląd Socjologiczny», 1963, t. XVII, z. 2; S. Chodak, *Procesy urbanizacyjne w «czarnej» Afryce a przemiany struktury społecznej*, «Studia Socjologiczne», 1963, z. I.

нации в целом, до крайней, экстремистской формы, тесно связанной с милитаризмом и империализмом. Основные идеи национализма — это признание индивидуальности и особенности собственной нации в качестве наивысшей ценности, преувеличенное подчеркивание ценности собственной нации и приписывание ей особой исторической миссии (избранная нация), иррациональность аргументации, обосновывающей превосходство своей нации, и склонность к мистицизму, нетерпимость к другим нациям и стремление к их подчинению себе, эксклюзивизм, или стремление не смешиваться с другими нациями. Часто национализм смыкается с расизмом, считая, что избранная нация в силу расового превосходства предназначена для выполнения особой миссии. Примером национализма, обоснованного расистской доктриной, был гитлеризм. Но национализм может быть обоснован также с помощью религии, когда какая-либо нация утверждает, что она избрана богом для выполнения особой миссии⁵³. Националистические движения сыграли очень важную роль в XIX и XX веках, они в значительной мере содействовали освобождению колоний.

Общности, основанные на сходстве поведения

Таким сложным названием мы определяем ряд относительно свободных социальных образований, могущих, однако, иногда развивать удивительную способность к деятельности, не обладающих институционализированной внутренней связью, но отличающихся сходством поведения их членов. Я имею в виду такие скопления, как толпы, выступающие в различных формах, публика кино и театра, радиослушатели и телезрители, читающая публика, затем аудитория различных собраний или лекций и сборища. Некоторые социологи и социальные психологи называют эти формы просто «collective behaviour», или формы коллективного поведения, отказывая им в термине «общность». Немного расширяя определение общности, принятое в начале этой главы, мы назовем их

⁵³ См.: K. S. Pinson, A Bibliographical Introduction to Nationalism, New York, 1935; H. Kohn, The Idea of Nationalism, New York, 1948; F. Znaniecki, Modern Nationalities, Urbana, 1952.

также общностями, учитывая их способность к действию и результаты, вызываемые ими в более широких общностях.

Эти формы общественной жизни мы разделим на две основные категории: *толпа* и *публика*. Публику, собранную в одном месте, назовем аудиторией, а публику несобранную, установки и стремления которой, однако, поляризованы в одном направлении, назовем поляризованной массой.

Толпа — это временное скопление большого числа людей на территории, допускающей непосредственный контакт, спонтанно реагирующих на одни и те же стимулы сходным или идентичным образом. Людей в толпе объединяет психическая связь, образовавшаяся из сходных или идентичных эмоций и импульсов, вызванных одним и тем же стимулом. Толпа не обладает установленными организационными нормами и никаким комплексом моральных норм. Ее влияние на членов вытекает из природы эмоционально-импульсивной связи. В толпе проявляются примитивные, но сильные импульсы и эмоции, не сдерживаемые никакими этическими или организационными нормами. Существуют разного рода толпы, из которых наиболее известна и наиболее часто описывается толпа, действующая агрессивно, как мы знаем по актам линчевания, по актам террора и разрушений. Мы классифицируем толпу, разделяя ее на четыре рода: агрессивная толпа, убегающая толпа, алчущая толпа и толпа экспрессивная или демонстрирующая. Агрессивная толпа выступает в трех различных видах: толпа линчующая, то есть толпа, охотящаяся на одного человека, толпа терроризирующая — известная по погромам и другим актам террора, направленного против определенной категории лиц или групп; толпа борющаяся, которая выступает во время волнений, забастовок, когда атакованная демонстрация или собрание начинает спонтанно обороняться неорганизованным образом. Убегающая толпа также выступает в двух видах: при панике, охватывающей собрание или неорганизованную публику, например при панике в театре, в котором вспыхнул пожар, или панике во время землетрясения, большое число лиц слепо бросается бежать, руководствуясь лишь страхом и чувством самосохранения; другим видом убегающей толпы является паническое бегство организованного отряда

солдат или другой формализованной и высокоорганизованной группы, охваченной паническим страхом. Алчущая толпа — это та, которая штурмует магазины, штурмует банки во время кризиса, стремясь вернуть вклады, грабит магазины в периоды голода или смуты. Наконец, экспрессивная толпа — это такая, которая выражает свои взгляды, собирается для того, чтобы криками выразить восторг или протест, одобрить или осудить какие-либо начинания власти, события и т. д.

Во всех этих видах толпы выступает много общих и сходных явлений. Это прежде всего психические явления, обнаруживающиеся более или менее отчетливо. Прежде всего мы встречаемся здесь с явлением деиндивидуализации, то есть частичного исчезновения индивидуальных черт личности. Вследствие этого сильно возрастает склонность к подражанию. Реакция на внешние стимулы направляется не рефлексией, а первым эмоциональным импульсом или подражанием поведению других людей. Исчезновение рефлексивности, деиндивидуализация усиливает чувство солидарности со всей толпой, это влечет за собой ослабление ощущения важности этических и правовых норм. Толпа создает сильное ощущение правильности предпринимаемых действий. Навязанные эмоциями способы действий не оцениваются критически посредством рефлексии. Кроме того, господствующая в толпе эмоциональная напряженность увеличивает ощущение собственной силы и уменьшает чувство ответственности за совершаемые поступки.

Вследствие возникновения этих явлений члены толпы действуют как люди, находящиеся под влиянием гипноза. Часто говорится о гипнозе или о психозе толпы, а прежняя социальная психология создала даже теорию особой коллективной психики толпы, в которой как бы растворяется психика индивидов. Разумеется, этих теорий уже никто не придерживается, а термин «гипноз толпы» — это лишь некий краткий оборот, обозначающий степень интенсивности действия сходных импульсов и эмоций у всех членов толпы. Этот «гипноз» действует сильнее или слабее в зависимости от характера стимулов, вызывающих реакцию толпы, от конкретной общественно-исторической ситуации, в которой собралась толпа, и от индивидуальных черт ее членов. Условия, благоприятствующие действию этого гипноза, следующие:

предварительно существующие устойчивые установки и убеждения (легко вызвать возникновение терроризирующей толпы, направленной против ненавистных ей групп или институтов); убеждения и склонности, соответствующие лозунгам, побуждающим толпу к действиям; молодой возраст и отсутствие социального опыта (поэтому так часто демонстрирующая толпа состоит из молодежи); низкий уровень умственного развития и отсутствие элемента интеллектуализма в психике, отсутствие привычки анализировать свое поведение, отсутствие сильной воли и твердых взглядов.

Влияние толпы на индивида преходяще, хотя возникшее у него настроение может сохраняться долго. Связь, объединяющая толпу, разрушается, если новые стимулы создают другие эмоции. Если демонстрирующую толпу облить водой или если терроризирующую толпу обстрелять, то под влиянием инстинкта самосохранения или страха, который повелевает индивидам убежать с места столкновения, толпа рассеивается. Толпа может также разойтись под влиянием других чувств и устремлений, таких, как голод, чувство юмора, возбуждение, направленное к иным целям, чем первоначальные устремления толпы. На использование таких психических механизмов опираются методы преодоления или психологического обезоруживания толп, подобно тому как на знание механизмов, объединяющих толпы, опираются технические приемы их возбуждения и манипулирования ими.

Публика — это форма коллективной жизни совершенно иного рода. Рассмотрим сначала собранную публику, или аудиторию. Собранная публика может выступать в нескольких видах. Прежде всего выделим публику, собравшуюся случайно, или сборище, а также публику, собравшуюся преднамеренно, которая тоже может выступать в двух различных формах: как публика отдыхающая, ищущая развлечений, например в кино, театре, цирке, концертном зале, а также как публика, ищущая информации, собирающаяся на лекциях, информационных собраниях, выставках, а также митингах и политических собраниях, хотя здесь она имеет уже иной характер⁵⁴.

Собранная публика — это скопление некоторого коля-

⁵⁴ J. Kądzielski, *Publiczność prasowa Katowic, Kraków*, 1963.

чества людей, испытывающих сходное ожидание определенных переживаний или интересующихся одним и тем же предметом. Эта общая заинтересованность и поляризация установок вокруг одного и того же предмета или события — основа ее обособления. Следующей чертой является готовность к реагированию некоторым сходным образом. Это сходство установок, ориентации и готовности к действию — основа объединения публики. После объединения, под влиянием воздействия на всех одних и тех же стимулов (фильм, театральная постановка, лекция или обсуждение) в среде публики образуются определенные сходные или общие реакции, переживания или устойчивые ориентации. Публика в кино, на концерте или в театре осознает рождающиеся у нее настроения, и это осознание может усиливать впечатление, вызванное действием общего стимула. Таким образом, в публике могут возникнуть такие же явления, как в толпе, а именно общее эмоциональное напряжение, утрачивание рефлексивности, ощущение единства солидарности. Поэтому некоторые виды публики, как, например, сборища, собрания или митинги, могут легко превратиться в экспрессивную или агрессивную толпу. Это часто происходит во время спортивных зрелищ, боя быков, когда аморфная, то есть ничем не связанная публика во время зрелища под влиянием «эмоционального заражения» превращается в демонстрирующую или терроризирующую толпу.

Значение толп и публики проявляется в периоды социальных волнений, революционных настроений, войны, забастовок, когда любое собрание или сборище может превратиться в агрессивную толпу, а она в свою очередь — в борющуюся группу, если толпою овладеют организованные группы, которые сумеют ее направить.

Несобранной публикой являются, например, читатели одних и тех же газет, слушатели одних и тех же радиопередач, зрители одних и тех же телевизионных программ, читатели одних и тех же журналов. Не без причины в Польше укоренился термин «культура „Пшекруя”» («Kultura „Przekroju”»), имеющий в виду способы выражения, поведения, мышления и деятельности, созданные этим популярным еженедельником. Несобранная публика — это лишь «поляризованная масса», то есть большое число людей, мышление и интересы которых ориентированы идентичными стимулами в одном направлении, лю-

дей, проживающих не «друг с другом», а «друг около друга», но, несмотря на это, ведущих себя сходным образом. Очевидно, это сходное поведение касается не только некоторых вопросов: моды, оценки фильмов, преклонения перед некоторыми актерами или музыкантами, повторения определенного рода анекдотов, но может также касаться взглядов на вопросы, социально более важные, такие, как идеология и политика, религия, наука. В несобранной публике вообще не выступают явления, характерные для толпы или собранной публики, не проявляется в таком объеме «эмоциональное заражение», не исчезает рефлексивность и не возникает процесс индивидуализации. Но если, например, радиопередача является слишком возбуждающей, как, например, знаменитая передача, комментировавшая нападение марсиан на Соединенные Штаты в тридцатых годах (1938), то она может вызвать панику и бегство миллионов людей. Всякие виды поляризованных масс, несобранной публики, представляют из себя базу для выработки сходных взглядов, готовности к некритическому принятию определенной информации, базу для создания мнения по некоторым вопросам, готовности к реагированию сходным образом на идентичные стимулы. Они, следовательно, представляют из себя готовую базу для создания всякого рода моды, восприятия и распространения слухов, восприятия идеологии и образования социальных движений.

Глобальное общество

В ходе предшествующего изложения мы очень часто употребляли термины «общество» или «глобальное общество», не определяя их точнее. Кроме того, термин «общество» употребляется в обиходном языке и науке в очень различных значениях. Социология появилась как наука об обществе, то есть развилась тогда, когда в процессе длительного развития общественной мысли было осознано, что наряду с организованными формами общественной жизни, такими, как государство и церковь, и созданными ими институтами и целевыми группами, происходят также спонтанные процессы. Они создают и преобразуют формы коллективной жизни, управляются собственными естественными законами независимо от

вмешательства воли людей. Именно эти спонтанно происходящие процессы и возникающие благодаря им формы создают некоторую целостность, обуславливающую все явления общественной жизни человека, как целесообразно организованные, так и возникающие спонтанно. Когда в XVIII веке появилось понятие общества, оно имело такое широкое значение, допускающее различные интерпретации. И эти интерпретации действительно появились. Вследствие этого в литературе появились также различные способы использования термина «общество». Мы можем выделить следующие значения, придаваемые этому термину: 1) Определения, понимающие общество как вид широкой или самой широкой общности. Некоторые отождествляют объем этого понятия с объемом понятия «человечество», полагая, что общество охватывает всех людей, живущих на нашей земле. Другие сужают его объем, ограничивая его большими территориальными общностями, например польское общество охватывает всех людей и все формы социальной жизни, какие можно обнаружить в пределах границ польского государства. Ф. Знанецкий определял общество как ряд групп, существующих совместно и перекрещивающихся, подчиненных одной доминирующей группе, такой, как государство, нация, церковь, и в этом значении можно говорить об обществе национальном, католическом и т. п.⁵⁵ 2) Определения, понимающие общество как общности, связанные особой системой отношений. Сюда относится прежде всего марксистское определение, отождествляющее общество с общественно-экономической формой, или определенным историческим типом общности, основанным на доминирующей системе производственных отношений, например капиталистическое общество или социалистическое общество⁵⁶. Некоторые социологи определяют общество просто как сеть или систему отношений, существующих между людьми. Не сами человеческие личности, объединяясь, становятся обществом, а то, что их связывает и что происходит между ними. 3) Определения, понимающие общество как совокупность

⁵⁵ См.: F. Znaniecki, O szczeblach rozwoju społecznego, op. cit.

⁵⁶ См.: J. Hochfeld, Studia o marksowskiej teorii społeczeństwa, Warszawa, 1963.

институтов и учреждений, обеспечивающих людям организованное удовлетворение потребностей, урегулирование конфликтов, сохранение культуры и развитие. Словом, эти определения мы могли бы назвать «организационными» определениями, ибо они усматривают сущность общества в факте существования общественной организации. 4) Некоторые определения называли обществом определенное состояние существования человека, а именно состояние существования в сообществе с другими людьми, состояние, противостоящее состоянию индивидуального существования либо дополняющее его. Согласно этой теории, каждый человек существует как бы в двух измерениях: как «я», или индивидуальное «я», и как «мы», или общество. 5) Определения, называющие обществом совокупность групп и общностей, не подчиненных государственной организации. В этом значении государство противопоставляется обществу; существуют институты государственные и институты общественные, общественные организации, общественная инициатива. Таким образом, общество — это все те формы коллективной жизни, которые возникают наряду с государственными институтами или вне их.

Это обилие взглядов и теорий в какой-то мере вызвало тенденцию к устранению термина «общество» из социологии. Но через некоторое время он вновь вернулся в виде термина «глобальное общество». Мы воспользовались здесь этим термином, так как считаем, что невозможно рассматривать формы общественной жизни человека как неинтегрированное множество общностей, групп, кругов, не связанных друг с другом, противостоящих друг другу. Из принятой нами теории культуры и из изложенной здесь теории личности следует, что при таком положении вещей не могли бы существовать ни культура, ни нормально функционирующие человеческие личности. Кроме того, даже повседневный опыт показывает, что все те известные нам формы совместной жизни, в которых мы участвуем, охвачены некоей «скрепляющей рамкой», что, несмотря на существующие между ними различия, особенности, антагонизмы, они охвачены рядом общих связей, имеют некоторые общие нормы. Общими у большинства общностей и групп могут быть определенные системы культурных ценностей, такие, как язык, религия, обычаи, идеология, мировоззрение, наука,

право, моральные нормы. Эти системы ценностей, общие ряду различных целевых групп, общественных классов и других общностей, должны иметь какую-то свою основу, какую-то более широкую общественную форму, в которой они возникают, которая «следит» за их соблюдением и поддерживает их. Именно такую широкую форму общности, которая создает культурные ценности, неформальные институты, эталоны поведения и нормы деятельности, которая обеспечивает культурную интеграцию ряда общностей, интеграцию личности, участвующей во многих группах с различными, а нередко и противоположными системами ценностей, мы называем глобальным обществом. Глобальное общество — это своего рода синтез форм общественной жизни, созданных на базе некоторых основных элементов и комплексов культуры. Оно может возникнуть на основе экономической системы производственных отношений, создающей культурную надстройку, может возникнуть на основе определенного типа цивилизации, например технической цивилизации, которая образует очень широкий и достаточно свободный тип глобального общества, и может возникнуть на основе религии и ее институтов, например средневековое католическое общество. Его структура обычно достаточно свободна, ибо в нем в рамках единой национальной культуры, единого языка и общих обычаев или общих этических норм могут сосуществовать антагонистические классы. Оно представляет собой комплекс сил, интегрирующих и объединяющих противоположные или эгоистические стремления групп, кругов, индивидов, семей, связывая их воедино, нормируя взаимодействия между ними, образуя форму наиболее общей социальной связи. Задача теории общества — исследование его структуры, организации, происходящих в нем процессов интеграции, выяснение зависимости между большинством общностей и групп, существующих в его рамках.

Онтологические проблемы социальной реальности

В ходе рассмотрения общностей, групп у нас неоднократно возникал вопрос: что именно представляет из себя социальная группа? Является ли она суммой составляющих ее индивидов или же благодаря факту взаимо-

действий, возникновению отношений и связей между членами, образованию институтов появляется какой-то новый род реальности, существующий «между» индивидами или «над» ними? Этот философский вопрос: существует ли особый род социальной реальности, которая не является ни реистичной (*reistyczna*) реальностью, т.е. есть сводящейся к системам материальных вещей, ни психической реальностью, сводящейся к актам и процессам, происходящим в сознании людей, — очень широко дискутировался, и ответы на него можно сгруппировать следующим образом:

1) *Номиналистическая* точка зрения гласит, что социальная группа — это лишь сумма свойств ее членов, что не существует какой-то особой социальной реальности, которая складывалась бы из чего-то большего, чем свойства ее членов. Если мы хотим выяснить какое-либо явление, происходящее в группе, мы должны совершить индивидуализирующую редукцию, то есть свести ее к свойствам ее членов⁵⁷.

2) *Реалистическая* точка зрения утверждает, что группа — это самостоятельный род реальности, принципиально отличный от суммы черт членов; вместе с тем она утверждает также, что группа не является ни материальной, ни психической реальностью. Социальная реальность — это реальность особого рода. Дюркгейм, который упорно отстаивал эту точку зрения, усматривал сущность этой специфической реальности в «коллективных представлениях», которые образуют специфические категории социальных фактов, таких, как мода, язык, религия, а следовательно, фактов «внешних» по отношению к психике индивида и оказывающих на нее объективное давление. Эти социальные факты можно исследовать как вещи, хотя они и не являются материальными вещами. Существовали также и другие концепции реальности группы⁵⁸.

3) *Психологистическая* точка зрения, рассматривающая группу как целое, состоящее из психических актов и представлений ее членов. Социальная реальность — это не

⁵⁷ См.: Cz. Znamierowski, *Prolegomena do nauki o państwie*, op. cit., rozdz. II.

⁵⁸ См.: T. Szczurkiewicz, *Rasa, rodzina, środowisko*, op. cit., rozdz. «Zasadnicze stanowiska socjologów w ujmowaniu grupy społecznej».

более чем совокупность волевых актов, мыслей, эмоций, стремлений, импульсов, их взаимодействий и связей, образующих очень сложные механизмы. Именно эти психические механизмы обеспечивают функционирование группы, деятельность ее членов, согласованность и антагонизм—словом, все процессы, которые могут происходить между людьми. Общество существует, поскольку люди—это сознательные индивиды, испытывающие потребности, наделенные воображением и интуицией, умеющие предвидеть и действовать последовательно. А поэтому сущность социальной жизни, сущность общностей, в которых эта жизнь протекает, составляют психические явления и процессы⁵⁹.

4) *Фикционистская* точка зрения, представленная немногими философами, рассматривает социальную группу как некоторую фикцию, существующую исключительно в представлениях людей. Бытие социальной группы основывается только на том, что люди верят в ее существование и ведут себя так, как будто она существует. Как только люди перестают верить в бытие группы и перестают вести себя так, как если бы она существовала, группа развеивается как туман⁶⁰.

Наше изложение опирается на материалистическую точку зрения, то есть на предположение, что группа—это определенного рода реальность, существующая независимо от стремления и воли индивидов. Даже если бы все поляки однажды договорились, что станут вести себя так, как будто польской нации не существует, от этого она не перестанет существовать. Социальные группы и другие общности существуют объективно, доступны объективному и опытному познанию, оказывают влияние на своих членов, вступают в отношения друг с другом и т. д. Очевидно, что особенности личностей членов отражаются на их организации и на жизненных процессах, что психические явления и процессы, происходящие в сознании их членов, отражаются на их общественной жизни,—но мы утверждаем, что не они определяют существование общности. Члены общности и их психические черты—

⁵⁹ Эту точку зрения более или менее сознательно выражает Хоуманс.

⁶⁰ См.: L. v. Wiese, System der allgemeinen Soziologie, München und Leipzig, 1933.

это один из элементов общности, охваченный рамками объективных экономических отношений и систем культурных ценностей. Их взаимодействия образуют реальность социальной связи.

Библиографический указатель

- Wilson Logan, *The Sociography of Groups*, в: *Twentieth Century Sociology*, 1945, p. 139—171.
- F. Znaniecki, *Social Groups in the Moderns World*, в: M. Bergeri in. eds., *Freedom and Control in Modern Society*, Princeton, 1954.
- P. M. Blau, *The Dynamics of Bureaucracy*, Chicago, 1955.
- P. M. Blau, *Bureaucracy in Modern Society*, New York, 1956.
- C. Lévi-Strauss, *Les structures élémentaires de la parenté*, Paris, 1949.
- G. K. Kirkpatrick, *The Family as Process and Institution*, New York, 1955.
- B. Barber, *Social Stratification*, New York, 1957.
- K. B. Mayer, *Class and Society*, 1955.
- W. Buckley, *Social Stratification and the Functional Theory of Social Differentiation*, в: Lipset and Smelser, *Sociology*, p. 478—484.
- R. H. Lee, *The City*, Lippincott, 1955.
- R. E. Dickinson, *The West European City*, London, 1951.
- J. Ziółkowski, Sosnowiec, Katowice, 1960.
- A. L. Bertrand ed., *Rural Sociology*, New York, 1958.
- Результаты исследований, проведенных в Польше, об изменениях, происходящих в рабочем классе и интеллигенции, опубликованы в серии «Z badań klasy robotniczej i inteligencji», издаваемой Отделом социологических исследований Института философии и социологии Польской Академии наук, под редакцией Я. Щепаньского. До настоящего времени изданы: 1) «Z badań klasy robotniczej i inteligencji», 1958; 2) «Wykształcenie i pozycja społeczna inteligencji», cz. I i II, 1959 i 1960; 3) Z. Grzelak, *Pozycja inteligencji w społeczności wiejskiej*, 1960; 4) «Studia nad rozwojem klasy robotniczej», cz. I i II, 1961 i 1962; 5) J. Malanowski, *Robotnicy Warszawskiej Fabryki Motocykli*, 1962; 6) S. Dzięcielska, *Sytuacja społeczna dziennikarzy polskich*, 1962; 7) S. Kowalewska, *Psychospołeczne warunki pracy w przedsiębiorstwie przemysłowym*, 1962; 8) Z. Kowalewski, *Chemiccy w Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej*, 1962; 9) Z. Wójcik, *Rozwój pojęcia inteligencji*, 1962; 10) «Ze studiów nad kursami przygotowawczymi», 1962; 11) W. Caban, *Absencja w przemyśle włókienniczym*, 1963; 12) Aleksander Wallis, *Artyści plastycy. Zawód i środowisko*, Warszawa, 1964; 13) Krzysztof Przecławski, *Społeczna funkcja urbanistów a ich przygotowanie do zawodu*, 1964; 14) Jan Woskowski, *O społecznej pozycji nauczycieli*, 1964; 15) Maria Jarosińska, *Adaptacja młodzieży wiejskiej do klasy robotniczej*, 1964.

VIII. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Вкратце припомним содержание предыдущего изложения: на природных и экономических основах, а также в рамках определенной культуры формируются человеческие личности; удовлетворяя свои потребности, люди начинают взаимодействовать друг с другом, создают различные формы общностей, внутренне объединенные разнообразными видами связей, охваченные интегрирующими рамками глобального общества. Сначала мы провели анализ связи, объединяющей общности, затем рассмотрели структуру этих общностей. Сейчас нам предстоит заняться рассмотрением жизненных процессов, которые в них происходят и которые обуславливают их функционирование:

Понятие социального процесса

Процессами мы будем называть относительно однородные серии явлений, связанных взаимными причинными или структурно-функциональными зависимостями. Например, рост организма — это процесс, так как последующие состояния определенным образом обусловлены предыдущими состояниями. Серии явлений, составляющих процесс, в познавательных целях можно вычленивать, выделять из сложных комплексов явлений, происходящих одновременно. Следовательно, они имеют какую-то «ось», на которую «нанизаны» сопряженные друг с другом явления. В природе и в обществе процессы никогда не вы-

ступают изолированно; мы обособляем их и рассматриваем в отдельности в целях анализа.

Социальными процессами мы называем серию явлений взаимодействия людей друг с другом, или серию явлений, происходящих в организации и структуре групп, изменяющих отношения между людьми или отношения между составными элементами общности. Подобно тому как кажущееся неисчислимым богатство действий людей по отношению друг к другу можно свести к нескольким десяткам основных образцов, постоянно повторяющихся вновь и вновь с небольшими индивидуальными отклонениями, так и совокупность процессов, происходящих в общностях и в общественных отношениях, можно свести к нескольким десяткам основных процессов. Серия социальных явлений может быть понята как процесс, если она сохраняет идентичность во времени, позволяющую выделить ее из других серий, если предшествующие явления обуславливают хотя бы частично следующие за ними явления и если они вызывают определенное однородное положение вещей. Например, социализация, о которой мы говорили, рассматривая развитие социальной личности, — это социальный процесс. Ибо она представляет собой длинную серию взаимодействий между ребенком, его воспитателями и общественной средой; серия эта сохраняет свою идентичность благодаря идентичности формируемой личности; реакции ребенка на последующие воздействия в определенной степени обусловлены ранее возникшими явлениями, и в результате возникает определенное состояние его личности, какие-то ее более или менее устойчивые черты. Воспитание — также социальный процесс, поскольку оно представляет ряд явлений, взаимодействий, более или менее последовательно нацеленных на формирование воспитуемого в желаемом направлении. Развитие любой целевой группы — социальный процесс, поскольку оно представляет ряд явлений дифференциации состава ее членов, дифференциации институтов, введения новых методов действия и т. д., причем это развитие, то есть составляющие его явления, характеризуются идентичностью, непрерывностью, связаны структурно-функциональными зависимостями.

Итак, социальные процессы с необходимостью являются сериями изменений. Их можно классифицировать различными способами. Соответственно системе, в кото-

рой они происходят, их можно разделить следующим образом: 1) внутриличностные процессы, происходящие в личности человека, например процесс самообразования¹; 2) процессы, происходящие в отношении или в отношениях между двумя индивидами; 3) процессы, происходящие в отношениях между индивидом и группой; 4) процессы, изменяющие организацию и внутреннюю структуру общности; 5) процессы, изменяющие отношения между двумя группами (общностями); 6) процессы, изменяющие структуру и организацию глобального общества. Это очень формальная классификация, ничего не говорящая ни о внутренней природе процесса, ни о характере вызванных им изменений. Поэтому делались попытки построить классификацию, взяв за основу не масштабы системы, в которой процесс происходит, а само содержание вызываемых изменений.

Леопольд фон Визе предпринял смелую попытку дать полную классификацию всех процессов, возможных в отношениях между людьми². Определяя сущность общества как многообразие отношений между людьми, он пришел к выводу, что все процессы, изменяющие общество, сводятся к двум большим категориям: процессы взаимного сближения людей, или процессы, объединяющие людей, и процессы отдаления, или процессы, разделяющие людей. Первые он назвал ассоциативными процессами и выделил среди них четыре основных: сближение, приспособление, уравнивание, объединение. Процессы разъединения выступают в трех основных видах: соперничество, оппозиция, конфликт. Каждый из этих видов делится на ряд подпроцессов, например, в одном лишь сближении Визе выделил восемнадцать подпроцессов. Схема процессов, ведущих от изоляции к сближению, выглядит следующим образом: на начальной стадии мы имеем дело с изолированием, отчуждением, обособлением, враждебностью. Переходной стадией является контакт. Начальной стадией объединения является взаимная терпимость, компромисс, путь от которого может вести к сближению.

Эта попытка классификации процессов в соответствии с их содержанием явно не удалась. Без особого труда

¹ См.: Władysław Okiński, *Procesy samokształceniowe*, Poznań, 1935.

² См.: L. V. Wiese, *System der Allgemeinen Soziologie*, 1933.

Г. Зиммель доказал, что именно борьба больше всего «сближает» противников, что для ведения борьбы знание противника более необходимо, чем знание друга для укрепления дружбы. Ведь государства выделяют гораздо больше денег на изучение противников, чем друзей.

Попробуем провести другую классификацию и на ее основе дать обзор важнейших социальных процессов. Вначале введем следующие определения.

Если в какой-либо системе возникают новые составные элементы или исчезают ранее существовавшие элементы, либо если возникают новые отношения между составными элементами системы или исчезают ранее существовавшие отношения, то мы говорим, что эта система подвергается *изменению*.

Если изменения, происходящие в какой-либо системе, приводят к дифференциации и обогащению ее составных элементов и существующих между ними отношений, то мы говорим, что эта система *развивается*.

Если изменения, происходящие в какой-либо системе, приводят к исчезновению и обеднению ее составных элементов или существующих между ними отношений, то мы говорим, что система подвергается *регрессу*.

Если развитие, происходящее в какой-либо системе, приближает ее к определенному идеалу, оцениваемому положительно, то мы говорим, что это развитие является *прогрессом*.

Социальные процессы — это единые серии изменений в социальных системах, то есть в отношениях, институтах, группах и других видах социальных систем. О процессах развития мы будем говорить особо в следующей главе.

Делая попытку классифицировать другие процессы, мы снова будем исходить из утверждения, что основной источник общественной жизни — это необходимость удовлетворения потребностей. Стремясь получить средства удовлетворения потребностей, люди сталкиваются с аналогичными стремлениями других людей. Это столкновение аналогичных стремлений в определенной исторической ситуации, в рамках определенных групп и систем отношений может вызвать различные серии явлений, различные процессы.

Стремления могут быть *приспособлены* друг к другу, причем это приспособление может принимать различные

виды. Может возникнуть серия явлений *сотрудничества* для совместного добывания необходимых благ или ценностей. Может возникнуть процесс *соперничества*, конкуренции, основанный на том, чтобы упредить аналогичные стремления других индивидов и групп и прежде них прийти к цели. Если в ходе соперничества проявится стремление ликвидировать конкурента или какую-либо его систему предметов или ценностей, то соперничество превращается в *конфликт*, который также имеет разные виды при разной степени интенсивности. Это процессы, возникающие в ходе взаимодействий между людьми. Далее выделим процессы, изменяющие место индивидов или групп как в пространстве, так и в социальных структурах. Мы называем их процессами *мобильности*. Выделим также процессы, изменяющие социальную организацию общности, и разделим их на процессы *реорганизации* и *дезорганизации*. Наконец, существуют также процессы изменений, происходящие в системах культуры, накладывающие глубокий отпечаток на отношения между людьми, на организацию и структуру общности, например процессы, изменяющие системы идеологии, религии, науки, техники.

Процессы *приспособления* проявляются всегда там, где индивид или группа оказываются в новой среде, в которой их до сих пор признаваемые и используемые образцы действий и взаимодействий, критерии оценок и модели не приводят к удовлетворению потребностей и не дают возможности поддерживать себя и участвовать в общественной жизни. О приспособлении мы говорим, следовательно, тогда, когда группа эмигрантов оказывается в чужой стране с другой культурой и социальной организацией; когда изменяются условия экономического и политического устройства; когда выпускник приходит из школы на производство; когда крестьянин переходит из сельского хозяйства на работу в промышленность и т. д. Процесс приспособления содержит несколько элементов: познавательный — узнавание новой ситуации, обучение новым образцам и способам поведения, психологическая переориентация, то есть использование соответствующих определений и ситуаций согласно принятым в данной среде критериям оценок и образцам поведения. Эти элементы должны выступать в любом процессе приспособления, но в дальнейшем он может принимать различные

виды. Выделим разные степени приспособления. Оно может ограничиться психологической переориентацией: приспособляющийся индивид знает, как он должен действовать в новой среде, как вести себя, но внутренне в своем сознании не признает этого и, где может, отвергает ее (среды) систему ценностей, придерживаясь своей прежней. Приспособление может пойти немного далее и остановиться на этапе терпимости. Как среда, так и новый в ней индивид проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и к образцам поведения друг друга, признавая их равноценность. Наиболее часто встречающимся этапом приспособления является аккомодация, возникающая на основе терпимости, связанная с взаимными уступками, базирующаяся на признании и принятии основных систем ценностей новой ситуации при одновременном признании некоторых систем нового индивида его новой средой. Аккомодация выступает также как метод разрешения конфликтов. Наконец, выделим полное приспособление, или ассимиляцию, основанную на полном отказе от прежних образцов и ценностей и на полном принятии новых. Мы говорим, что эмигранты ассимилировались, когда они полностью восприняли язык, обычаи, образ жизни, устройство жилищ, одежду и т. п. новой страны. Приспособление иногда называется также адаптацией, хотя порой мы встречаемся с точкой зрения, что этот термин следует сохранить для обозначения явлений биологического приспособления³.

Невозможность приспособления к новым условиям влечет за собой много отрицательных явлений. Длительная неприспособленность приводит к дезорганизации личности, а группы или общности, которые не могут приспособиться к новым условиям среды или к переменам в глобальном обществе, к изменениям в культуре, технике и т. д., подвергаются дезорганизации. Поэтому изучение процессов приспособления к разного рода среде и из-

³ Процессы адаптации рассматривают: S. Nowakowski, *Adaptacja ludności na Śląsku Opolskim*, Poznań, 1957; K. Zygulski, *Adaptacja kulturalna repatriantów na Ziemiach Zachodnich*, «Przegląd Socjologiczny», t. XIII, z. 2, s. 72—93; K. Zygulski, *Z badań nad procesami adaptacji i integracji społecznej repatriantów*, в: «Tworzenie się nowego społeczeństwa na Ziemiach Zachodnich», Poznań, 1961, s. 181—232. См. также: «Pamiętniki osadników ziem odzyskanych», Poznań, 1963, opr. Z. Dulczewski i A. Kwilecki.

менениям, условий приспособления, факторов, определяющих его ход, степени, времени приспособления в различных типах ситуаций представляет собой важный раздел исследований в отдельных дисциплинах конкретной социологии. Параллельно ведутся также исследования явлений неприспособления и его социальных последствий.

Сотрудничество составляет другой важный комплекс жизненных процессов общности. Оно — явление, сопутствующее разделению труда. Оно основывается на согласованной деятельности и выполнении частичных задач в достижении общей цели независимо от того, какова эта цель, идет ли речь о достижении целей политических, экономических, товарищеских или о спасении души. Не углубляясь в конкретные процессы сотрудничества, исследованием которых занимаются отдельные разделы конкретной социологии, укажем общие условия и факторы, определяющие его ход. Сотрудничество между двумя партнерами (индивидами или группами) предполагает наличие общих или сходных интересов, осознание возможности разделить реализацию частичных задач для их разрешения, обнаружение аналогичных стремлений у другой стороны, наличие каналов и средств взаимопонимания, достаточное понимание и достаточное знание друг друга для уверенности в лояльности возможного сотрудника, установление средств и правил, страхующих обе стороны. Подчеркнем важность наличия каналов и средств взаимопонимания и знания партнера. Смысл сотрудничества — обоюдная польза, причем она, очевидно, не предполагает равной пользы. Сотрудничество возможно на основе взаимного приспособления, а следовательно, всегда на основе отказа от некоторых собственных ценностей; это ограничение собственной самостоятельности и определенное ограничение свободы решений, ибо решения, по крайней мере в некоторых вопросах, должны быть согласованы с решениями партнера. Поэтому сотрудничество как система отношений и взаимодействий — это всегда система неустойчивая и изменчивая⁴.

⁴ См.: K. Zawistowicz-Adamska, Pomoc wzajemna i współdziałanie w kulturach ludowych, «Prace i Materiały Etnograficzne», t. VII—IX, и того же автора: «Zywe tradycje współdziałania na wsi», Łódź, 1948.

Соперничество возникает на почве противоположности интересов или на почве стремления к удовлетворению одинаковых интересов при помощи средств, которыми другие группы или индивиды желают удовлетворить собственные интересы. Соперничество можно определить как противоположные стремления к получению предметов или достижению целей, существующих в недостаточном количестве. Роль соперничества в добывании средств существования особенно подчеркивал Мальтус, утверждая, что производство средств существования не поспевает за ростом населения⁵. От Мальтуса это понятие перешло в биологию в виде теории борьбы за существование⁶. Но соперничество не обязательно должно принимать форму экономической конкуренции и приводить к конфликту. Может также существовать соперничество между учащимися за получение самого хорошего аттестата. Такое соперничество не связано с враждебным воздействием на конкурента. Оно может быть неосознанным, то есть конкуренты, соперничающие за должность, за более высокое положение, могут не знать друг о друге. Подобные процессы неосознанного соперничества могут возникать во всех областях общественной жизни.

Конфликт — это социальный процесс, в котором индивид или группа стремится к достижению собственных целей (удовлетворению потребностей, реализации интересов) путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к сходным или идентичным целям. Конфликт может также возникать между группами, когда группы стремятся к разным целям, но для их реализации хотят воспользоваться одними и теми же средствами. В конфликте всегда есть осознание противника, четко определена ситуация, в которой противник оценивается через противоречие, существующее между стремлениями и целями той и другой стороны. Конфликты рождаются на основе *антагонизма*, из противоположного определения систем ценностей друг друга плюс негативного предубеждения, возникающего из чувства опасности. Схематично: если А определяет Б таким образом, что Б угрожает ценностям, которыми об-

⁵ См.: T. R. Malthus, *Prawa ludności*, Warszawa, 1925.

⁶ См.: J. Szczepański, *Socjologia*, op. cit., rozdz. «Darwinizm w socjologii», s. 173.

ладает А, то у него возникает негативное предубеждение против Б; если, кроме того, А определяет стремление Б как стремление навязать ему ценности Б, тогда рождается антагонизм. Антагонизм по отношению к чужим, например, обычно возникает на почве иррациональных негативных предубеждений и трактовки существования чужих как угрозы себе⁷. Таким образом, антагонизм — это комплекс негативных установок и оценок, могущих привести к действиям, направленным на устранение или подчинение противника. Антагонизм может возникнуть на основе объективной противоположности интересов, но перерождается в конфликт лишь после осознания этой противоположности одним из партнеров.

Конфликт может выступать в разных формах. Борьба — это форма конфликта, в которой противники стремятся показать свое превосходство, принудив противника признать это превосходство. Борьбой являются спортивные соревнования, шахматная партия, но она может приобретать и другие формы — борьбы политической, экономической. Цель борьбы — принудить противника к капитуляции путем признания превосходства и принятия условий, которые из этого признания в данной конкретной области вытекают. Война же — это вооруженная борьба за реализацию политических целей. Поэтому если борьба — явление повсеместное во всех обществах и во все исторические периоды, то война появляется лишь с возникновением политически организованных государств, и можно представить себе историческую ситуацию, когда войны будут устранены как метод разрешения политических конфликтов⁸.

Конфликты могут возникать повсюду, где имеются противоположные интересы, цели, противоположные определения систем ценностей, взаимоисключающие образцы деятельности и критерии оценок. Известны конфликты классовые, экономические, политические, религиозные, моральные и т. д.

⁷ F. Znaniecki, *Studia nad antagonizmem do obcych*, «Przegląd Socjologiczny», t. I, z. 2—4; Józef Chałasiński, *Antagonizm polsko-niemiecki*, «Przegląd Socjologiczny», 1935, t. III.

⁸ См.: Jerzy J. Wiatr, *Wojsko, społeczeństwo, polityka w Stanach Zjednoczonych*, Warszawa, 1962; то же автора: «Socjologia wojska», Warszawa, 1964.

В рамках любой группы процессы приспособления, сотрудничества, соперничества и конфликта происходят постоянно, сохраняя определенное равновесие. Если в рамках существующей организации и системы контроля данной общности эти процессы поддерживаются в таком равновесии, что социальный порядок (как мы его определили в VI главе), обеспечивающий удовлетворение потребностей членов и развитие группы, не находится под угрозой, то мы говорим, что эти процессы протекают социально организованным образом. Но если допустимый предел неустойчивости этого равновесия превзойден, так что удовлетворению потребностей членов угрожает опасность, а система контроля перестает действовать эффективно, то возникает состояние социальной дезорганизации.

Дезорганизация — это совокупность социальных процессов, приводящих к тому, что в рамках определенной общности действия, отклоняющиеся от нормы и оцениваемые негативно, превышают допустимый оптимум, угрожая установленному течению процессов коллективной жизни. Она заключается в дезинтеграции институтов, не выполняющих задач, для которых они созданы, ослаблении механизмов формального и неформального контроля, неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих образцам, признанным допустимыми. Состояние дезорганизации характеризуется интенсификацией следующих явлений: 1) распространение алкоголизма и наркомании в размерах, угрожающих функционированию общности. Алкоголизм и наркомания — это повсеместно существующие явления, но в периоды дезорганизации обнаруживаются их новые формы. Мы различаем алкоголизм церемониальный (выпивка по поводу различного рода торжеств), алкоголизм как развлечение, употребление алкоголя для подчеркивания своей значимости или обеспеченности (среди молодых людей, подчеркивающих таким образом, что они уже взрослые) и пьянство как бегство от действительности, обусловленное чувством бессилия и безнадежности. Периоды дезорганизации знаменуются усилением этого *escape drinking*. Подобным же образом обстоит дело и с наркоманией; 2) распространение сексуального поведения, признанного нежелательным: проституции, супружеских измен, увеличение числа изнасилований, растления мало-

летних, гомосексуализма и других отношений, признанных аномальными, и т. д.; 3) повышение уровня преступности всех видов: гражданских преступлений, грабежей, взломов, убийств, появление организованных банд преступников, коррупция, взяточничество, продажность чиновников, халатное исполнение служебных обязанностей, нарушение закона и т. д.; эти явления усиливают чувство опасности, дезорганизуют отношения между людьми, ослабляют социальную связь; 4) возрастание числа нервных потрясений, психических заболеваний, дезорганизация поведения и дезинтеграция личности.

Процессы социальной дезорганизации могут быть вызваны различными комплексами причин: 1) стихийными бедствиями, например наводнениями, пожарами, землетрясениями, которые резко нарушают течение социальной жизни и делают невозможным функционирование институтов; 2) дезорганизация может быть следствием длительной войны, продолжительных политических кризисов, затянувшейся революции, радикального изменения системы власти; 3) радикальные изменения в одной области культуры, например технике и науке, вызывающие нарушение равновесия и согласованности с другими областями и снижение эффективности действий институтов и форм социального контроля. Например, массовое распространение автомобилей в Соединенных Штатах вызвало много явлений дезорганизации; 4) массовые миграции и перемещения больших масс населения в новые условия, вызывающие длительные периоды неприспособленности и дезорганизации; 5) наконец, следует назвать личные факторы: болезни, умственную неразвитость, болезненные отклонения, психоневрозы, проявляющиеся в количествах, приводящих к перебоям в нормальном функционировании институтов, в особенности когда люди психически неуравновешенные или психически больные имеют возможность принимать участие в общественной деятельности и в решении вопросов коллективной жизни⁹.

⁹ Обзор проблем социальной дезорганизации дает Неймеер: М. Н. Neumeier, *Social Problems and Changing Society*, New York, 1953.

Следующей категорией жизненных процессов, происходящих в общностях, являются процессы мобильности. Выделим *горизонтальную* и *вертикальную* мобильность. К горизонтальной мобильности мы причисляем процессы перемещения в географическом пространстве и процессы перехода из группы в группу без изменения социального положения. Изменения положения в географическом пространстве бывают следующие: ежедневное перемещение населения с места жительства к местам работы, покупок и развлечений. Это важный экологический процесс, руководство которым доставляет много хлопот планирующим органам. Концентрация определенных типов населения на длительные или короткие сроки в определенных городах, местностях, районах — этот экологический процесс может принимать форму сегрегации, концентрации, нашествия (*inwazji*) и преемственности (*sukcesji*)¹⁰. Наконец, существуют также процессы миграции, или изменения положения в географическом пространстве, связанные с переходом в другие общности. Миграция может принимать форму эмиграции, если это переезд в другое государство, или иммиграции, то есть возвращения эмигрантов в прежнюю родную группу. Иммиграцией часто называется более широкий процесс приема на постоянное жительство членов других государств или наций. Существуют процессы межгрупповых миграций, без изменения места в географическом пространстве, например перемещение из одной общности в другую, перемена места работы в рамках одной и той же территориальной общности, без изменения положения в стратификационной иерархии¹¹.

Процессы вертикальной мобильности связаны с переходом вверх или вниз по ступеням иерархизированной дифференциации. Эти два направления известны под названием *продвижения и деградации*.

¹⁰ См.: J. Szczepański, *Socjologia*, op. cit., s. 215—221.

¹¹ По проблемам миграции существует богатая литература. См.: Krystyna Duda-Dziewierz, *Wieś małopolska a emigracja amerykańska*, Warszawa, 1938; Z. T. Wierzbicki, *Migracje zarobkowe we wsi Zmiąca w latach 1945—53*, «*Wieś Współczesna*», 1958, № 7/8, s. 116—136; M. Pohoski, *Z badań nad migracją ze wsi do miasta*, «*Wieś Współczesna*», 1959, № 10, s. 82—95.

Выделим разные виды вертикальной мобильности в зависимости от вида иерархизированной системы, в которой она происходит, от ее продолжительности и от того, является она мобильностью индивидов или общностей. Прежде всего мы встречаемся с индивидуальной мобильностью, заключающейся в прохождении установленных ступеней в какой-либо иерархизированной системе, которую мы называем личной карьерой. Она выражается в получении каждый раз более высоких должностей, связанных с более высоким престижем, доходом, большим участием во власти и т. д. Карьера может быть ограничена рамками одного класса, может вести также от низших классов к высшим, то есть быть межклассовой мобильностью. Далее, существуют процессы мобильности между поколениями, заключающиеся в том, что продвижение вверх осуществляется поколениями, причем каждое последующее поколение завоевывает более высокое положение. Например, сын крестьянина становится учителем, его внуки получают высшее образование, переходят в высшие слои, или сын рабочего становится лавочником, внук — владельцем среднего предприятия, а правнук — крупным капиталистом¹². Эта схема мобильности считалась идеалом вертикальной мобильности мелкой буржуазии. Но процессы вертикальной мобильности могут охватывать целые классы, когда, например, в результате социальной революции угнетенные и эксплуатируемые классы становятся правящими классами. Наблюдается также продвижение или деградация профессиональных категорий, например продвижение технических профессий, деградация гуманитарных профессий.

Общества, в которых существуют установленные пути и каналы вертикальной мобильности, ведущие от низших положений и от низших слоев и классов к высшим, мы называем обществами с открытыми классами. Закрытым общественным классом является каста, ибо переход из низших каст в высшие невозможен из-за формальной системы запретов¹³.

¹² Такую картину мобильности рисует Б. Прус в «Кукле», описывая знакомство Вокульского с Парижем.

¹³ Термин «мобильность» (mobility) ввел Питирим Сорокин; См.: Pitirim Sorokin, *Social Mobility*, New York, 1927. Литература, посвященная исследованиям вертикальной мобильности; об-

Процессы мобильности и процессы дезорганизации вызывают процессы *реорганизации*, или процессы нового складывания и интегрирования системы институтов, образцов поведения и критериев оценок. Временами процессы реорганизации охватывают одновременно макро- и микроструктуру общностей. Реорганизация — это процесс поисков новых принципов упорядочения изменившихся элементов общности, или, иначе, поиски нового жизненного порядка общности. Она может быть предпринята целенаправленно как сознательное усилие, направленное на создание новых основ функционирования и развития общности, может осуществляться как процесс спонтанного приспособления новых элементов или приспособления к новой ситуации. Следует подчеркнуть, что реорганизация, предпринятая как планируемое мероприятие, в первой фазе реализации, как правило, усугубляет дезорганизацию и что этот переходный период неизбежен.

* * *

Мы рассмотрели только некоторые процессы жизни общности, проявляющиеся повсеместно, перечислив их и указав их наиболее общие черты. Исследованиям, описанием и выяснением хода социальных процессов занимаются отдельные разделы социологии. Следует подчеркнуть важность исследования процессов для теории и практики планирования и планового руководства общественной жизнью. Общие закономерности процессов обусловлены как законами развития личности, так и законами развития структуры и организации групп. Существование социальной связи имеет свои закономерности, равно как и основные стремления личности отражают определенный ход процессов. Поэтому планирование, не считающееся с естественными и спонтанными закономерностями процессов, вызывает, как правило, огромное количество непредвиденных и нежелательных явлений, подрывающих его успешность и целесообразность.

ширна. Много эмпирических материалов содержат «Transactions of the Third World Congress of Sociology», 1956, vol. III. Результаты исследований, проведенных в Польше, подытоживает А. Сарагата. См.: А. Сарагата, *Studia nad uwarstwieniem i ruchliwością społeczną w Polsce*. Проблема мобильности посвящен номер журнала «Studia Socjologiczne», 1963, № 1.

Библиографический указатель

- M. H. Neumeyer, *Social Problems and the Changing Society*, New York, 1953.
- R. E. L. Faris, *Social Disorganization*, 1955.
- D. R. Taft and R. Robbins, *International Migrations*, New York, 1955.
- W. Petersen, *A General Typology of Migration*, «*American Sociological Review*», 1958, v. 23, p. 256—266.
- A. Kornhauser in., *Industrial Conflict*, New York, 1956.
- S. M. Lipset i R. Bendix, *Ruchliwość społeczna w społeczeństwie przemysłowym*, Warszawa, 1964.
- Cz. Czapow i S. Manturzewski, *Niebezpieczne ulice*, Warszawa, 1960.

IX. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Введение

Процессы социального развития являются частным случаем процессов изменений и происходят тогда, когда изменение влечет за собой обогащение и дифференциацию элементов системы или отношений между ними. Проблемы развития общества возбуждали интерес философов и практиков с давних времен, но идея прогресса, то есть мысль о том, что изменения, происходящие во времени, связаны с развитием и совершенствованием человека и общности, эта идея вполне развилась лишь в XVIII веке. Мы не будем здесь заниматься повторением общих теорий социального развития, сформулированных начиная с XVIII века и до наших дней, ибо их можно найти в учебниках по истории социологии. Следует, однако, подчеркнуть, что вокруг проблем развития и прогресса кипят политические страсти, ибо многие идеологи в капиталистических обществах, борясь с марксистской теорией развития и неизбежного перехода от капитализма к социализму, попросту выдвинули тезисы, отрицающие справедливость утверждения о том, что существуют постоянные и систематические изменения, происходящие в силу имманентных особенностей общества, ведущие от низших форм социальной жизни к высшим. Поэтому дискуссии вокруг проблем общественного развития иногда приобретают философский или идеологический характер¹. В нашей работе, говоря о социальном разви-

¹ См.: J. J. Wiatr, *Szkice o materializmie historycznym i socjologii*, op. cit., rozdz. II. См. также: W. E. Moore, *A Reconsideration*

тии, мы имеем в виду эмпирически доказуемые факты изменений, вызывающих постоянное обогащение и дифференциацию структуры, организации, отношений между людьми, постоянное обогащение культурных систем, обогащение науки, техники, институтов, расширение объема возможностей удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей. Эти факты, бесспорно, доказуемы, их можно измерить, выразить в точных показателях и статистических данных, и поэтому я не вижу необходимости вдаваться в дискуссию на тему о том, развивается общество или нет.

В нашем изложении мы займемся прежде всего проблемой причин и факторов, вызывающих развитие социальных общностей. В ходе изложения мы уже подчеркивали, что существующие между людьми индивидуальные различия проявляются в общественной жизни в реализации образцов, признании ценностей и т. д. Поскольку состав групп постоянно изменяется, люди изменяются с возрастом, умирают, подрастают молодые поколения, то вследствие этой текучести групп происходит постоянный процесс изменений, которые, накапливаясь во времени, проявляются в виде изменения, проникающего достаточно глубоко в структуру и организацию общности. Но помимо этого постоянного процесса изменений, в общественной жизни порой обнаруживаются более серьезные и более быстрые изменения, вызванные не спонтанным и медленным нарастанием изменений, вытекающих из индивидуальной дифференциации людей, а изменениями в основах социальной жизни, реорганизацией институтов, организованными стремлениями, проявляющимися в реформаторских или революционных движениях, благодаря которым эти изменения становятся элементами коренного развития общности. Факторами, обуславливающими такое развитие, прежде всего являются: 1) изменения в природных основах социальной жизни; 2) изменения в методах производства, вытекающие из технических усовершенствований орудий производства, средств коммуникации и транспорта, которые влекут за собой развитие производственных отношений, а в конечном счете — изменения во всей надстройке общества; 3) изменения в

of Theories Social Change, «American Sociological Review», 1960, № 25, p. 810—818.

культурных основах социальной жизни, привнесенные из других общностей,— поэтому явление диффузии элементов и комплексов культуры является следующим фактором социального развития; 4) организованные общественные движения, реформаторские или революционные; 5) введение нового законодательства под давлением различных сил и групп; 6) накопление изменений, вызванных дифференциацией и стремлениями индивидов. Все эти факторы и силы неравноценны. Самыми важными являются изменения в основах коллективной жизни: природных, экономических и культурных. Изменения географической, демографической и биологической среды создают новые потребности и стимулы, но способ их удовлетворения и приспособления к ним зависит от уровня знаний, техники, и если в этих областях не наступают изменения, то влияние этих природных изменений сказывается исключительно медленно. Быстрый прирост населения вызывает серьезные изменения в жизни современных обществ, но сам он — результат развития медицины, продляющей человеческую жизнь и уменьшающей детскую смертность, а следовательно, результат развития науки. Поэтому мы не будем здесь заниматься влиянием изменений природных основ на социальное развитие и сразу перейдем к рассмотрению изменений в экономических условиях и изменяющихся на их основе культурных систем, или же культурных изменений, вытекающих из диффузии.

Технические и научные изобретения

Технические изобретения обычно возникают благодаря новым способам комбинации уже существующих элементов техники и их постепенной модификации. Поэтому технические изобретения имеют кумулятивный характер, и кривая их развития растет подобно кривой роста капитала, помещенного под сложный процент. Влияние технических изобретений и научных открытий на общественную жизнь происходит через изменения в средствах производства, создание новых средств производства, повышение их производительности, замену человеческой энергии и энергии животных механической. Применение машин повышает количество произведенных благ, ускоряет их транспортировку, сокращает пути коммуникаций, облег-

чает перемещение людей в пространстве и передачу информации. Повышение производительности, продуктивности труда вызывает необходимость изменений в формах организации производства, изменяет отношения между людьми, занятыми в промышленности, на транспорте и в сфере обслуживания, требует повышения их квалификации, изменяет количество и состав рабочей силы — таков комплекс экономических явлений, вытекающих из технических изменений, представленный, разумеется, очень кратко и схематично. В дальнейшем эти изменения приводят к новым способам мышления, новой идеологии, новому мировоззрению, меняют отношения между людьми, пробуждают новые культурные потребности, создают новые целевые группы, новые институты, необходимые для регулирования новых социальных отношений, и т. д. Например, изобретение и затем применение паровой машины в промышленности во второй половине XVIII века вызвало промышленную революцию, а впоследствии создало новый тип индустриального общества. Но прежде всего промышленная революция, создавая крупную промышленность, создала два новых социальных класса: промышленную буржуазию (которая, правда, существовала уже до того, но промышленная революция укрепила ее силу) и промышленный пролетариат, современный рабочий класс, который в своем развитии пришел к социалистической революции и созданию социалистических государств. Таким образом, мы видим, что развитие орудий труда, вызванное прогрессом техники и науки, глубоко изменяет все области коллективной жизни, структуру (как макро-, так и микроструктуру) общностей, их культуру и способ удовлетворения повседневных потребностей².

² Существует обширная литература, посвященная влиянию технического прогресса на общественную жизнь. См.: например: Georges Friedmann, *Maszyna i człowiek*. Warszawa, 1960; S. McKee and L. Rosen, *Technology and Society*, New York, 1941. Процесс формирования рабочего класса под влиянием промышленной революции раскрыл Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии». См.: W. Markiewicz, *Społeczne procesy uprzemysłowienia* Poznań, 1962; Г. В. Осипов, *Техника и общественный прогресс*. М., 1959; L. Taniowski, *Społeczne skutki postępu technicznego*, 1961. Обширную библиографию на эту тему приводит Матейко: A. Matejko, *Praca i koleżenstwo*, Warszawa, 1963.

Взаимопроникновение культур

Неравномерное развитие отдельных обществ — исторический факт, и мы не будем здесь заниматься его объяснением. Из него вытекает важный процесс, названный диффузией культур, заключающийся в обмене элементами культуры между различными обществами. В процессе диффузии из более развитых обществ в менее развитые проникают элементы и комплексы, которые, будучи раз перенесены, вызывают дальнейший процесс развития. Иначе говоря, диффузия культур как бы сокращает естественный путь развития общества. Например, перенесение в Японию во второй половине XIX в. промышленной цивилизации из Западной Европы содействовало возникновению там в рамках существующего феодализма индустриального капиталистического общества без революции, свергающей этот строй, и без того долгого пути, который прошла Европа, прежде чем она создала науку и технику, позволяющую создавать машины и использовать их в промышленности.

Взаимопроникновение культур совершается различными путями: через контакты между индивидами, в ходе которых перенимаются идеи, обычаи, книги, произведения искусства, новые научные, философские, художественные, технические течения³, через контакты между институтами различного рода, через торговый обмен, через развитие средств коммуникации и транспорта. Изолированные общества, не поддерживающие контактов с другими, проявляют тенденцию к стабилизации, застою и окостенению. Типичным примером этого является Китай, который почти до половины XIX века, а точнее, до начала XX века не допускал в страну ни идей, ни товаров из других стран, задерживаясь в своем развитии и создавая государство окостеневших, устаревших институтов и социальной структуры. В процессе диффузий материальные элементы культуры переносятся обычно быстрее, чем нематериальные, равно как и быстрее воспринимаются второстепенные элементы культуры, менее связанные со структурой и социальной организацией принимающей их общности. Социалистические общества

³ См., например: S. Czarnowski, *Kultura*, op. cit., rozdz. «Wędrówka narzędzia».

принимают от капиталистических стран машины, но отвергают их идеологию; первобытные общества легче перенимали украшения и элементы одежды, чем орудия труда, которые изменили бы установленный, освященный обрядами ход выполнения работ. Существует, следовательно, определенный механизм сопротивления перениманию нового, обусловленный механизмами и внутренней связью системы институтов, механизмом контроля, принуждающего членов к конформизму, и сплоченностью социальной организации⁴; против новых элементов борются также те социальные силы, которые видят в них угрозу своим интересам, например все реакционные правительства борются с революционными идеями.

Научное, техническое и художественное творчество всегда находится под контролем групп, в которых оно существует, поскольку его результаты могут создавать угрозу существующим структурам, институтам, иерархии должностей, системе власти, престижу индивидов, занимающих представительные посты, и т. д. Поэтому история науки, техники, литературы и искусства дает много примеров решительного сопротивления новым теориям (Коперник, Дарвин), техническим изобретениям (например, внедрение паровых машин в промышленность длилось несколько десятилетий), культурным течениям (например, романтическая поэзия в течение долгого периода встречалась издевательствами, равно как и некоторые течения в изобразительном искусстве были встречены негодованием и насмешками). Задача социологии знания, социологии науки и социологии искусства — исследование тех социальных условий, которые благоприятствуют творчеству и новаторству, способствуют развитию творчества в отдельных областях науки и техники, условий, определяющих отношение к ним, а также исследование влияния, какое они оказывают на всю совокупность процессов общественной жизни.

Рассматривая выше проблему связи системы институтов и социального контроля, мы одновременно указывали, что слишком большая жесткость этой системы становится фактором окостенения и ослабления темпа со-

⁴ См.: S. Czarnowski, *Kultura*, op. cit., rozdz. «Opory kultury»; W. Orkan, *Listy ze wsi*; Ryszard Turcki, *Dynamika przemian społecznych w Polsce*, Warszawa, 1961.

циальных изменений. Это особенно ярко проявляется в процессах перенимания технических изобретений, научных или других нововведений в любой области общественной жизни, где жесткость системы институтов может ограничить объем и интенсивность изобретательства или же объем культурной диффузии. Таким образом, институты, с одной стороны, являются фактором поддержания внутренней сплоченности, фактором, увеличивающим силу общества. Но в периоды быстрых социальных изменений при отсутствии достаточной эластичности и возможности приспособления к происходящим вне их изменениям они могут стремиться задержать изменения даже во вред глобальному обществу.

В период быстрых социальных изменений, когда поддержание соответствующего темпа развития становится важной политической задачей общества, государства или отдельные целевые группы развивают специальные институты, имеющие целью содействовать развитию или облегчать проникновение культурных достижений из других групп. Это могут быть институты обмена, институты, осуществляющие переводы, организацию международных конференций или других форм сотрудничества вплоть до института разведки, стремящегося перенять и те открытия, которые отдельные государства или группы хотели бы скрыть как совершенно секретные.

Социальные движения

Социальные движения обычно возникают на основе экономических и культурных изменений, на основе преобразований в материальном базисе общества либо новых идей, привнесенных из других обществ. Следовательно, сами по себе они не являются основным фактором общественного развития, но представляют или могут представлять в некоторые периоды могучую силу, заменяющую общество. Социальным движением мы называем совместные стремления людей к реализации общей цели. В некотором смысле каждая целевая группа — это выражение определенного социального движения, или, точнее говоря, некоторые движения приобретают форму целевых групп.

Механизм возникновения социальных движений обыч-

но таков: если в каком-либо обществе какая-то часть людей не может удовлетворить свои экономические, культурные, политические или другие потребности — безразлично, по каким причинам и чем вызвано такое положение вещей (это могут быть изменения, обусловленные техническим или экономическим развитием или культурной диффузией), — тогда неудовлетворенные потребности вызывают недовольство, фрустрация, переключение психической энергии, мобилизованной для достижения средств удовлетворения потребностей, на борьбу против действительных или воображаемых препятствий, короче, возникает состояние эмоционального напряжения, психического беспокойства, которое благодаря контактам, взаимопониманию, осознанию большинством людей общности своего положения превращается в состояние социального беспокойства. Социальное беспокойство проявляется в поисках контактов, в дискуссиях и разговорах в неформальных кругах, в поисках разрешения ситуации, признанной невыносимой, в размышлениях по поводу действительных или надуманных вопросов этого положения вещей и т. д. Состояние беспокойства может охватывать большие или меньшие общности, может касаться лишь некоторых профессиональных категорий, может затрагивать целые социальные классы или некоторые территориальные общности. Состояние беспокойства — это исходный пункт развития социальных движений, и в зависимости от того, какие потребности не удовлетворены, какие группы, круги, слои или классы охвачены беспокойством, развиваются различные социальные движения.

Термин «социальное движение» иногда употребляют взамен термина «социальные процессы». Например, когда члены какой-либо общности начинают собственными силами искать средства удовлетворения потребностей и разрешения ситуации, которая вызывает их беспокойство, возникают определенные *массовые явления*. Когда безработные жители деревни самостоятельно, неорганизованным образом и независимо друг от друга начинают искать работу вне деревни, возникает миграция как социальный процесс, описанный в предыдущей главе. Если, например, большое число людей самостоятельно начинает увеличивать число книг, прочитанных в течение года, возникает массовое явление, называемое интересом к чте-

нию; если те же самые люди начинают совместно стремиться к созданию библиотек, читален, клубов читателей, то возникает движение читателей. Массовые явления отличаются от процессов тем, что они обычно кратковременны и не проявляются в более длительных сериях, а от социальных движений они отличаются тем, что стремление к разрешению сходных ситуаций является в них не общим, а лишь сходным, что массовое явление — это лишь сумма сходных поступков, а не общее стремление к реализации общей цели. Но тем не менее массовые явления, так же как и социальные движения, вводят новые элементы в социальные отношения, организации и структуры, а следовательно, являются фактором развития. Термин «социальное движение» мы сохраняем для обозначения коллективных, совместных стремлений и действий, совершаемых более или менее организованно для достижения определенного положения вещей, изменяющего социальную ситуацию участников движения.

Выделим три рода социальных движений: а) движения реформаторские, б) движения революционные, в) движения экспрессивные⁵.

Реформаторские движения возникают тогда, когда состояние социального беспокойства охватывает некоторые ограниченные круги и общности, когда совместные стремления к изменению существующей ситуации не сталкиваются с репрессией со стороны силы, когда лидеры и деятели движения имеют свободу действия, пользуются средствами публичной связи с общественностью и когда неудовлетворенные потребности не касаются существенных жизненных процессов. Реформаторские движения институционализируются в форме добровольных объединений, действуют в рамках установленного социального порядка, стремятся к проведению желаемых изменений путем законодательства или изменений в институтах и формальной организации общности. Реформаторскими движениями были, например, движение за эмансипацию женщин, профессиональное движение, просветительские движения, антиалкогольное движение, движение в защиту животных, различные филантропические движения и т. д.

⁵ Классификация по: A. M. Rose, *Sociology*, op. cit., p. 347 и др.

Реформаторские движения проходят обычно более или менее выраженные фазы развития. Очевидно, в зависимости от целей и социального диапазона движения эти фазы могут выступать более или менее отчетливо, а некоторые могут не выступать вообще. 1) Первым этапом развития является состояние социального беспокойства, охватывающее некоторые круги и общности по поводу определенного положения вещей, вызывающего недовольство. 2) Это состояние приводит к спонтанному возникновению разных форм агитации, дискуссии, пропаганды, посредством которых ищут способы разрешения проблемы. Эти формы деятельности осуществляются людьми, наиболее остро ощущающими состояние недовольства или обладающими определенными концепциями и представлениями об изменениях, какие следует провести, чтобы изменить неудовлетворительное положение вещей. 3) В результате этой спонтанной деятельности возникает сознание общности целей, создаются круги и свободные неформальные группы людей, объединенных сознанием общности целей. В этих группах и кругах выделяются лидеры, которые иногда могут обладать чертами пророков, провидцев, идеологов, создающих представление о новом порядке или новом положении вещей. 4) Спонтанно возникающие круги и неформальные группы для реализации своих общих целей создают организованные целевые группы, добывающие средства для проведения организованной деятельности. Так возникают объединения, имеющие свое управление, формальную организацию, свои статуты и предписания, регулирующие их деятельность. Во главе их становится новый тип лидера-организатора. Возникает нужда в технических руководителях, умеющих организовать и направить деятельность порой быстро растающих объединений, охватывающих большую территориальную область. Это этап возникновения и разрастания институциональных форм движения. 5) Следующая фаза развития движения состоит в использовании возникших организационных форм для реализации целей. Тогда обычно на первый план выдвигаются политики или деятели, являющиеся не организаторами, а исполнителями, обеспечивающими эффективную деятельность. В этой форме движение обычно достигает своих принципиальных целей либо терпит решительное поражение. Но даже после достижения принципиальных целей организа-

дия остается и действует дальше, ибо существующие институциональные формы становятся местом работы и источником существования для многих работников возникшего административного аппарата. Нередко в рамках этого аппарата создаются более мелкие клики или подгруппы, использующие объединение в собственных целях. В интересах работников, независимо от того, получают они дополнительные выгоды или нет, поддерживать организацию, обеспечивающую им общественное положение, средства существования, стабилизацию и т. д. 6) Тогда движение вступает в последнюю фазу — окостенелого прозябания, фазу, когда во главе институциональных форм становятся администраторы, работающие по бюрократизированным правилам. Окостенение и бюрократизация реформаторских движений имеют несколько причин. С течением времени изменяется общая социальная ситуация в среде, в которой происходит движение, и созданные в прошлом институты и организация движения уже не соответствуют существующим условиям. В связи с этим создаются бюрократизированные формы управления, которые легче могут приспособиться к изменившимся условиям. Лидеры и деятели движения становятся с течением времени консерваторами, которые не только привязаны к старым формам и целям, но и стремятся сохранить то, что они сами создали, то есть институты и учреждения движения. В рамках этих институционализированных форм создается давление общественного мнения, лояльность по отношению к движению, которые также затрудняют его динамическое приспособление к новым условиям. А поскольку положение вещей, которое когда-то вызывало беспокойство, перестало существовать, то, следовательно, и цели движения поблекли и утратили силу, мобилизующую эмоции и стремления.

Теоретики социальных движений иногда различают реформаторские движения с общими целями и с частными целями⁶.

⁶ Литература, посвященная движениям профсоюзов, эмансипации женщин, антиалкоголизму, защите животных, защите детей, социальной опеке, дает материал для исследования этих движений. См., например: «*Śłużba Społeczna*» (журнал Польского Института социальной службы), «*Łódź*», 1947; Helena Radlińska, *Pedagogika społeczna*, op. cit.

Революционные движения в начальных стадиях могут быть похожи на реформаторские движения. Если же движение должно принять форму победоносного революционного движения, то должны быть соблюдены некоторые важные условия: недовольство и состояние беспокойства должно охватить широкие массы, чаще всего — целые общественные классы; они должны затрагивать существенные жизненные потребности так, чтобы создать сильные мотивы, побуждающие к участию в революционном движении; нет условий для свободной деятельности лидеров и организаторов движения, которые с самого начала встречаются с острыми репрессиями. Но основное различие между революционным и реформаторским движением заключается в целях, которых хотят достигнуть, и в методах, какими хотят эти цели реализовать; цели и методы являются следствием причин, вызывающих социальное беспокойство, и условий, делающих невозможной реформу. Следовательно, революционные движения — это движения, направленные не к реформе существующего положения вещей, а к его принципиальному изменению путем его испровержения силой. Поэтому оно должно мобилизовать большую социальную энергию, чем реформаторское движение, использовать другие средства деятельности, должно обладать общественной идеологией, дающей представление о новом общественном порядке, должно иметь формальную организацию — зачаток власти, способной руководить революцией и стать политической властью.

Некоторые социологи-историки на основе известных великих революционных движений и революций старались установить некоторые типичные фазы развития этих движений. Бернард Горроу⁷ представляет эти фазы сле-

⁷ Bernard J. Gorrow, *The Comparative Study of Revolution*, «Midwest Sociologist», 1955, vol. XVII, p. 54—59. Он использует здесь работы: Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution*, New York, 1938; Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution*, Chicago, 1927; Rex D. Hoper, *The Revolutionary Process*, «Social Forces», 1950, vol. 28, p. 270—279. Марксистскую точку зрения представляют: J. J. Wiatr, *Szkice o materializmie historycznym i socjologii*, op. cit., rozdz. III «Teoria rewolucji a socjologia zachowania politycznego»; H. Landau, *Marksistowska teoria rewolucji*, 1963; Marek Waldenberg, *Lenin o formach rewolucji socjalistycznej*, «Studia Filozoficzne», 1960, № 2—3; того же автора: «Z historii zagadnień form rewolucji socjalistycznej», «Kultura i Społeczeństwo», 1963, z. 4.

дующим образом: 1) период социального беспокойства, недовольства, брожения; 2) беспокойство охватывает интеллектуалов, которые формулируют идеологию, дающую представление о новом общественном порядке; 3) возникновение целевых организаций, подготавливающих революцию, ее политическую и экономическую программу, становящуюся основой мобилизации широких масс на поддержку движения; 4) революционный взрыв; 5) период власти, осуществляемой умеренными группами; 6) мобилизация и развитие экстремистских групп, опасаящихся, что умеренные не защитят революцию и ее завоевания; 7) захват власти экстремистами и период террора для подавления контрреволюции; 8) спад волны террора, стабилизация нового порядка или реставрация старого порядка.

Не все революции должны иметь именно такой ход. Приведенная выше схема разработана на основе хода великих революций. Известны также революции бескровные, без периода террора. Победоносная революция приводит в жизнь новый институциональный порядок, изменяет формальную организацию общества, производит сдвиги в классовой структуре. Нужно также подчеркнуть, что никакая реставрация после подавления революции не может восстановить предреволюционный порядок без изменений. Течение революции оставляет слишком глубокие следы в системах ценностей, в образцах поведения, в обычаях и неформальной организации общности, в иерархии престижа и т. д., чтобы можно было полностью реставрировать старый социальный порядок⁸.

Революционные движения и революции делятся на различные категории в зависимости от целей, идеологии, размаха и социальной базы. Наиважнейшие и глубочайшие изменения общества вызывают революции социальных классов, свергающие господство одних классов и приводящие к власти новые классы, например Великая французская революция, которая свергла феодальный строй и привела к власти буржуазию, или Великая Октябрьская революция, которая ликвидировала господство буржуазии и привела к власти рабочий класс, создающий социалистический строй. От революций этого типа сле-

⁸ Это убедительно показывает историческое исследование реставрации после падения Наполеона.

дует отличать революции, проводимые частью некоторых классов, направленные только к устранению господствующих элит, без далеко идущего преобразования социального строя, или государственные перевороты, осуществляемые армией, направленные только к смене властителя, как, например, бунты преторианцев в Риме. Очевидно, в истории встречаются также революции, соединяющие в себе отдельные элементы этих различных типов.

Экспрессивные движения — это определенные процессы, охватывающие иногда широкие круги и общности людей, ищущих удовлетворения потребности выражения личности, удовлетворения эстетических, религиозных или интеллектуальных потребностей, а также потребности выразить определенные импульсы, возникшие под влиянием какой-либо выдающейся индивидуальности. Сюда относятся движения морального и религиозного возрождения, охватывающие иногда широкие массы, но не образующие компактной институционализированной формы, какую мы встречаем в реформаторских и революционных движениях, эстетические движения, движения сторонников определенных интеллектуальных и художественных течений, например экзистенциализма, движения приверженцев джаза или твиста и т. д. Сюда относятся некоторые молодежные движения, ищущие близости с природой или пропагандирующие особые формы дружбы, связанные с неопределенными взглядами мистического характера⁹.

Экспрессивные движения, распространяющиеся на основе «эмоционального заражения», еще хорошо не изучены. Их влияние на общественную жизнь не затрагивает структуры и формальной организации. Они изменяют и обогащают образцы поведения, системы ценностей, критерии оценок, вносят и пропагандируют новое интеллектуальное содержание, новые эстетические взгляды, пропагандируют определенную моду в одежде, в манере выражаться, во взаимоотношениях и взаимодействиях. Они создают новые установки и способствуют распространению идеологии.

⁹ Наибольшему изучению подверглась мода. См., например: Alfred Y. Kroeber and Jane Richardson, *Three Centuries of Women's Dress Fashions, 1940*; Russell Lynes, *The Tastemakers*.

Право как фактор социального развития

Все реформаторские и революционные движения стремятся к тому, чтобы проведенные в жизнь изменения закрепить в форме законов. С социологической точки зрения право — это совокупность формализованных санкций, регулирующих поведение индивидов, деятельность институтов, целевых объединений и т. д. Эффективность действия права основана на сложном психологическом и социальном механизме, в котором элементы своеобразной магии соединяются с применением физической силы и физического принуждения¹⁰. Не вдаваясь сейчас в эти проблемы, займемся кратко некоторыми аспектами действия права как фактора социального развития. Подчеркнем, что право является фактором как развития, так и регресса, если оно эффективно тормозит реформы и не допускает изменений.

Как фактор развития право функционирует тогда, когда становится защитником людей, поступающих неконформистски, когда обеспечивает защиту изобретателям, новаторам во всех областях, глашатаям новых идеологий, когда оно обеспечивает им возможность выразить себя и создать новые ценности. Этот принцип, воплощенный в законодательстве, оказался могучим фактором прогресса¹¹.

Право обеспечивает также поддержку группам и индивидам, созидующим и планирующим новый порядок, особенно в тех обществах, где социальное, экономическое и культурное развитие направляется планом. Право обязывает все общество обеспечивать средства и содействовать этому планомерному усилию. Право, следовательно, унифицирует и регулирует мобилизацию энергии и средств для достижения планируемого положения вещей. Без су-

¹⁰ См.: Franciszek Studnicki, Działanie przepisu prawa; Adam Podgórecki, Społeczne warunki skuteczności działania przepisów prawnych (обе статьи в: «Studia Socjologiczne», 1962, № 2); L. Petrażycki, Wstęp do teorii prawa i moralności, Warszawa, 1945; Zygmunt Izdebski, Oddziaływanie społeczne prawa konstytucyjnego, «Państwo i Prawo», 1948, № 11; того же автора: «Niemiecka lista parodowa na Śląsku», 1947.

¹¹ Известное изречение Вольтера выражает этот принцип: «Я не согласен с тобой, но буду до конца защищать твоё право высказывать свои взгляды».

уществования правовых форм такое плановое усилие было бы невозможно. Но это не означает, что достаточно провозгласить соответствующий закон, чтобы он автоматически привел к нужным результатам. Это не так, однако одних неформальных санкций недостаточно для руководства совместными усилиями таких больших общностей, как государство и нация¹².

Наконец, право является мощным фактором, регулирующим процессы изменений и не допускающим их дезорганизации. Устанавливая пределы терпимости для поведения, отклоняющегося от нормы, применяя репрессии по отношению к нежелательному поведению, право определяет рамки социальных процессов. Разумеется, право не действует само по себе, и когда институты, наблюдающие за соблюдением и нарушением предписаний права, сами подвергаются распаду, то и само право становится менее эффективным. Следует, однако, помнить, что право действует главным образом посредством того, что граждане государства обладают лишь идеей существования права и отдельные его предписания им неизвестны на 99%, а следовательно, даже тогда, когда институты, осуществляющие право, подвергаются дезорганизации, идея права продолжает свое воздействие.

* * *

Общие теории социального развития занимаются установлением законов развития, то есть установлением необходимых этапов, через которые должны проходить общества в своем развитии и которые вытекают из внутренних закономерностей исторического процесса. Общая теория развития — синтез и обобщение конкретных исследований социальных процессов развития, происходящих в группах и общностях, в микроструктурах и малых общностях. Общая теория развития занимается развитием глобального общества. Примером такой теории является теория исторического материализма¹³.

В рамках такой общей теории возникает прежде всего вопрос о том, каково отношение индивидуальных мотив-

¹² См.: Adam Podgórecki, Socjologia prawa, Warszawa, 1962.

¹³ См.: «Исторический материализм», под общей редакцией Ф. В. Константинова, изд. 2-е, М., 1954.

вазий к процессу социального развития и какова роль индивидов в определении хода этого процесса. Некоторые теории XIX века именно в действиях и решениях выдающихся личностей видели главную силу, движущую общество вперед. С другой стороны, не было недостатка в аргументах, что-де изменения в технике производства, изменения в производственных отношениях совершаются потому, что индивиды испытывают определенные потребности, что они действуют согласно своему субъективному определению ситуации, а следовательно, что мотивацией индивидов являются решающим фактором развития как микро-, так и макроструктур, малых групп и глобальных обществ. Однако такое понимание является слишком упрощенным. Рассматривая вопрос эмпирически, мы устанавливаем: в настоящий момент состояние польского общества является таким-то и таким-то. В нем существуют определенные отрасли промышленности, создающие определенные возможности работы, заработка, получения образования и т. д. Словом, это объективное состояние общества создает объективные рамки для человеческих действий и стремлений. Существует определенный оптимум возможностей в этих объективных рамках, за которые не может выйти ни один самый гениальный индивид. И никакое субъективное определение ситуации, сформулированное индивидом, не изменит этих объективных рамок. Очевидно, что в этих рамках действия индивидов дифференцированы и создают определенные микроположения вещей, которые суммируются, синтезируются, нарастают и постепенно преобразуют все общество. Но лишь преобразования и изменения этих объективных рамок создают большие возможности деятельности и позволяют достичь более высокого социального этапа.

Социальный прогресс

Вокруг проблемы прогресса велось также много дискуссий и полемик¹⁴. Некоторые теории социального прогресса исходят из того, что развитие является также про-

¹⁴ См.: Jan Lużyński, *Ewolucjonizm w etnologii anglosaskiej a etnografia radziecka*, Łódź, 1956.

грессом, то есть, что новые фазы развития с необходимостью являются более совершенными фазами. Таким образом, развитие — это постоянное улучшение общества. Такая постановка вопроса поднимает одновременно вопрос о критерии, при помощи которого можно оценить, является ли последующая фаза более совершенной.

Теория исторического материализма выработала такой критерий в виде меры возможности развития средств производства и возможности все более всестороннего удовлетворения потребностей все большего числа людей. При помощи такого критерия можно измерить степень совершенствования общества и теорию прогресса из области философии вывести на почву эмпирических исследований. В социологии мы можем также встретить точку зрения, что между развитием и прогрессом нет разницы. Эта точка зрения выводится из эволюционистских теорий XIX века, утверждавших, что любое развитие организма, элемента культуры или социальной системы является по природе вещей и прогрессом, поскольку является совершенствованием, так как обогащенная, более дифференцированная система является вместе с тем и более совершенной системой. Здесь, однако, следует высказать сомнение в том, что, говоря о совершенствовании, мы имеем в виду повышение этической ценности. Эволюция в мире природы заключается в создании более совершенных организмов, лучше приспособленных, лучше подготовленных к борьбе за существование. Развитие групп и общностей имеет несколько аспектов: обогащение количества элементов — тогда мы говорим о количественном развитии группы; дифференциация отношений — то, что мы называем развитием организации; повышение эффективности деятельности — то, что мы называем развитием функций; и, наконец, в общностях выступает еще один аспект — повышение удовлетворенности членов участием в коллективной жизни, аспект ощущения «счастья», который трудно измерить. Мы отдаем себе отчет в том, что группы и коллективы имеют свои моральные критерии, критерии нравственного совершенства индивидов и групп. Моральное развитие групп может быть измерено степенью соответствия их общественной жизни признанным в них моральным критериям, но может быть измерено и степенью «счастья», достигнутого их членами. Во всяком случае, лично я предпочитаю го-

ворить о таком развитии и принять такое его определение, которое не включает никакой оценки, а позволяет измерять уровень развития объективными критериями и количественными показателями. Термин же «социальный прогресс» я предлагаю оставить для определения степени достижения предполагаемого идеала. Если идеал, к которому стремится общность, определен способом, позволяющим его измерить, тогда, очевидно, можно также сконструировать эмпирические показатели прогресса. Если же идеал прогресса предполагает также и критерии морального совершенства, тогда вопрос усложняется, и социолог должен предоставить его решение моралистам и этикам.

Библиографический указатель

- H. G. Barnett, *Innovation: The Basis of Cultural Change*, New York, 1953.
- S. C. Gilfillan, *The Sociology of Invention*, Chicago, 1935.
- M. Ginsberg, *The Idea of Progress*, Boston, 1953.
- W. F. Ogburn, *Social Change*, New York, 1927.
- T. H. Greer, *American Social Reform Movements*, New York, 1949.
- H. Cantril, *The Psychology of Social Movements*, New York, 1941.
- W. King, *Social Movements in the United States*, New York, 1956.
- A. L. Kroeber, *Configuration of Culture Growth*, 1944.
- B. Malinowski, *The Dynamics of Culture Change*, 1945.
- S. M. Rosen and L. Rosen, *Technology and Society*, 1941.
- A. Kamieński, *Prehistoria Polskich Związków Młodzieży*, Warszawa, 1959.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор этой книги — крупный польский ученый и общественный деятель, директор Института философии и социологии ПНР, президент Международной социологической ассоциации.

Вышедшая еще в 1965 г. монография Яна Щепаньского и по сей день представляется лучшим марксистским пособием по социологии, чем и объясняется ее перевод на русский язык.

Но книга эта настолько своеобразна, что без обстоятельного анализа ее многое в вышеприведенной характеристике останется неясным и до предела спорным. Во-первых, только ли пособие, то есть максимально доступным языком написанное изложение общепринятых истин? Во-вторых, беглый просмотр предлагаемого нашему читателю труда Щепаньского наверняка вызовет у многих недоумение: «А что же здесь марксистского?» Ведь мы, что греха таить, нередко привыкли видеть в литературе, претендующей на звание «марксистской», обилие цитат из работ классиков научного коммунизма (притом далеко не всегда и не везде правильно применяемых), буквально на каждой странице выражения типа «в противовес буржуазной социологии марксистская наука правильно утверждает, что...», претензии на исчерпывающее изложение и, самое главное, объяснение множества исключительно сложных социологических проблем, стремление одним махом разделаться с теми вопросами, над которыми не один десяток лет ломают головы лучшие представители социальной мысли.

Ни следа подобного рода тенденций мы не найдем в книге Яна Щепаньского. Хотя в основу ее и положен цикл лекций, прочитанных автором студентам-первокурсникам, перед нами глубокое, очень интересное и тонкое, подлинно научное исследование, которое без каких-

либо преувеличений можно считать во многих отношениях образцовым.

Начнем с того, что Щепаньский великолепно знает многоязычную социологическую литературу — и старую, и новейшую, безошибочно ориентируется в неисчислимом обилии социологических, философских, социально-психологических, исторических, демографических школ, направлений, течений и, что, пожалуй, основное, ко всем им подходит творчески, критически, умея точно находить «рациональное зерно» и давать столь же точную оценку и самым абстрактным теоретическим построениям и сугубо конкретным специальным выводам. В корне чуждый какой-либо претенциозности и категоричности, отлично сознающий, какими губительными последствиями они оборачиваются в любой науке, а тем более в столь молодой еще, по существу, как социология, Щепаньский предельно сдержан и осторожен именно там, где эти качества особенно необходимы.

И в самом деле, разве не соблазнительно было в книге, скромно именуемой «Элементарные понятия социологии», дать четкий ответ на вопрос, уже столько времени являющийся предметом ожесточенных споров, — что такое социология вообще и каков предмет этой науки? Щепаньский считает излишним ставить во главу угла те или иные дефиниции, понимая их субъективность, условность и временный характер, ибо ныне (в отличие от XIX века, когда социология только создавалась и обособлялась от других социальных и философских наук, а потому «точное определение, очерчивающее ее предмет, область исследований и специфические методы, считалось основным условием ее существования или обоснованием ее притязаний на самостоятельность») «преобладает скорее тенденция к интеграции общественных наук, к их сближению и объединению, чем к их разделению. Все более преобладающей становится тенденция к комплексному, всестороннему исследованию явлений и процессов общественной жизни, к совокупному исследованию с точки зрения нескольких наук, к комбинированию их познавательных усилий. С другой стороны, сама по себе дефиниция науки ничего не предрешает, поскольку ни одна научная дисциплина не существует в готовой, замкнутой и неизменной форме, позволяющей охватить ее точной дефиницией, но всегда является изменяющейся системой

взглядов, теорий, гипотез и утверждений, проблем и вопросов, на которые ученые ищут ответы, нередко опровергая то, что еще недавно признавалось безусловным» (стр. 7—8). Несомненно, такой подход — свидетельство глубокого понимания проблемы. И в то же время Щепаньский дает верную характеристику основных объектов изучения социологии — это «явления и процессы возникновения различных форм совместной жизни людей, структуры разных форм человеческих общностей, происходящие в них явления и процессы, возникающие из взаимодействия людей, силы, объединяющие и разрушающие эти общности, изменения и преобразования, происходящие в них» (стр. 8—9). При этом автор предлагает различать общесоциологическую теорию и частную социологию, включающую в себя разделы, изучающие социальные институты (социология семьи, социология политики, социология воспитания, социология права и т. д.), разные типы социальных совокупностей (например, малых групп, территориальных общностей, классов и социальных слоев и т. д.), специализированные исследования социальных процессов (например, явлений социальной дезорганизации).

Очерченная Щепаньским структура конкретного социологического знания позволяет выявить в системе общественных отношений особую область социальной жизни, изучаемую социологией, — «человеческие общности, целостности... образованные индивидами, институтами, культурными образцами и традициями» (стр. 13). В отличие от других общественных наук, исследующих либо общество в целом, взаимосвязи различных сторон общественной деятельности людей (социальная философия), либо отдельные сферы общественной жизни (право, этнография), социология, полагает автор, изучает конкретные формы проявления общих законов в сфере социального взаимодействия людей в исторически сложившихся формах общения.

Такая трактовка проблемы близка к той, которую развивают ныне многие советские исследователи. И это вполне понятно, ибо и они и Ян Щепаньский исходят из единых — марксистских — методологических принципов.

Именно в теории исторического материализма видит польский социолог общую теорию общественного развития, то есть «синтез и обобщение конкретных исследований социальных процессов развития, происходящих в

групах и общностях, в микроструктурах и малых общностях» (стр. 223).

С позиций этой концепции общественного развития решаются Щепаньским все узловые проблемы социологической теории. Весьма показательным в этом отношении его подход к онтологическим проблемам социальной реальности, к поискам ответа на вопрос: что такое социальная группа? «Наше изложение, — пишет Щепаньский, — опирается на материалистическую точку зрения, то есть на предположение, что группа — это определенного рода реальность, существующая независимо от стремления и воли индивидов» (стр. 191). Касаясь тех форм социальных общностей, которые образуют слои и классы, Щепаньский применяет к последним как наиболее верное известное ленинское определение классов: «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹.

В отличие от буржуазных теорий социальной стратификации и их буржуазных же авторов, которые фактически низводят термин «класс» лишь до одной из форм слоя, приравнивая его к касте, статусу и т. п., Щепаньский последовательно применяет Марксову теорию социального расчленения общества, во многом ее успешно конкретизируя и дополняя современными данными (стр. 173 и сл.) и именно в борьбе классов видя могучий фактор, формирующий всю общественную жизнь (стр. 172).

Марксово же определение человека как «совокупности всех общественных отношений» считает Щепаньский исходным и при рассмотрении проблем личности и процесса социализации.

Данный теорией исторического материализма научный анализ структуры общественной формации, причинной связи и функциональных зависимостей между элементами социальной структуры, определение объективной направленности исторического процесса — все это отчетливо осознается и умело конкретизируется польским ученым.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

Такое впечатление производит, в частности, первая глава, где впервые в специальной литературе подробно изложены проблемы социальной экологии, зоо- и фито-социологии, обстоятельно анализируются природные, биологические, геофизические, демографические основы общественной жизни. Здесь множество неизвестных нашему читателю интересных положений (в особенности о роли географической среды), изложены дискутируемые в современной науке острые проблемы (например, о врожденных интеллектуальных способностях), но автор неизменно занимает правильную позицию, — приемля все позитивное, что создано буржуазными социологическими течениями, он категорически отвергает (при том, что важно подчеркнуть, в весьма тактичной форме) их ошибочные, ложные и откровенно реакционные общие выводы, крайности и «перегибы», показывая — в полном соответствии с марксизмом, — что «окончательная форма общественной жизни формируется сложным комплексом сил, в котором природные явления и процессы являются только одним из элементов» (стр. 31).

Постоянная и необходимая основа общественной жизни, подчеркивает Ян Щепаньский, — это производство материальных благ. Именно поэтому «производство материальных благ и связанные с ним явления и процессы в значительно большей степени, чем явления биологические, определяют основные процессы общественной жизни» (стр. 33). И далее: «Производя, люди воздействуют не только на природу, но также и друг на друга, и эти системы взаимодействий, непосредственных и опосредованных, сознательных и бессознательных, образуют *производственные отношения* между людьми» (стр. 34). На основе последних «вырастает «надстройка» культурной деятельности общества, то есть научной, философской, художественной, религиозной и политической деятельности»; в свою очередь оказывающая влияние на базис (стр. 36—37). Такова доминирующая социологическая установка автора, позволяющая ему глубоко проанализировать все остальные сложные проблемы.

С особым интересом читается раздел о культуре, определяемой автором как «совокупность продуктов человеческой деятельности», материальных и нематериальных ценностей и признанных способов поведения, объективированных и принятых в различных общностях, переда-

ваемых другим общностям и последующим поколениям. Как видим, здесь в социологическое понятие культуры включено то, что в нашей литературе обычно анализируется лишь в нормативно-этическом плане,— образцы и модели поведения, нормы, принципы общения и т. д. Такой путь представляется нам совершенно правильным,— равно как и данная Щепаньским дифференциация форм культуры — «личной культуры индивида», «культуры группы», «культурного наследия». Автор вводит в научный оборот такие новые социологические категории, как «функциональные единицы культуры», «культурный комплекс», «культурная модель», «образец культуры» и др., позволяющие изучить внутренние механизмы не только функционирования, но и развития культуры.

Влиянию культуры на общественную жизнь автор уделяет особое внимание, считая, что оно осуществляется через: а) социализацию и формирование отдельного индивида; б) создание и введение ценностей; в) образцы деятельности и образцы поведения; г) создание моделей институтов и социальных систем (стр. 48).

Не вызывает принципиальных возражений и общая трактовка Щепаньским процесса социализации личности. Здесь им выделяются несколько важнейших этапов—этап роста, когда происходит реализация имманентных задатков организма в результате благоприятного взаимодействия организма и среды, этап «полного влияния среды», то есть всех стимулов — как благоприятных, так и неблагоприятных,— воздействующих на организм; этап социализации, когда происходит приобщение индивида к участию в общественной жизни и выполнению различных социальных ролей, и, наконец, этап воспитания, то есть целенаправленного формирования личности.

Значительное внимание уделяется автором воздействию на ход общественной жизни системы ценностей, развивающейся в рамках культуры. Он называет ценностью «любой предмет, материальный или идеальный, идею или институт, предмет действительный или воображаемый, в отношении которого индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость» (стр. 52). И доказывает, что стремление к ценностям «решающим образом влияет на отношения людей с другими индивидами» (стр. 52).

«Социологическая концепция человека и личности» — это, пожалуй, центральный раздел книги Яна Щепаньского, до предела насыщенный богатым и разносторонним фактическим материалом, глубокими и свежими мыслями.

Выше мы уже говорили о том, что за основу автор берет здесь Марксово определение человека как «совокупности всех общественных отношений», одновременно — опять-таки в соответствии с теорией исторического материализма — указывая на важную роль (но отнюдь ее не абсолютизируя!) био- и психозлементов.

«Биогенные, психогенные и социогенные элементы личности, — указывает Щепаньский (см. стр. 76) — ...взаимно приспособлены друг к другу, сопряжены и составляют интегральное единство структуры и функционирования» (хотя между ними зачастую возникают противоречия или конфликты).

Правильно констатируя тот факт, что пока еще нет последовательной и полной социологической теории личности, Щепаньский тем не менее делает акцент на главном — на том, что свою человеческую природу человек приобретает «благодаря совместной социальной жизни, а в изоляции она обречена на исчезновение» (стр. 65). Этот процесс настолько точно и ярко очерчен автором, что даже у профессиональных социологов вызовут живейший интерес те страницы, где речь идет о понятиях, казалось бы им давным-давно и досконально известных, — «социальная роль», «субъективное Я», «отраженное Я», и т. д., — но нередко под пером Щепаньского предстающих в ином, более глубоком и интересном свете.

В большей части своей оригинальным представляется нам и раздел «Социальная связь», в особенности трактовка типологии и структуры социальных связей, а также анализ форм социального контроля.

Большое методологическое значение имеет и рассматриваемая здесь проблема интерпретации социальной реальности. Автор подробно рассматривает различные формы пространственных и психических контактов, их связь с непосредственными социальными контактами и возникающим на их основе систематическим социальным взаимодействием. Эта проблема — одна из кардинальных в социологической теории, и потому будет весьма поучительно ознакомиться с той трактовкой, которую дает ей Ян Щепаньский.

Вслед за Флорианом Знанецким — этим выдающимся ученым, чей вклад в развитие социальных наук только сейчас, по существу, начинает вырисовываться во всей своей масштабности и глубине, — он считает социальные действия или поступки определенными системами, состоящими из нескольких элементов:

«...социальными действиями, — отмечает Щепаньский, — мы будем называть только те действия, которые имеют целью вызвать изменения поведения, установок или стремлений индивидов или общностей» (стр. 85). Это определение позволяет «отделить социальные действия в точном значении этого слова от действий, например, религиозных, в которых предмет действия — некая трансцендентная сила, а цель действия — изменение поведения этой силы (бога)» (стр. 85). Подробно анализируя цель и структуру социальных действий, Щепаньский, однако, отнюдь не считает нужным полностью одобрять все детали соответствующей концепции Знанецкого, слабым местом которой является, как известно, преуменьшение значения психологического аспекта установок и восприятие всех социальных и культурных явлений в том виде, как их переживает «актер», а также отрицание значения для социологии теории личности как организованной системы взглядов и действий. Щепаньский не склонен разделять тезис Знанецкого о том, что социальные действия — это основной тип замкнутых социальных систем, равно как и утверждение Макса Вебера, что социальные действия представляют собой основной элемент социальной действительности и что все сложные общественные образования, такие, как институты, группы и другие совокупности, являются, собственно, конstellациями и кристаллизациями этих действий. Не склонный к подобного рода максимализму, Щепаньский все же признает, что именно в них осуществляется функционирование индивидов и групп, функционирование социальной связи.

Он определяет социальные взаимодействия как «взаимно сопряженные системы действий, между которыми возникает причинная зависимость» (стр. 89), но, к сожалению, считает почему-то излишним сколько-нибудь подробно развывать далее эту интересную мысль.

В этом же разделе обратим внимание на критику автором тех буржуазных социологов (в первую очередь так называемых «социальных бихевиористов»), которые

стремятся все явления и процессы, происходящие в любом обществе и в любом масштабе, свести к явлениям взаимодействия и провозгласить «центральным предметом исследований общественных наук» взаимодействия индивидов и групп (Д. Ландберг), причем преимущественно непосредственные взаимодействия, вызванные осознанием присутствия предмета воздействия. Щепаньский же не разделяет убеждения, «что вся «действительность» жизни группы или иной общности сводится лишь к взаимодействиям между членами малых групп, что эти взаимодействия слагаются исключительно из действий, являющихся реакциями на поведение партнера, находящегося непосредственно перед нами» (стр. 90). В соответствии с подлинно материалистическими принципами Щепаньский придает понятию «взаимодействие» более широкое значение, охватывая им также «взаимодействия, вытекающие из системы зависимостей, существующих между индивидами независимо от их сознания, что позволяет... исследовать структуры и процессы, происходящие под действием надиндивидуальных сил» (стр. 90).

Важное значение приобретает и даваемая польским ученым трактовка многозначного (и в нашей литературе не всегда точно употребляемого) термина «социальные отношения», понятий о социальной зависимости и социальном контроле. К различным элементам последнего Щепаньский относит «привычки», «обычай», «санкции», «социальный институт». Определяя данное понятие, автор не только критически осмысливает дефиниции, встречающиеся в специальной литературе, но и устанавливает основные критерии для более емкой и исчерпывающей его характеристики. Рассматриваемые Щепаньским категории «поведение», «действие», «установка», «образец действия», «взаимодействие», «воздействие» «социальное действие», «социальный контакт», «социальная организация» подводят читателя к характеристике социальных отношений в целом.

Интересна трактовка, даваемая автором понятию «социальная организация», которое одни исследователи отождествляют с общественным устройством, другие — со структурой, считая, что в обоих случаях речь идет о функциональной системе, упорядочивающей составные элементы общности и делающей возможным ее существование и развитие.

Щепаньский, однако, считает необходимым отличать организацию «как систему методов координирования функций и средств... от социальной организации, которая может быть и очень часто бывает результатом спонтанных процессов, никем не направляемых» (стр. 111), а также отмежевывать ее от структуры (считая последней «упорядочение составных элементов какого-либо целого в соответствии с определенным принципом, делающее возможным функционирование целого»). Структура, полагает Щепаньский, — это строение какого-то целого, организация (формальная, неформальная) — это его функционирование (стр. 112).

Много нового вносит Щепаньский и в проблему социальных общностей, в особенности там, где речь идет о понятии «группа». Таковой он называет «определенное число лиц (не меньше трех), связанных системой отношений, регулируемых институтами, обладающих определенными общими ценностями и отделенных от других общностей определенным принципом обособления» (стр. 117—118). Естественно, встает вопрос — почему не меньше трех лиц? Ведь, как известно, многие социологи считают, что уже два лица являются социальной группой. «Я полагаю, однако, — пишет Щепаньский, и его аргументация представляется нам вполне убедительной, — что пара, то есть два лица, образуют особый вид, в котором возникают отношения, не имеющие характерных признаков отношений, возникающих в больших общностях, и прежде всего в группах. Я полагаю, что группа начинается только там, где в рамках одной социальной организации индивид А находится в отношениях не только к Б, но и к В, и в отношении к тому, что происходит между Б и В... Далее, мы считаем, что для появления группы существенна внутренняя организация, то есть институты, формы контроля, образцы деятельности (стр. 118). Поэтому он считает неправильным называть группами объединения, не имеющие внутренней организации, собственных ценностей и т. д.

Оригинален подход автора и к вопросу о социальной структуре группы, обычно понимаемой как система и принцип упорядочения членов группы, институтов и подгрупп, составляющих группу. «В этом определении, — справедливо отмечает Щепаньский, — принимаются во внимание лишь «социальные» элементы, то есть члены

и отношения между ними; в социальную структуру не включаются все те элементы, которые входят в состав группы, такие, как центры объединения, имущество и т. п.. Все эти элементы играют важную роль в жизни группы, и при описании строения группы следует указать их место» (стр. 132).

Специальному анализу подвергается Щепаньским такая особая группа, как семья, осуществляющая, по его мнению, две основные функции — обеспечение биологической непрерывности общества и передачу культурного наследия более широких общностей. Любопытно, что наряду с понятием «функции семьи» польский ученый вводит новое для социологической литературы понятие — «задачи семьи», дающее возможность глубже понять механизмы связи этой группы с более широкими общностями и опровергнуть пессимистические теории о ее все убыстряющемся разложении и грядущем окончательном уничтожении.

Впервые в социологии Ян Щепаньский характеризует так называемые целевые группы, то есть группы, «созданные с сознательным предположением, что они будут стремиться к достижению целей, либо определенных замыслами организаторов, либо выраженных в формализованном статуте» (стр. 151—152), детально описывая механизм их генезиса, функционирования и развития, их внутреннюю структуру и т. д.

В связи с этим анализируется и пресловутая проблема «бюрократии». Щепаньский убедительно доказывает неправомочность использования данного термина лишь в обиходном его значении как отрицательного стиля руководства. «В социологическом значении этого слова, — пишет он, — бюрократия — это определенная рационализированная и деперсонализированная система управления и руководства, обеспечивающая максимальную четкость и эффективность деятельности институтов, администрации, предприятий или других целевых групп. Говоря упрощенно, бюрократия — это метод четкого урегулирования вопросов» (стр. 158), единственно возможная в современном обществе рациональная система организации труда.

Немало поучительного найдет для себя читатель и в тех разделах книги Щепаньского, где речь идет о понятиях «социальная мобильность», «социальная стратифика-

ция», разграничиваются категории «толпа» и «публика», уточняются термины «род», «племя», «народ» и т. д.

Базируясь на положениях исторического материализма, Щепанский подчеркивает, что вообще реальность систем социальной стратификации основывается прежде всего: «1) на объективных отношениях, которые создаются в процессе производства, разделения труда и его общественной организации; 2) на объективных возможностях деятельности, которые имеют люди, занимающие то или иное положение в этой объективной системе отношений» (стр. 175).

Но, к сожалению, Щепанский иногда идет по такому пути, который, как правило, не дает плодотворных результатов тогда, когда необходимо дать четкий ответ на принципиально важные вопросы. Сам же автор признает, разбирая, например, механизм формирования функционирующих систем общественных отношений: «Наш анализ был чисто формальным. Мы не вникали в различную сущность системы институтов и контроля, которая изменяется в зависимости от исторических эпох и общественно-экономических формаций» (стр. 113).

К сожалению, именно это — то весьма нередкое увлечение «чисто формальным» анализом и не дало возможности Яну Щепанскому правильно осветить и проблему общества¹ и сущность критериев социального прогресса, что значительно снижает ценность теоретических разделов его книги.

Но в целом, повторяем, перед нами труд, который, будучи не во всем бесспорным, убедительным и исчерпывающим, тем не менее представляет собой крупный вклад в социологию, в развитие ее языка, ее понятийного аппарата, ее проблематики и конкретики.

Знакомство с книгой Яна Щепанского раскрывает новые ракурсы исследований социальной действительности, новые приемы изучения и обобщения социологического материала. Вот почему издание перевода этой работы принесет, бесспорно, немалую пользу отечественной социологии.

¹ «Глобальное общество, — полагает Щепанский, — это своего рода синтез форм общественной жизни, созданных на базе некоторых основных элементов и комплексов культуры. Оно может возникнуть на основе экономической системы производственных отношений... и может возникнуть на основе религии и ее институтов» (стр. 189).

Содержание

От Издательства	5
I. Введение	7
Предмет и сфера социологических исследований	8
Социология и другие общественные науки	11
Философские и методологические предпосылки социологии	13
Задачи настоящей работы	15
II. Природные основы общественной жизни	18
Понятие общественной жизни	18
Сообщества животных	20
Биологические основы общественной жизни людей	24
Географические условия общественной жизни	27
Демографические основы общественной жизни	30
III. Экономические основы общественной жизни	33
IV. Культура	38
Определения	38
Внутренняя структура культуры	44
Влияние культуры на общественную жизнь	48
V. Социологическая концепция человека и личности	57
Различные теории человека	58
Понятие человеческой природы	59
Проблема инстинктов	62
Социальная личность и ее составные элементы	65
Интеграция элементов личности	76
VI. Социальная связь	79
Пространственный контакт	79
Психический контакт	80
Социальный контакт	82

Взаимодействия	84
Социальные действия	85
Социальные отношения	90
Социальные зависимости	93
Социальные институты	95
Социальный контроль	101
Социальная организация	109
Социальная связь	113
VII. Социальные общности	115
Определения	115
Общая характеристика общности	122
Группа	125
Структура группы	131
Виды групп	135
Семья	139
Целевые группы	151
Бюрократия	153
Территориальные общности	160
Социальные слои и классы	167
Касты	175
Общности, выделяемые на основе особой культуры	176
Общности, основанные на сходстве поведения	181
Глобальное общество	186
Онтологические проблемы социальной реальности	189
VIII. Социальные процессы	193
Понятие социального процесса	193
Социальная мобильность	203
IX. Проблемы социального развития	208
Введение	208
Технические и научные изобретения	210
Взаимопроникновение культур	212
Социальные движения	214
Право как фактор социального развития	222
Социальный прогресс	224
Послесловие	227